

МЕДВЕДИ^ИЯ

РОБЕРТ ФРЭНКЛИН ПЕСЛИ

история о том, как в лесах
канадского севера человек
вырастил трех осиротевших
медвежат

Североамериканский вариант
«Рожденная свободной»

Annotation

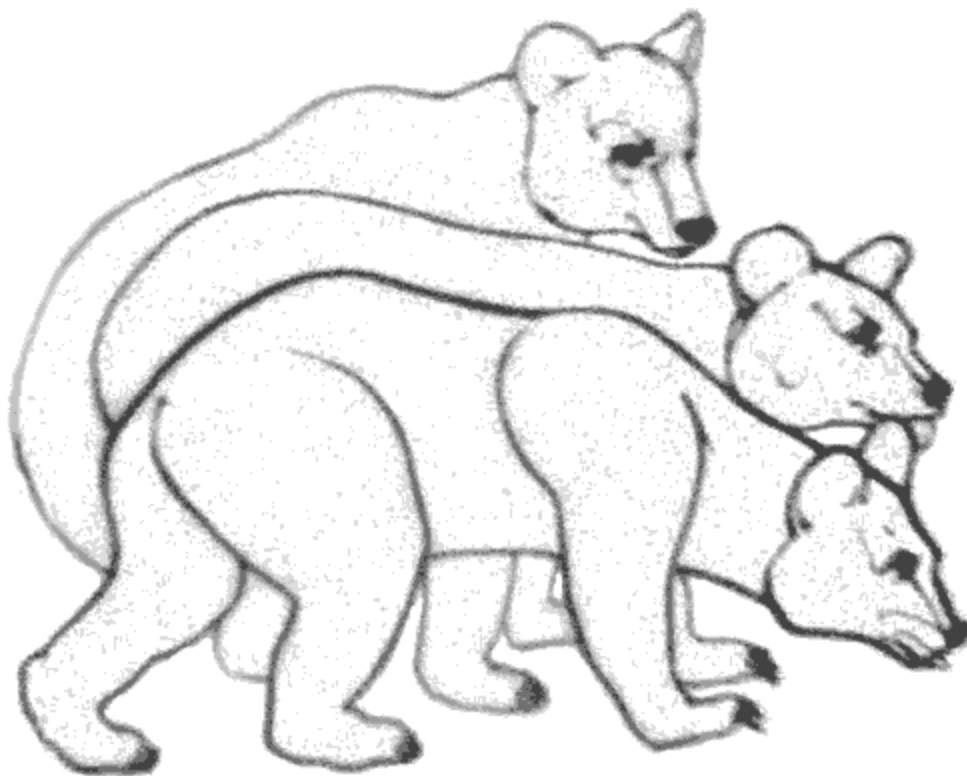
История о том, как в лесах Канадского Севера человек вырастил трех осиротевших медвежат.

Автор, Роберт Франклин Лесли, — прекрасный натуралист, великолепно знает природу и животный мир Канады. Написана книга увлекательно, с любовью и добрым юмором. Лесли наполовину индеец, и его отношение с природой носит отпечаток давнего и полного единения с природой, так присущего когда-то обитателям Североамериканского континента.

- [Медведи и Я](#)
 -
 - [Как я породнился с медведями](#)
 - [Сигналы опасности](#)
 - [Лесной пожар](#)
 - [Персоны нон-грата](#)
 - [Дальнее пастбище](#)
 - [Пестрые знакомства](#)
 - [Начало зимней спячки](#)
 - [Ларч — житель северных лесов](#)
 - [Годовики проснулись](#)
 - [Изобильная земля](#)
 - [У Дасти появляется ухажер](#)
 - [Ружейные выстрелы](#)
 - [Рассказ индейца](#)
 - [Обоюдоострый топор](#)
 - [Дальнейшее — молчание](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Медведи и Я (Роберт Фрэнклин Лесли)

Моей жене, Ли Роша Лесли

Robert Franklin Leslie
The Bears and I
Ballantine Books, New York, 1974

Как я породнился с медведями

На глобусе пятьдесят пятая параллель опоясывает Британскую Колумбию точно посередине. Эта воображаемая линия пересекает озеро Бабин, которое протянулось извилистой синей лентой шириной в пять миль и длиной в двести километров. Все триста миль береговой линии, опоясывающей глубокую впадину, в которой покоится озеро, представляют собой крутые откосы, осененные зеленью хвойных лесов, которые далеко простираются вокруг, перетекая через окрестные холмы и затопля величественные уступы горного массива Бабин. Эти горы с их плоскими или округлыми вершинами кажутся менее внушительными, потому что очертания их скрадываются густыми лесами, в которых произрастают могучие ели, пихты, хемлоки.

Там, где ответвляется южный рукав озера, протянувшийся с востока на запад, озеро Бабин разливается на сотню километров, растекаясь по множеству каньонов среди высокогорных вересковых пустошей. Другой рукав, устремленный на север, словно длинный указательный перст, тянется еще на пятьдесят пять километров. Ярко контрастируя с суровым, а порою просто угрюмым лесным ландшафтом, светлая, сверкающая даже в пасмурные дни песчаная полоса отделяет зелень лесов от озерной синевы. Сверху озеро Бабин похоже на широкую реку, которая спокойно течет по извилистому руслу.

Севернее фактории Топли-Лендинг у моего друга Ред-Ферна, индейца из племени бобров, был хороший и удобный бревенчатый дом, туда можно было добраться на каноэ за полтора дня, если встречные ветры давали себе небольшую передышку. Дом этот возвышался, словно орлиное гнездо, на южном берегу речки Наггет-Крик, которая с запада впадает в озеро Бабин. Долгими предзакатными часами я лежал в гамаке, подвешенном на террасе перед входной дверью, и наблюдал, как лоси и медведи переплывают озеро. Летом Ред-Ферна не было, он нанимался валить лес для лесопильного завода в Пенделтон-Бее и уступал мне на это время свой дом за четвертую часть того золота, что мне удастся намыть в Наггет-Крике. Таким

образом я хотел раздобыть денег, чтобы «застолбить» место для учебы в колледже. Поэтому мы и называли наш договор «сделкой о долевым участии».

Летом индейцы племен талтан, бабин, секани и каска на законных правах разрабатывали свои участки в северной части озера, и их долбленные пироги, лодки типа «Гудзонов залив» и каноэ «Питерборо» часто бороздили водную гладь между их летними стоянками и факторией, где они взвешивали свои скудные крупицы золота и получали в обмен «пойло» (черный ром), дрожжи, продовольствие, инструмент, джинсы и другие необходимые им вещи, которые в лесу не добудешь. В зимние месяцы молодые индейцы в основном занимались трапперством или валили лес для лесопромышленной компании поблизости от фактории. Старики шили из крашенных лосевых шкур мокасины или делали лучшие в мире снегоступы из сыромятной кожи на березовых рамах, наподобие медвежьей ступни. Летом они служили разменной монетой при торговле с Компанией Гудзонова Залива в Форт-Принс-Джордже.

Как-то под вечер в конце июня я ловил на спиннинг рыбу, пристроившись на выступе скалы в устье речки Наггет-Крик. Воздух звенел от щебета поздних перелетных птиц. Мимо протарахтела моторка, в которой громко переговаривались два белых охотника, они возвращались из «боскуэй», как индейцы называют дикий лес. Ветерок трепал шерсть на огромной мохнатой глыбе, возвышавшейся посередине лодки как безмолвное доказательство успешной охоты на медведя. Все время, ловил ли я рыбу, промывал песок или просто бродил по окрестностям, я ощущал где-то поблизости присутствие черных медведей и медведей гризли, вапители, других оленей и лосей. В то лето уже по крайней мере дважды индеец-проводник с озера Барнс привозил охотников, желавших добыть медвежью шкуру, и любителей рыбалки.

Едва моторка обогнула маленький мыс, выдававшийся в озеро, как из леса севернее устья Наггет-Крика выбежали три медвежонка-барибала, каждый не больше плюшевого медведя, и старая костлявая медведица. Эта четверка пробежала по берегу, с плеском прошлепала по мелководью к скале, с которой я ловил рыбу, и стала кланяться у меня улов. Моторка с охотниками еще была видна.

— Убирайтесь в лес, дурачье! — закричал я. — Неужели вы не чувствуете, что у них в лодке?

Я так махал руками и кричал, что медведи испугались и спрятались в ивняке, который рос чуть выше по течению. По звонким шлепкам и визгу, доносящимся из кустов, я понял, что старая медведица пытается навести порядок. Мне было ясно, что охотники могут увидеть медведей, а те их не почуют, потому что ветер дул в сторону моторки.

Мокрые и усталые, медвежата наконец нашли безопасное пристанище на высоте тридцати метров от земли на гигантской, поросшей лишайником пихте, которая не одно столетие простояла на скале на моем берегу Наггет-Крика. Из своего убежища на ветке, нависающей над рекой, они следили за медведицей, которая пряталась в зарослях ивняка и ольхи. Всякий раз, когда я кидал ей рыбу, медвежата издавали хриплое, гортанное «Мо! Мо!», обозначающее голод. Медведица не разрешала им спуститься.

Клев был хороший, и я оставался на реке до заката, стараясь наловить побольше радужной форели, которую я собирался закоптить в дыму от осиновых листьев на кленовых углях в коптильне Ред-Ферна, за нашим домом. Иногда я поглядывал на старую пихту на обрыве, но почти не обращал внимания на три пушистых черных клубочка, скуливших на ветке.

В тот вечер, отдыхая в сумерках на верхней ступеньке крыльца и наслаждаясь трубкой, я подивился тому, что медвежата не спустились с дерева и не убежали по своим медвежьим делам. Но все это, конечно, не мое дело и вмешиваться я не собирался.

А старую смирную медведицу я знал давно. Последние два лета я подкидывал ей объедки. Я знал, что по возрасту она не может быть матерью этих малышей. Значит, их мать застрелили. Старая медведица усыновила сирот, как это всегда бывает здесь, на севере, когда детеныши остаются без родителей. Но медведица была стара, медлительна, страдала ревматизмом, да и по возрасту уже ей не достало бы терпения и выдержки, чтобы два года опекать троих малышей. Медвежата-тройняшки мельче двойняшек и нуждаются в материнской заботе еще один год после своей первой зимовки.

Сколько раз за прошедшие тридцать с лишком лет вспоминал я то, что выкинула эта почтенная медведица потом!

Покрытая шрамами старая медведица робко и медленно, чуть ли не на брюхе, поползла к моему крыльцу. В шести футах от меня она остановилась и села на траву, устремив на меня такой отчаянный взгляд, какого я никогда не видел раньше у диких животных. Мотая головой и явно что-то пытаюсь мне сказать, она издавала мягкие гортанные звуки, которые, казалось, рождаются у нее глубоко в горле. Нельзя было не понять, что она пытается передать мне через непреодолимый барьер, разделяющий человека и зверя, какое-то важное сообщение. Совершенно ясно просьба была важная, не имеющая ничего общего с обычным выпрашиванием объедков; однако поначалу мне было трудно отрешиться от своей нелюбви к медведям-попрошайкам. Я ни на секунду не спускал с нее глаз, но не потому, что опасался подвоха, просто она возбуждала во мне какое-то безотчетное любопытство. Во время этой необыкновенной сцены медведица то и дело переводила взгляд с меня на укрывшихся на дереве медвежат, так что вскоре я уже не сомневался, что просьба ее касается малышей. Наконец, послав мне долгий испытующий взгляд, она опустила нижнюю губу, обнажив десны, издала несколько жалобных стонов, поднялась и неуклюже зашагала к старой звериной тропе, которая вела в лес позади дома. Судя по всему ее поведению, она покидала медвежат-сирот.

На востоке, над хребтом Оминька взошла луна и простерла свой длинный сияющий золотисто-желтый луч над озером. Вдали взвыл волк, и другой ему ответил. Призывно затрубил лось. Было около половины одиннадцатого, солнце ненадолго спряталось за горы Бабин, там оно сделает невидимый мне круг и снова взойдет над Оминькой в два тридцать. При нормальных атмосферных условиях летний закат здесь делится на два периода — янтарный час и алый час. В июне ночь длится не больше четырех часов. В тот вечер я лег спать, не дождавшись алого часа, но никак не мог выбросить из головы медвежат. А вдруг малыши голодны? Я успокоился на том, что все как-нибудь обойдется и утром я увижу, что медведица ушла и увела их с собой.

Солнце еще не вышло из-за зубчатых вершин Оминьки на востоке озерного края, когда я с виноватой поспешностью выскочил из дома и направился напрямик к большой пихте на обрыве у Наггет-Крика. Три пары блестящих глаз-бусинок выглянули из трех пушистых клубков на

нижней ветке. Ночью медвежата спустились на огромную широкую ветвь в тридцати футах от земли, чтобы провести ночь более комфортабельно.

Вернувшись на кухню, я сварил большой котел кукурузной каши, сдобрил ее пинтой меда и банкой сгущенного молока — теми драгоценными продуктами, которые я доставил на каноэ, три дня выгребая против ветра от Топли-Лендинга до дома у Наггет-Крика. Разлив кашу в три тяжелые миски, рассчитанные на здоровые, хотя и не изоощренные аппетиты северян, я поставил лакомство у ствола пихты и, отступив к крыльцу, стал поджидать неизбежное.

Аромат теплой каши, меда и молока сразу долетел до чувствительных черных носов медвежат. Они затеяли долгий спор с визгом, шлепками, шипеньем, рычаньем и укусами. Никто из троих не хотел первым нарушить приказ медведицы оставаться на дереве, никто не решался соскользнуть вниз по стволу и начать есть, когда рядом стоит бородатый незнакомец, так что к тому времени, когда эта шумная тройца наконец поддалась естественной потребности поесть, каша остыла.

Ни на секунду не отрывая от меня глаз, подкидыши проглотили свой завтрак, досуха вылизали миски и вновь вернулись на ветку, в свое спасительное убежище.

Наполнив миски вновь, на этот раз сушеными сливами, — безумное расточительство, — я принялся за свое старательское дело. Швыряя лопатой ил с песком в длинный промывочный канал, затем открывая створки, чтобы направить воду через лоток, я выбирал самые крупные камешки руками. Когда весь ил был смыт, я просеивал оставшийся песок сквозь решетку, чтобы проверить, осели ли в желобках после этой монотонной, трудоемкой операции хоть какие-нибудь крупинцы золота. Помимо того, что старатель проводит долгие, томительные часы в одиночестве, тяжелом физическом труде и разочарованиях, он все время мокр до нитки и открыт всем ветрам, дождю и солнцу и яростно жрущим его насекомым. Порой неделями в награду за изнурительный труд не находишь в лотке или канале ни золотинок.

В тот день к семи вечера я не заработал и доллара. Я думал о том, как беден участок Ред-Ферна, и с легкой тоской вспоминал родительский дом в Южной Калифорнии, совсем забыв о медвежатах.

Подымаясь по тропе от реки к дому, я вдруг почувствовал, что за мной кто-то идет. Резко обернувшись — а это не очень разумно в северных лесах, где резкие движения, превратно понятые, могут спровоцировать вапити или медведя-гризли на нападение, — я обнаружил, что трое медвежат, выстроившись гуськом, осторожно ступают по моему следу и ушки у них прижаты, как у щенков колли. Проходя мимо пихты, я поднял пустые миски и пошел дальше к дому. Медведи шли следом на почтительном расстоянии и все время тихонько бормотали, продолжая спор, и похоже это было не то на писк, не то на фырканье. Я так и вижу, как они ровненьким рядком садятся у самого крыльца, опустив головы и глядя на меня исподлобья с той трогательной мольбой о помощи, по которой безошибочно узнаешь сироту, сознающего свою тяжелую долю.

Для начала я прошел в копильню и взял три больших форели. Положив в каждую миску по рыбине, я поставил их у ступенек, поодаль друг от друга, чтобы между этими плюшевыми медведями не возникали споры о том, чья это миска. С ужимками настоящих гурманов малыши подошли каждый к своей миске, присели на корточки, обхватили большую рыбину и аккуратно съели сочное блюдо «а ла бабинеэ».

Хотя они не выглядели такими испуганными, как накануне, они следили за каждым моим движением все так же подозрительно и подсказывали, мгновенно реагируя на любую перемену в моем поведении; и все же они не выказывали никакого желания уйти.

Я не стал ни приглашать медведей в дом, ни подманивать, я просто оставил дверь открытой, пока жарил себе лепешку и окуня. Тихое бормотанье, то и дело прерываемое резким долгим визгом, означало, что на крыльце идет оживленная дискуссия. Когда эти гортанные звуки вдруг умолкли, я вышел из кухни посмотреть, что происходит. Медвежата сидели, обнимая друг друга передними лапами, на потрепанном ковре посередине комнаты и смотрели прямо на меня.

В домике Ред-Ферна, сложенном из тяжелых тесаных еловых бревен, было два помещения — кухня и комната. В одном конце просторной «гостиной», рядом с очагом из грубого камня почти во всю ширину комнаты, он соорудил лежанки. Много позже к ее южной стене была пристроена кухня с погребом под нею. Ред-Ферн сделал

это, когда женился на овдовевшей индианке из племени секани, которая не хотела жить в доме без кухни, непромерзающего погреба и железной плиты. В доме Ред-Ферна передняя стена была почти сплошь застеклена, что индейцы племени надене обычно не делают. Ему нравился вид на озеро, поэтому он поставил свое жилище так, чтобы в любое время года собирать поэтическую дань с красот окружающей его природы. Мне же казалось непосильной задачей чистить все эти стекла, когда они запотевали или замерзали.

Гряда облаков, плывущая с Юкона вдоль западных отрогов Скалистых гор, принесла холодный арктический воздух, так что я зажег угольно-масляную лампу, подбросил в очаг два сухих полена, подвинул поближе к нему глубокий обитый лосевой кожей стул и приготовился провести вечер за чтением возвышенных сочинений Роберта Сервиса. Медвежата смертельно боялись трещащего огня, но любопытство — свойственное всем медведям — победило их страх. Подбадриваемые, без всякого сомнения, приятным ощущением безопасности и сытости, малыши, как щенки, подползали все ближе и ближе к очагу и с визгом бросались в темные углы под лавками всякий раз, как скопившийся в дереве газ с треском взрывался, рассыпая слепящие снопы искр.

Но если огня они просто боялись, то я внушал им настоящий ужас. Они не испытывали ко мне как к новому для себя зверю ни малейшего интереса, и стоило мне сделать хоть шаг в их сторону, как они единым клубком забивались под лавку. Должно быть, исчезновение их матери, а потом и приемной матери было еще слишком свежо в их маленьких растерянных умишках. Каким-то образом вид человека был связан для них с этими роковыми исчезновениями.

Выхаживать и выкармливать тройню вдвое труднее, чем двойню, потому что медвежата-тройняшки более мелкие и более слабые. Часто кто-то один болезнен, другой капризен, а третий так привыкает к опеке, что вырастает очень робким и не способен самостоятельно жить в мире, где медведь медведю враг. Обычно какие-то природные различия, не столь очевидные у двойняшек, проявляются в размере, окрасе и привычках тройняшек.

Те трое, которые остались со мной, казались мне совершенно одинаковыми, словно их сделали под копирку, пока я не присмотрелся

к ним поближе. Один был чуточку крупнее других и не совсем исчерна-коричневый, а цвета вороненой ржавчины, и на груди у него было маленькое белое пятно. Я назвал его Расти,^[1] отчасти из-за его окраски тона темной корицы, а отчасти по тому визгливому писку, которым он настаивал на своем главенстве над двумя остальными.

Едва выйдя наутро из дома, Расти стал кусать своих брата и сестру за поджилки, пока они не залезли на ель. Он хотел удостовериться в том, что можно без опаски обследовать поляну за домом. Когда же он обнаружил, что у него не хватает духу осмотреть таинственный двор за домом одному, он позвал их вниз отрывистым фырканьем. Принюхиваясь, они неуклюже продвигались сквозь бурьян по своей новой территории, а Расти своим визгом, похожим на звук фальшивой дудки, приказывал им вернуться, если они вдруг опережали его. При малейшем неповиновении он поднимался на задние лапы и подкреплял свой авторитет короткими точными ударами правой и левой в челюсть послушника.

Самый маленький из медвежат был почти сплошь черный, не такой шумный и склонен во всем следовать за Расти или сестрой. Он был неуклюж и, куда бы ни шел, вечно за что-нибудь задевал. И почти всегда, прежде чем что-то сделать — даже начать есть, — он усаживался и скреб лапой за ухом. Именно поэтому я назвал его Скреч.^[2]

Их сестра была куда изящнее, но такая же проказливая, как братья. На кончике каждого волоска ее меха была крупинка серого цвета, как будто она только что вывалялась в пыли. Каждому, кто бывал на севере озерного края Британской Колумбии, известно, что в этой стране густых лесов, сапфировых озер и сверкающих пляжей нет пыли. И все же я не удержался и назвал малышку Дасти.^[3]

Я предчувствовал, что из-за Расти, Дасти и Скреча мой довольно свободный и абсолютно независимый распорядок дня — рабочего дня золотоискателя — переменится, но и представить себе не мог, насколько. Однако в ходе нашей совместной жизни я поневоле признал, что медвежата шли на куда большие уступки, чем я.

Всю первую неделю каждый вечер, часов в шесть, старая медведица приходила на опушку леса, подзывала малышей, быстро проводила собрание, а затем отсылала их назад в дом и удалялась по старой звериной тропе, которая вела вдоль Наггет-Крика в

необозримые леса Томлинсона. Неделя кончилась, и мы больше не видели нашей медведицы.

Честно говоря, я не придавал особого значения этим приходам старой медведицы, пока не поговорил однажды с Чарли Твейтом, индейцем-лесорубом из племени чилкотин, когда он, поставив свою моторку у причала Ред-Ферна, заночевал у нас. В поисках золота и платины вдоль рек и озер горных хребтов Бабин и Дрифтвуд я довольно долго общался с многочисленными семьями разных индейских племен группы надене, живущих в лесной глуши. Эти лесные жители, люди простые и часто примитивные, но обладавшие удивительной душевной цельностью, не только обучили меня своему древнему умению жить в лесу; они позволяли мне пользоваться своими хижинами и орудиями труда, зачастую доставляли продукты по целой цепочке бурных озер и предательских белопенных рек, растянувшихся на сотню миль, и показывали, где копать и промывать песок в поисках драгоценных металлов. Даже те тридцать пять месяцев, что я жил вместе с медведями почти как животное — недостойное занятие в глазах индейцев племен бобров и секани, — эти индейцы закрывали глаза на мое странное поведение, считая, что оно вызвано каким-то им совершенно непонятным комплексом. Чарли Твейт был первым, кому я рассказал о событиях этой недели.

— Даже если мать-медведица по каким-то причинам оставляет своих малышей, — сказал Чарли, — она часто навещается к приемной матери, посмотреть, хорошо ли ее малышам. Индейцы говорят, что мать берет их обратно, если ей что-то не понравится. Похоже, что ты выдержал проверку, Боб. А что ты будешь делать теперь?

— А разве у меня есть выбор? — спросил я с вызовом. — Видно, природа-матушка сама решила, чтобы я воспитывал этих медвежат. Я не могу выгнать их на растерзание пумам, волкам и рысям.

— Тебя ждут немалые беды, — предупредил он. — Немалые беды ждут и тебя и медведей. Человек не может жить по-медвежьи, а медведь — по-человечьи.

На следующее утро медвежата ни за что не слезали с дерева, пока Чарли не уплыл.

Только на девятый вечер, сидя у широко раскрытой дверцы очага, я узнал, что еда, убежище и защита — это еще не все, что нужно

маленьким медведям. Ужин кончился, посуда была вымыта, я перечитывал в пятый раз баллады Сервиса, устроившись у очага, в котором потрескивали поленья. По крыше уныло барабанил дождь. Лежа на своей подстилке у очага, Расти разглядывал меня, как почти весь этот день на берегу речки. Дасти и Скреч, прижавшись к нему, дремали, свернувшись калачиком. Наконец, Расти поднялся и решительно двинулся к моему стулу; при этом резком движении остальные двое приоткрыли один глаз и стали следить за ним. Обнюхав мои дымящиеся носки, он встал на задние лапы, осторожно подошел к стулу и положил обе передние лапы мне на колени. Я решил не обращать на него внимания хотя бы некоторое время, но медведи, так же как слоны и боа-констрикторы, не дают себя игнорировать, особенно когда они жаждут ласки.

Вцепившись когтями мне в ногу, чтобы привлечь к себе внимание, он стоял неподвижно, глядя на меня. Стоя в полный рост, с поднятыми вверх лапами, медвежонок был высотой всего шестьдесят сантиметров от пяток до кончика носа. Я медленно опустил руку к его лицу, и он стал лизать мне пальцы. Меня удивило, какой шершавый его длинный и гибкий язык. Я провел рукой по его загривку и плечам. Впервые я прикоснулся к одному из медвежат. Меня поразило, какая жесткая и густая у него шерсть. Когда я почесал ему голову, так похожую на голову щенка, между большими, круглыми ушами и задержал там руку, малыш отклонился назад, прося помочь ему залезть ко мне на колени. Там он поворачался, пока не устроился так, чтобы видеть выражение моего лица. Обменявшись хриплым фырканьем с братом и сестрой и убедившись, что никаких страшных последствий его неожиданный поступок не вызовет, он так глубоко вздохнул, что вздрогнул всем телом.

Пораженные его наглостью, Дасти и Скреч только ворочали головами. Дасти, понаблюдав за неожиданным поведением Расти и послушав его фырканье, подошла к моему стулу, как обезьяна вскарабкалась по моей ноге и, таким образом, заявила свои права на одну треть места на моих коленях. Скреч на полпути к брату и сестре остановился посидеть и почесать в затылке, как будто его поступок был результатом какого-то решения. Роберт Сервис упал на пол, читать мне в тот вечер больше не пришлось. Каждый из медвежат старался вести себя как можно лучше, чтобы мне угодить, и когда мы

пристально глядели друг на друга, я с точно такой же робостью, как и они, искал в их вопрошающих глазах одобрения. В одном я уверен твердо — именно в эти бесценные часы родилось взаимопонимание между человеком и медведем. Что бы ни принесло время, наша жизнь с этого момента протекала под неизмеримым влиянием негласного пакта дружбы, заключенного в тот вечер.

Поскольку я так решительно взвалил на себя ответственность за жизнь этих трех медвежат, я столь же твердо решил не допускать ничего, что привело бы к их одомашниванию. Такие установленные людьми институты, как поощрение и наказание, тренировка определенных навыков, статус собаки и ее хозяина, слепое повиновение, противоречат, на мой взгляд, искреннему взаимному уважению. Еще ребенком я узнал от своего отца-индейца, что угрозами или физическими наказаниями животное ничему не научишь, а напротив, лишь укрепишь в нем то свойство, от которого хочешь его отучить.

Мой отец, индеец-чероки, провел большую часть своей юности, тесно общаясь с индейцами джикариллапачи в окрестностях Уайт-Оукс в штате Нью-Мексико в 70–80-х годах прошлого века. Хотя его родители переехали в западный Техас, где он женился и обзавелся собственной семьей, знание леса и животного мира, приобретенное им в детстве, осталось главным в его весьма цивилизованной жизни. Мне было одиннадцать лет, когда мои родители купили дом в Калифорнии в предгорьях Береговых хребтов к северу от Санта-Барбары. И зимой, и летом отец брал всех троих сыновей в дальние походы и учил нас обычаям своих предков. Зато когда мы были дома, нами всецело занималась наша мать-шотландка.

Самым главным в моих обязательствах по отношению к медвежатам было направлять все их действия к самостоятельности, чтобы они могли благополучно существовать в своей естественной среде после моего возвращения в Калифорнию. Им предстояло познать законы природы в дополнение к велениям простого инстинкта, потому что природа быстро уничтожает тех, кто игнорирует или нарушает ее кодекс.

Не навязывая медвежатам излишнего внимания, я постепенно заставил их понять, что из моих рук они будут получать бесконечный поток пищи, информации и ласки. Пальцами я указывал им ягоды,

личинки, саламандр и корни. Пальцами тех самых рук, которые вытаскивали у них клещей и колючки, переносили их через буреломы, чесали им спину и гладили по голове.

Если природа обидела дикобразов, черепах и броненосцев при рождении, сделав так, что они не вызывают желания их приласкать, она возместила это, создав медведей. Удовольствие, которое я получал каждый вечер, когда медвежата устраивались у меня на коленях, было не меньше того, которое получали они. После первых девяти дней, когда они боялись меня и держались в стороне, медвежата стали действительно искать повод прижаться ко мне поближе и почувствовать, как я пальцами расчесываю их роскошный мех, когда они усаживались рядом со мной на ивовом стволе или обитом кожей стуле.

В тот же вечер, когда они впервые забрались ко мне на колени, они залезли в мой большой пуховый спальный мешок. Мне понравилось, что от них пахнет свежим сеном, а тепло их маленьких тел почти искупило их храп и обилие кровожадных насекомых.

Наутро, после завтрака, когда я извел на медведей коробку порошка от блох и вшей, которую нашел у Ред-Ферна, мы в первый раз поссорились.

Пока я в то утро управлялся в промывочном канале, лопата за лопатой швыряя ил в лоток и промывая осадок, медвежата боролись друг с другом или просто сидели на обрыве над рекой и смотрели на другой берег озера. Временами они отваживались дойти до края сумрачного леса, но, напуганные сойками, бросались назад ко мне. В какой-то момент, когда я сосредоточенно промывал горсть больших самородков, вдруг разом объявившихся, медвежата исчезли. Выбравшись на берег, чтобы пойти на поиски, я обнаружил, что вся троица орудует на заросшей черникой и малиной поляне сразу за коптильней. Увидев меня, они с трудом перетаскивали свои туго набитые животики через поляну и рухнули у моих ног. Они простили — даже забыли совсем — нашу небольшую стычку из-за насекомых, с которой началось утро.

Мой рабочий день среди грязи, водяных брызг, насекомых и бурного течения подходил к концу, когда нерестящийся косяк нерки вышел из озера и двинулся к озерам в верховьях Наггет-Крика. Сбегав в сарай, где у меня хранились рыболовные снасти, я вернулся к реке. Спустя час я развешивал в коптильне сорок фунтов филе красного

лососю. Дасти и Скреч сожрали по два литра икры и внутренностей, но Расти отвернулся от этих деликатесов.

Знай я о медведях побольше, я бы распознал опасный симптом болезни в том, что медвежонок отказался от лососевой икры. Я же решил, что Расти просто наелся ягод. Когда он посмотрел на меня с выражением неподдельного страдания и застонал, я взял его на руки, отнес в дом и уложил в постель. Почуввав что-то серьезное, Дасти и Скреч тихонько сидели рядышком посреди комнаты. К девяти часам вечера состояние Расти стало угрожающим. Его маленькое тело обмякло, и он не реагировал, когда я его трогал. Глаза остекленели, пасть пересохла и была широко раскрыта, дыхание стало шумным и неровным. Один раз он попытался подняться, но беспомощно упал на спину и больше не двигался. Я старался не поддаваться отчаянию, без конца кипятил воду и прикладывал горячие полотенца к животу Расти; так продолжалось до полуночи. И тут его вырвало. Когда я увидел, чем, то решил, что наутро у меня останутся два медвежонка. Он наелся ядовитых грибов аманита, есть которые, как я понимаю, мамы-медведицы запрещают своим малышам. В три часа Дасти и Скреч залезли на лежанку и пристроились рядом с Расти, который лежал, не двигаясь и не открывая глаз. До утра я поддерживал яркий огонь в очаге и вытирал белую пену, текущую из пасти медвежонка.

Когда оранжевые полосы рассвета превратились в день, мне показалось, что я уловил слабую перемену к лучшему. Расти уже не лежал, беспомощно вытянувшись между Дасти и Скречем, а перевернулся на живот, аккуратно подтянув лапы и положив голову на краешек моей подушки. Но глаза у него были еще остекленевшие и открывались только наполовину. Когда он, наконец, ровно дыша, погрузился в глубокий сон, я решил приготовить завтрак. Дасти и Скреч прошли за мной на кухню, но сидели в углу неподвижно, как два столбика, пока я варил овсянку. С тех пор как Расти заболел, они не издали ни звука. Вместо того чтобы после завтрака, как обычно, отправиться в залитый солнцем лес у озера на утреннюю прогулку, оба медвежонка тихонько легли рядом с Расти. Сестра с полчаса лизала ему морду.

В полдень Расти сделал мучительную попытку слезть с лежанки. Когда я спустил его на пол, он доковылял до своей миски на кухне и вылакал чуть ли не кварту воды. Я предложил ему поесть, но он не

захотел, поковылял к двери; он с трудом выбрался из дому и у него случился приступ поноса. Когда он вернулся в дом, на его печальной мордашке было написано желание поскорее лечь в постель. К середине дня его умненькие глазки обрели былой блеск и стали следить за тем, как я убираю в доме. Поддавшись радости, я подхватил его под мышку и настоял на прогулке по сверкающему пляжу.

— Ах ты, маленький негодяй! — пробормотал я, поставив его на песок. — Из-за тебя я напрочь забыл про самородки, которые нашел вчера, а они стоят не меньше ста долларов!

Сначала он ковылял с трудом, внутри у него все болело, и каждые несколько шагов он спускался к воде попить; но рядом с ним так веселились и проказили Дасти и Скреч, что в конце концов к нему вернулась та живость, которая отличает молодых медведей, и наконец он стал резвиться, почти как раньше. Чтобы отпраздновать его выздоровление, я в порядке исключения разрешил ему гоняться за охрипшим кроншнепом по болотистому торфянику.

Сигналы опасности

С каждым днём медвежата значили для меня все больше и больше. По мере того как росло их значение в моей жизни, укреплялась моя решимость обучить их полной самостоятельности. Да и чисто практически ни одному работяге-старателю, думающему об учебе в колледже, не под силу без конца нянчить трех диких медведей. Чтобы не навредить медведям — и отчасти оправдать доверие, которое оказала мне старая медведица, — я решил по утрам вместо работы брать медведей в регулярный обход нашей территории и стал учить их находить личинки, полевков и хомяков, переворачивая камни, отдирая кору с бурелома и приподнимая мох сфагнум, которого было всюду полно. Я погружал лапы медвежат в муравейники, вынимая самых крупных муравьев и их яйца. К важным муравьям-солдатикам, которые в самую жаркую пору дня вышагивали взад-вперед по берегу под кусочком листика, как под зонтиком, медвежата вначале отнеслись с подозрением; но, отведав однажды из любопытства этих насекомых, они уже не упускали случая пройти следом за длинными шеренгами муравьев, движущимися навстречу друг другу, подбирая их языком и выплевывая листочки-зонтики.

Примерно в полумиле к югу от нашего дома была трясина, где медвежата разрыли не один акр болотной травы в поисках корней ириса и луковиц разных лилий. В середине июля земляника и крыжовник налились сахарной сладостью, а корни цикория, жеруха и стручки крокуса помогали заполнять бездонные желудки подрастающих медвежат. К августу наши продовольственные экспедиции охватывали восемь километров.

Мне не доводилось видеть малышей, столь жизнерадостных, как Расти, Дасти и Скреч. В первые дни своего сиротства они испытали страх и растерянность, но теперь каждый день радостно открывали для себя мир, выказывая удивительную приспособляемость и жизнеспособность. Я знаю, что в то первое лето медвежата живо помнили свою мать, потому что временами они становились грустными и задумчивыми, забирались на свою высокую пихту и озирали озеро, тихонько плача; это был ритуал, прервать который

могла только перемена в настроении. Казалось, они чувствовали, что какая-то важная часть их жизни кончилась. После нашей утренней вылазки они проводили день рядом со мной у речки, боролись друг с другом, кувыркались в тростнике, скатывались со скользкого обрыва над рекой и пожирали мелкую рыбешку, головастиков, лягушат и жуков.

Однажды Расти, который первым пускался в авантюры, поймал водяную змею полметра длиной и проглотил ее. Поразмыслив минуту, он понял, что не все ладно. Он поднялся на дыбы, широко раскрыл глаза, так что они едва не вылезли из орбит, заколотил по брюху лапами и, наконец, отпрыгнул извивающуюся змею. Дасти и Скреч смотрели, застыв от ужаса и удивления, как змея билась у кромки воды, а потом уплыла. После этого эксперимента водяные змеи, по-моему, перестали для них существовать. Однако я вскоре узнал, что для медведей отпрыгивать столь же естественно, как и испражняться.

Хотя эти трое и любили поиграть, к купанию они относились серьезно. По-моему, они понимали, что ни один паразит долго под водой не выдерживает. Клещи, блохи, вши и прочие насекомые отцеплялись и всплывали через пять минут. Поскольку порошок от блох моим медведям не подходил, мы для борьбы с паразитами каждый день вечером купались. Посидев в воде, они обычно плыли к устью тихой речки Наггет-Крик, забирались в мой промывочный канал и шутки ради устраивали мне душ, изо всех сил встряхивая свои мокрые тела. Плавали они, работая в основном только передними лапами, и делали более длинные гребки, чем собаки.

Для удобства я обучил их отзываться на кличку. Раздавая им молоко (запасы которого таяли на глазах) и кашу, я ставил миски на край кухонной лавки. В разгар поднимающейся у моих ног возни, давки и визга я звал Скреча. Вначале он не реагировал, но вскоре научился распознавать зов и получал свою миску. Второй всегда была Дасти, что очень не нравилось Расти. Будучи лидером, он полагал, что должен быть первым во всем, и в еде тоже. Он запомнил свое имя с того раза, как ко мне в канал заплыли саламандры, и я позвал его. Чтобы два похожих имени не путались, я сильно раскатывал «р» в его имени. Даже среди самых шумных игр каждый из медвежат научился прибегать на мой зов; правда, тут же прибегали и остальные, как бы проверяя, не завел ли я любимчика. Однако по-настоящему я мог

проверить, как они отзываются на кличку, когда они сидели на дереве: в каком бы порядке я их ни звал, ни разу не возникло путаницы.

Семи месяцев от роду, если считать, что медвежата родились в январе, они обладали очень развитыми зрением, обонянием и слухом. Как-то утром, когда мы искали на склоне холма сочные стебли папоротника, все три медвежонка вдруг бросились ко мне, как безумные, карабкаясь мне на плечи, разрывая одежду. Как-то свойственно диким животным, это паническое бегство совершилось мгновенно. Они так больно поцарапали меня своими когтями, так тяжело повисли у меня на плечах, что я не сразу сообразил, в чем дело. В другой раз это могло бы стоить мне жизни. Я не раз замечал, что медведица, какой бы неуклюжей она ни была на вид, реагирует на все мгновенно.

Сидя у меня на плечах — не очень надежное убежище, — медвежата с фырканьем напряженно вглядывались в заросли осины. В следующее мгновение оттуда вырвался взрослый медведь, ревом выражая свое возмущение тем, что мы вторглись в его угодья. Чтобы не упасть под тяжестью трех медвежат, каждый из которых стремился оказаться на самом верху, я оперся на альпеншток и мысленно пытался внушить себе, что медведь (как утверждают зоологи), если его не дразнить, совершенно не опасен, что психологически медведь куда ближе к человеку, чем другие звери, и что медведь-самец обязательно скроется, почуяв детенышей, потому что боится грозной мести их мамы. Теория, что взрослые медведи очень близоруки, тоже отчасти подтвердилась, потому как, вдруг почуяв нас, медведь испуганно рывкнул, повернулся и помчался с холма.

Я лег на землю, тем самым облегчив медвежатам спуск, лишь бы они снова не вцеплялись в меня когтями, соскальзывая вниз.

— Слезайте, трусишки! — приказал я.

Я не избегал опасных ситуаций специально, но долго еще после этой встречи с большим медведем я размышлял над тем, как важно обучить медведей простым сигналам опасности, чтобы они мгновенно взбирались на дерево при встрече со своими злейшими врагами. (К тому же, царапины от когтей зарастают, а вот порванные брюки и рубашки чинить здесь, в лесу, трудновато.) Принимая во внимание, что у рыси, волка, россомахи, пумы, самцов вапити и других оленей зрение лучше, чем у медведя, я потратил немало часов, ломая голову над тем,

как именно медведица-мать приказывает своим детенышам залезть на дерево и спуститься вниз, как только минует опасность. До этого я так и не додумался, но случайно придумал собственный способ. Мы только-только начали ежеутренний обход и шли вдоль берега озера, как из небольшого оврага прямо перед нами появилась самка лося с двумя малышами. При первой встрече с этим громадным животным медвежата испытали ужас и снова бросились к моим ногам, чтобы залезть мне на плечи. Бросив палку, с которой я шел, я хлопнул в ладоши и заорал: «Дерево!». Расти и Дасти повиновались мгновенно, проявив природную сообразительность. Хлопок в ладоши и команда «Дерево!» с тех пор стали для медвежат сигналом, побуждавшим их в считанные секунды залезть на самое высокое хвойное дерево поблизости. Когда лосиха прошла, я позвал их, и они спустились. Все оказалось очень просто.

Я заметил, однако, что Скреч залез на дерево последним. Сначала он визжал, чтобы я поднял его, и только потом последовал за братом и сестрой. На следующее утро мы переворачивали дерн, прикрывавший ходы полевок на лугу, где росли костер и просо. Из не замеченной нами засады с пыхтением выскочили два взрослых барсука и начали быстро догонять медвежат, которые пустились наутек.

«Дерево!» — закричал я, хлопнув в ладоши, когда медвежата достигли леса. Расти и Дасти залезли на дерево, а Скреч, услышав команду, повернул и побежал ко мне. Оба барсука помчались наперерез ему, вцепились в горло трусливого медвежонка и задушили бы его, если бы тут не подоспел я со своим тяжелым альпенштоком. Мне хотелось приласкать медвежонка и перевязать его кровоточащие раны, но вместо этого я хлопнул в ладоши у него перед носом и строго приказал: «Дерево!». Даже присоединившись к Дасти и Расти, малыш продолжал плакать, чтобы меня разжалобить. Хотя Скреч заметно медленнее других усваивал новое, он доказал позднее, что и забывает не так быстро, как они.

Хотя медвежата были щедро одарены инстинктивным знанием и природным умом, оказалось совсем не просто обучить их самостоятельности, необходимой для независимой жизни. С каждым днем они все больше старались мне угодить, по-моему, гораздо больше, чем самая преданная собака.

Вместо того чтобы грубо пресечь эти проявления зарождающейся привязанности, я стал изобретать разные ситуации, общие для всех нас, включая разные моменты добывания пищи, ее деление, обороны, нападения и отдыха. Я стремился максимально развить то, что было заложено в медвежатах от природы. Конечно, это было нелегко — согласовать повадки медведя и привычки человека. Вероятно, в результате всем было одинаково противно делить на всех одного хомяка или один гриб, но когда мы натыкались на ягодные поляны или на четыре гриба сразу, медвежата уступали моему желанию делить добычу поровну. Я заставлял себя глотать четвертушку сырого гриба, чтобы они поняли, чего я добиваюсь.

Опираясь на восприимчивость медвежат и готовность мне подчиняться, я научил их умению слушать — из массы звуков выделять нужный. Когда звуки, издаваемые верещащими сверчками, стрекочущими цикадами, жуками-древоточцами, птицами, лягушками и белками, сливались в беспорядочный шум, я нарочно не предостерегал медвежат при внезапном появлении голодной самки койота с отвисшими сосками или старой, хромой, подагрической рыси, чтобы обострить у медведей от природы острый слух. Оба эти хищника очень опасны, когда голодны, но медлительны. И для обороны, и для нападения необходимо выработать как можно раньше умение услышать нужный звук среди более громких, но не столь важных. Расти и Дасти усваивали науку очень быстро, но Скреч часто испытывал не только мое терпение, но и терпение брата и сестры.

Предоставленные сами себе — когда я промывал унцию-другую золотых крупинок в лотке или в своем канале, — медвежата проводили время, подстраивая друг другу хитроумные каверзы, скатываясь единым рычащим мохнатым клубком с обрыва или с вершины скалы, криками и фырканием рассказывали мне о своих обидах. Они пытались втянуть меня, как раньше втягивали мать, в свои забавы и ссоры. Недели сменяли друг друга, и мне становилось все труднее оставаться в стороне, когда они втягивали меня в свои игры.

У меня никогда и в мыслях не было баловать медвежат. Строго говоря, моя опека была лишь частью их детства, и им предстояло из нее вырасти. Я был при них вроде дядьки. Исполняя эту обязанность, я стремился приучить их, насколько возможно, к строгой дисциплине, как у медведицы-матери, не допуская ни малейшего ослушания,

дерзости или воровства. Ни одна медведица не потерпит послушания, и я никогда не прощал беспричинных капризов. Я позволял им веселиться вовсю, когда это веселье было вызвано здоровыми играми. Но я осторожничал до крайности, был, по мнению индейцев, строже, чем любая медведица.

Медведица так щедра на ласку со своими малышами, что человеку до нее далеко. Она улаживает ссоры медвежат поцелуями и нежными звуками, она переносит их за шкурку в чистый рай медвежьего детства, где все они смеются, играют, едят, пьют и... к чертям завтрашний день. То, что медвежата сумели приспособиться к моему жесткому миру, гораздо удивительнее, чем те уступки, на которые пришлось пойти мне.

Но случалось, что у меня лопалось терпение, и тогда я всей душой присоединялся к совету покойного Уильяма Т. Хорнадея: «Если твой враг обидит тебя, подари ему медвежонка-барибала». Помню, как-то раз Расти и Дасти согнали с гнезда куропатку в одном из субтундровых лугов севернее Наггет-Крика. Это произошло так быстро, что, хотя я был всего в нескольких метрах, я не смог предупредить несчастья. Эти двое, привыкнув глотать и жевать лягушек, хомяков, леммингов и полевок, еще ни разу не имели дела с такой крупной добычей, как куропатка. Пока они гоняли несчастную птицу и вырывали у нее перья, Скреч залез в гнездо и слопал все шесть яиц. Чтобы продлить удовольствие, Расти и Дасти продолжали вырывать перья и отфутболивать кричащую птицу друг другу, пока она, вконец оципанная, не издохла, и тогда эта парочка впервые серьезно подралась над ее тушкой. Больше для науки, чем для наказания, я отобрал мертвую птицу и сунул ее в барсучью нору. В таких случаях моя роль воспитателя была мне противна.

Как-то в один очень удачливый день я так увлекся своим старательским делом, что совсем забыл о проказливой троице. Медвежатам было запрещено одним уходить в заросли кошачьего когтя на северном берегу Наггет-Крика, потому что там одна дикая утка, моя старая приятельница, высиживала девять яиц, из которых вот-вот должны были вылупиться утята. В тот день утка вдруг взвилась вверх и кружила то надо мной, то над своим гнездом, громко возвещая об ужасной трагедии.

Я так и не примирился с жестокостью природы, которая позволяет зверям разорять птичьи гнезда.

Расти, Дасти и Скреч, очень чувствительные к колебаниям моего настроения, если они понимали, в чем дело, в тот вечер уползли под лавку и забились в самый дальний угол. Я не стал их ругать за злодейство. Они сами поняли по моим отчаянным крикам и подавленному настроению, как я к этому отнесся. Обсуждать было нечего. Они меня не обманывали сознательно, просто тайком от меня ушли за реку, на запрещенную территорию. Это было что-то вроде первородного греха, и тут уж ничего не поделаешь. Много позже, когда я уже спал, три маленьких разбойника осторожно приползли ко мне под одеяло, тихонько скуля, вымаливая утраченное душевное спокойствие. Я уверен, что они ожидали наказания, ведь медведи очень обижаются на несправедливость или оскорбление. Они всегда наказывают своих обидчиков. Очевидно, и сейчас эти трое ожидали, что их накажут, как и всегда, когда они воровали что-нибудь на кухне.

После того как Расти открыл остальным, как вкусны большие черные муравьи, все трое порой часами преследовали и пожирали любое насекомое, ползающее или летающее. Любопытный эпизод связан с гнездом шершней. Дасти была гораздо наблюдательнее и агрессивнее братьев, и, найдя гнездо, которое свисало с большой ольховой ветки, она сделала вид, будто ей до него не достать, заставила Скреча залезть на дерево и сбить миниатюрную постройку на землю. Скреч вообще обладал настоящим талантом попадать в переделки. Он сбил гнездо с третьего удара, но разъяренные обитатели успели искушать его уши, нос и голые подошвы. Пока он, сидя на дереве, визжал от боли, Расти и Дасти не только слопали оставшихся в гнезде шершней, но разжевали и проглотили их бумажный домик.

Когда я громко расхохотался над растяпой Скречем, он забыл об укусах шершней, слез с дерева и вместе с остальными подошел ко мне. С очень серьезным видом медвежата стояли у моих ног, укоризненно мотали головами и рычали, чтобы показать, как они не одобряют такого оскорбительного смеха. После этого я не смеялся над медвежатами и не пытался над ними подшутить. Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, будто медведи не умеют смеяться, потому что как раз это они, по-моему, и умеют. Расти, Дасти и Скреч сознательно искали смешных развлечений, которые повеселят и человека, и

медведей. Каждый день представлялся случай от души поохотать, но заодно с медвежатами, а не над ними. Они очень тонко чувствовали это различие.

В часы досуга, когда мы возились на песчаном берегу озера Бабин или кувыркались в шумной схватке на лугу за хужиной, у меня не раз появлялось искушение обучить этих способных учеников каким-нибудь цирковым фокусам.

Маленькие задаваки с удовольствием ходили на передних лапах, делали сальто или скакали в каком-то диком подобии фламенко.

Ручные медведи, конечно, самые выдающиеся циркачи среди всех зверей. По мнению дрессировщиков, они не только легко поддаются обучению, но и гораздо более надежны в работе — даже больше, чем собаки и обезьяны, — ведь они овладевают богатым набором сложных трюков. Меня не переставало удивлять, насколько просто ладить с медведями. Их плохие привычки были немногочисленны и легко преодолевались. Поскольку я не видел никакого проку для медведей в трюках, я устоял перед искушением их этому обучать.

Июль кончался, и вот уже месяц не было дождей. Съедобные грибы — пластинчатые и дождевики, сморчки и белые, — которых обычно в это время было видимо-невидимо, исчезли, и на полянах, и в лесу у гниющих стволов. Ягоды еще были, но все труднее становилось выкапывать луковицы и корневища растений, потому что лесная подстилка и почва высохли. Наша восьмикилометровая охотничья территория уже не могла прокормить трех подросших медвежат. Птицы из нашего района улетели. Нам пришлось осваивать новую территорию, а это означало браконьерство на чужой земле, где кормились другие звери, и тем самым нарушение равновесия всего лесного сообщества. Так как район реки Нагтет-Крик казался нам самым богатым, как-то утром мы двинулись по ее берегам сквозь заросли кошачьего когтя, дикого винограда, ивняка и ольхи к бобровой запруде в миле от озера. С полдюжины бобров, запасавшихся молодыми ивовыми побегами, укрылись в хатке на острове, который они построили посреди пруда. Приняв это бегство за вызов, медвежата плюхнулись в воду и поплыли к островку. Бобры не показывались, и медвежата решили, что интереснее ловить крупных лососей. Меня всегда поражала ловкость и сила их передних лап. Не прошло и

минуты, как мокрые насквозь медвежата сидели на мелководе и лопали каждый свою красную рыбину.

На следующее утро я готовил себе завтрак, когда мое внимание привлекли шум и суматоха у дома. Так как черного входа в доме не было, мне пришлось пробежать через комнату на крыльцо, спуститься по ступенькам, обежать вокруг дома, и только тогда я смог разобраться, кто на кого нападает. Медвежата, выпучив глаза и визжа изо всех сил, выражали свое негодование с нижней ветви своей пихты, а невозмутимый и невиданно большой бобр стоял, опираясь на хвост, и свистел на разъяренных медвежат. Бобр не был сердит, потому что не скалил резцов и шерсть у него на загривке не стояла дыбом. Когда я приблизился, он просто повернулся в мою сторону, не теряя равновесия, и клацнул зубами. Медвежата никак на это не откликнулись. Они молча глядели вниз, ожидая, что я прогоню незваного гостя.

Посвистев еще несколько раз на медведей и пощелкав зубами в мою сторону, бобр наконец ушел по тропе к Наггет-Крику. Я пошел было за ним, но он яростно зашипел и несколько раз сильно ударил хвостом о землю, как бы предостерегая меня. Долго еще, стоя на берегу, мы слышали его резкий посвист, пока он не спеша шел вдоль реки к пруду, где, наверное, был королем бобров. Только позднее я понял, почему бобр был так недоволен: за ночь уровень воды в пруду опустился много ниже обычного. Отныне нас будет считать врагами всякий, на чью территорию мы вторгнемся, ведь запасы пищи и так уменьшаются.

В то утро я увидел много тревожных признаков. Болотные и луговые растения, обычно привядающие к концу дня, так и не оправились за ночь, потому что роса не выпала, а подул жаркий ветер чинук и высушил не только воздух, но и родники на склонах холмов. Во время затишья, когда чинук улегся, над гладью озера поднялся, как огромная амеба, серый туман, сначала всего на каких-нибудь тридцать сантиметров, а потом медленно стал наползать на берег, поглощая заросли, где дикая утка еще оплакивала украденные яйца. Туман полз по речке Наггет-Крик, как будто дразня томимый жаждой лес.

Вечером на берегах озера не было росы. Лягушки сменили тенор на баритон и исполняли короткие песни, в которых мне слышались слова «кружка рома, кружка рома». Во время засухи у лягушек всегда

меняется тембр голоса. Сидя неподвижно в теплых сумерках и глядя, как выпуклый звездный свод окутывает наш дом — озеро, я вдруг понял, что мы сидим в прямом смысле слова на дне сухой воздушной реки, которая стремится на север, реки, в которой закручиваются горячие вихри, поднимают листья и уносят их куда-то на свою невидимую поверхность. Так как в здешних северных лесах почти нет голой земли, суховеи не поднимал пыли.

На следующее утро я спустился к реке наловить свежей рыбы на завтрак, но не клевала ни форель, ни нерка, ни лосось, даже присоски не попадались из-за удушающе низкого атмосферного давления. К этому времени уровень воды так понизился, что жизнь тысяч лососей, пришедших с моря на нерест, была в опасности. Отсутствие дождей усугублялось еще и тем, что Наггет-Крик не пополнялся ледниковыми водами с восточных склонов величественных гор Бабин, да и уровень грунтовых вод опустился ниже обычного. Дело в том, что четыре зимы подряд почти не было снега, и запас грунтовых вод пополнялся мало, так что даже хвойные деревья с очень длинными корнями тоже страдали от засухи. Если река высохнет совсем, погибнут икринки лосося, отложенные в ямках в песчаном дне, бобрам придется перебираться из реки в озеро и на долгие годы нарушится естественный жизненный цикл многих крошечных существ, которые обитают в воде и на берегу.

Легкомысленные медвежата не умели серьезно огорчаться, даже из-за опустевших кладовых. Заметив, что у меня на переносице и тыльной стороне ладоней шелушится кожа, я позвал медвежат и натер свиным жиром их когти, голые ступни и носы, чтобы они не потрескались. Они восприняли эту процедуру как новую забаву и вертелись и урчали еще и потому, что понравилось слизывать пахучий жир.

По всей нашей охотничьей территории исчезли, не сумев найти пищу в высохших лугах и субарктической тундре, лягушки, хомяки, полевки, лемминги и личинки насекомых. Корневища и корни стали жесткими и сухими. Медвежата мгновенно приспособились пастись как копытные там, где еще остались редкие пучки трав: бизонова трава, костер, глицерия. Чем дольше тянулась засуха, тем скуднее становился естественный запас пищи, как бы далеко мы ни заходили, в чьи бы владения ни вторгались. Личинок, которые мы находили, было

мало даже для одного медвежонка, не говоря уже о трех. Почти все прочие медведи ушли из нашего района в более влажную долину реки Фрейзер, рискуя, спасшись от голода, угодить под охотничьи пули. Мы искали клевер, тимофеевку, овсяницу, сладкие ростки среди скал, расположенных выше линии лугов, но подошла уже такая пора, когда все травы стали сохнуть. А чтобы развивать новые вкусовые навыки, приучаться к новой пище, надо эту пищу иметь.

Травоядные — вапити и другие олени, снежные бараны и горные козы — первыми ушли на более щедрое пастбище восточнее Оминеки. За ними потянулись, как и следовало ожидать, их привычные спутники — хищники: волки, койоты, рыси и пумы. Как-то утром я ужасно перепугался. Расти и Дасти всегда были рядом или чуть впереди. Казалось, они изучили каждый метр нашей территории, охватывающей берег озера и берег речки, болото, луг, осиновые перелески, лес и овеваемые ветром скалы. Скреч частенько отставал, особенно когда убеждался, что все съедобное уничтожено. Он держался поодаль, бесцельно блуждая в каких-то своих мечтаниях, переворачивал камни или гонялся за бабочкой, хотя знал, что ему ее не поймать. В то утро Расти, Дасти и я собирались было свернуть из осиновой рощи на гребне холма, который находился к югу от нашего дома, и обследовать побуревший от ветра луг, когда я вдруг заметил пуму, укрывшуюся в кустах и подстерегающую Скреча. Медвежонок, как обычно, замешкался метрах в тридцати от нас. Я знал, что посылать Расти и Дасти на дерево, пока я буду спасать малыша, опасно. Эта большая кошка лазает по деревьям лучше медвежат. И вот, повернувшись назад предупредить Скреча, подгоняя двух других, которые не торопились, потому что не знали, почему такая спешка, я заорал так, что сам чуть не задохнулся от страха, и, изменив наш обычный маршрут, мы помчались домой.

Я зорко следил за старой больной рысью, которая в эту пору засухи каждый вечер кружила у дома. Изголодавшаяся самка койота тоже имела виды на медвежат: у нее были щенки и она отчаянно голодала. После нашей встречи с пумой я всегда брал с собой ружье Ред-Ферна тридцатого калибра. Обстановка все ухудшалась, и я всячески поощрял медвежат изобретать собственные сигналы опасности, использовать звуки и знаки, которым я мог подражать: тихое рычанье; короткое, повторяющееся шипенье; стойка столбиком,

опустив вниз лапы с вывернутыми наружу кистями (это боевая стойка медведей); оскалывание зубов; резкая остановка, как у сеттера. Во время поисков корма мы больше не играли, каждый шаг был нацелен на обучение.

Я реагировал теперь не только на разнообразное рычание, шипенье и оскал зубов, но и на любой случай, когда шерсть на загривке медведей поднималась дыбом (самый быстрый способ определить их намерения). Особенно внимательно я следил за сигналами передних лап — царапают ли они землю, бьют по земле или по дереву, делают шаг к лесу. Медвежата всегда были настороже, и это меня успокаивало.

После такого усиленного обучения у меня были все основания считать, что Расти принес мне важное известие одним августовским утром. Я был занят на кухне грязными мисками и горшками, когда он влетел в дом, встал на задние лапы и, привлекая мое внимание, забарабанил передними в стенку шкафа, что-то взволнованно бурча. Дернув меня зубами за штанину, он дал мне понять, что нужно бросить все и идти за ним. Никогда не зная, чего можно ожидать от моих подопечных, я всегда откликался на их зов.

Даже в этот ранний час воздух казался разреженным и был таким горячим, что трудно было дышать. В лицо мне дохнул сухой юго-западный ветер чинук и обвил пеленой гари. Ветер принес острый пугающий запах хвойного дыма. Ясно, что хотел мне сообщить Расти. Где-то не очень далеко, в верховьях Наггет-Крика, горел лес.

Лесной пожар

В разгар засухи воды в Наггет-Крике было так мало, что мне нечего было делать с моим лотком. Спасаясь от засухи, форель, извиваясь и наполовину высываясь из воды, поспешно двигалась вниз к озеру, но лососи погибали, не успев отложить и оплодотворить икру. Рыбьи скелеты и следы зверей по берегам озера и реки показывали, что еще остались еноты, медведи, куницы, норки и выдры. Ласки тоже пиршествовали на этом изобилии рыбы. Расти, Дасти и Скречу приелся снулый сырой лосось. Я наварил только что уснувшую рыбу с диким луком, пастернаком, корешками цикория и одуванчиков, стеблями горчицы, и получилась какая-то острая похлебка, которой можно было несколько дней набивать чрева растущих медвежат, если к угрозе голода добавится угроза гибели.

Вода в озере у полуобнаженного устья речки прямо кишела от нерки, ход которой вверх намного опоздал. Теперь она уже не сумеет пройти вверх, и это скажется на последующих поколениях прекрасной промысловой рыбы.

Высоко над восточными склонами гор Бабин собрались тяжелые гроззовые облака, такие же, как над величавой грядой холмов к югу от горы Неталзал. В сером мраке нависших облаков как вспышки орудий блистали жаркие зарницы и пропадали где-то в мрачных глубинах леса. Полоса огня полыхала уже в тридцати километрах от нас в окрестностях озера Чепмен. Чинук приносил за собой дым. На земле начали оседать хлопья белого пепла, они проникали и в дом. Мне оставалось только уповать на то, что эти тяжелые облака предвещают дождь, который потушит пожар и покончит с грозной засухой. Каждые два часа мы забирались на холм взглянуть на затянутую дымом долину, в которой лежит озеро Чепмен.

Совокупный запах горящего леса отличается от запаха составляющих его элементов так же, как аккорд отличается от звучания каждой отдельной ноты. Запах горящей сосновой смолы, зеленых листьев, лесной подстилки и деревьев смешивался в какую-то кислую вонь гнилых грибов и горелых тряпок, не имеющую ничего общего с ароматом лесного костра.

Без особой надежды на успех, а скорее просто от нечего делать я срезал все кусты и сухую траву вокруг дома, сгреб все это в кучу и сжег. Я наносил воды, по двадцать литров за раз, из пересыхающей речки Наггет-Крик и наполнил дождевые бочки на случай, если от искр вспыхнет дранка на крыше.

К полудню следующего дня в речке не осталось воды. Все грозовые тучи испарились, от молний загорелись новые участки леса. Теперь, если ветер не переменится, мы могли оказаться на пути основного пожара, бушевавшего всего в восьми километрах от нас. Он надвигался широким фронтом в двадцать пять и скоростью три километрах час и превращал в пепел все, что веками росло в лесу, уничтожая и удушая все живое на своем гибельном пути. Когда передний фронт огня оказался в пяти милях от нашего дома, я привязал каноэ к причалу и упаковал все необходимое, не забыв личные вещи Ред-Ферна, которыми он, по-моему, дорожил. Когда пожар был в пяти километрах, чинук на время стих, и я успел закидать крышу дома мокрым песком. Клубы сизого дыма не дули нам в лицо, как раньше, а поднимались теперь прямо вверх. Хотя медвежата и не могли найти себе места, карабкались то на одно дерево, то на другое, заползали под дом и все время рычали и покусывали друг друга, они не испытывали отчаяния, как я. Приготовив и загрузив каноэ, я принялся таскать ведрами песок, засыпая им крышу, и занимался этим до самого вечера.

И вдруг я вспомнил. На пути огня были три гнезда с птенцами. Я бросил ведро с песком и загнал медвежат в дом.

После происшествий с гнездами куропатки и утки я тщательно осмотрел все кусты и луг на нашей с медвежатами территории в поисках насиженных гнезд. У многих видов птенцы уже встали на крыло, но те, кто прилетел поздно, еще жили в гнездах. В дальнем конце луга, спрятанное в сухой траве, было гнездо рогатых жаворонков. Четыре едва оперившиеся дрозда, еще не умеющие летать, жили в гнезде на ветке бальзамического тополя у бобрового пруда. Еще беспомощнее было семейство дроздов-отшельников в кустах крыжовника, росших на гребне холма за нашим домом.

Заперев медвежат в доме, я схватил в сарае картонную коробку и помчался к дальнему гребню, где пожар перекидывался от одной

верхушки дерева к другой. После трудного дня эти две мили показались мне бесконечными. Большую часть пути я бежал напрямик.

Когда стали видны кусты крыжовника, они уже горели. Дрозд и дроздиha уже охрипли от крика, но я все еще слышал их сквозь треск и гул надвигающегося огня. Сильный жар начал палить мне лицо и руки. Одежда так раскалилась, что, казалось, вот-вот вспыхнет. Соленый пот заливал мне глаза и попадал в рот. Я опоздал всего на пять минут. Мне, как и родителям птенцов, пришлось отступить, и я видел, как горящая ветвь рухнула в кусты крыжовника, подняв сноп искр.

В двух километрах отсюда, на отроге этой же гряды холмов, был луг, где рогатые жаворонки растили четырех птенцов. Продираясь вперед, сквозь заросли терновника и дикого винограда, я думал о том, что вытворяют медвежата, запертые в доме. Я добрался до луга и опустился на колени в сухой высокой траве; оба жаворонка, самец и самка, прилетели и сели рядышком на край гнезда, эти простодушные птицы всегда прилетали ко мне. Все шестеро смотрели на меня слезящимися от дыма глазами. Они не боялись.

Огонь приближался. Времени на раздумья не оставалось. Нужно было сейчас же принимать решение и действовать. Луг в километр длиной и шириной в сто метров перемежался полосами гравия, через который огню не проскочить, но здесь птицы наверняка погибнут, потому что в трех метрах от гнезда начиналась опушка леса. Трава была похожа на сухую стружку.

В отчаянном порыве я схватил гнездо, перенес его в центр луга и оставил там, прикрыв его пучками травы. Жаворонки-родители летели за мной. Когда я уходил, они что-то щебетали детям. Все обойдется, если только они выдержат жар и дым. Оставалось надеяться на удачу.

У бобрового пруда положение было еще хуже. Росший в каньоне лес твердых пород — ива, ольха, кизил, тополь бальзамический, — как и подлесок из широколистных трав и кустарника, горел много медленнее, чем мягкие и смолистые хвойные деревья на открытых склонах, но в ущелье была хорошая тяга, как в очаге с дымоходом. Основной фронт огня медленно двигался по обе стороны лощины Наггет-Крика к озеру Бабин.

Дроздиha замертво лежала у тополя, прямо под кустом, по-видимому, она задохнулась от дыма. Дрозд или улетел, или погиб где-то. Я подпрыгнул, схватил ветку за конец, нагнул ее, снял гнездо с

четырьмя ослотившимися птенцами и сунул его в картонную коробку. Пламя в верхушках деревьев поглощало весь кислород и грозило смертью всему живому на дне ущелья. Я почувствовал слабость, у меня даже пропало желание идти домой.

С трудом пробираясь по грязной жиже реки, где гнила рыба, я вдруг сообразил, что пламя всего в двух километрах от нашего дома. Если дом загорится или станет совсем невозможно дышать от дыма и жары, мне придется погрузить медвежат и новых моих приемышей в каноэ и ночевать на другом берегу озера. Так как здесь, на севере Британской Колумбии, темнело только в десять, у меня оставалось около двух часов, чтобы накормить медвежат и птиц и принять разумное решение.

Встревоженные мордашки Расти, Дасти и Скреча прилепились к стеклам веранды, когда я вошел на крыльцо. Они захлебнулись в восторженном кашле и визге, как будто я отсутствовал целую неделю. Впервые я запер их, и впервые они оставались одни. Увидев меня, они на радостях стали скакать, кататься по полу, как собака при виде хозяина. По счастью, они были слишком напуганы, иначе наверняка перевернули бы в доме все вверх дном и побили бы окна, метя в свое отражение. Но они были ошарашены и обижены, когда я резко дал им понять, что птенцов нельзя есть и с ними нельзя играть. Я не сразу выпустил медвежат из дома, потому что тут появились бобры, покинувшие свой пруд. Бобрам специфичное устройство организма и образ жизни давали завидное преимущество перед остальными лесными обитателями, застигнутыми пожаром: они сумели всей колонией пройти больше километра к озеру, где им было легче уцелеть, потому что они могут жить в воде.

Медвежата, сами не отличаясь серьезностью, мою серьезность всегда чувствовали и уважали, по крайней мере внешне, три мои непререкаемые заповеди: не ешь такие-то и такие-то грибы; не пытайся напугать лося, рысь, пуму или гризли; не разоряй птичьи гнезда.

Медвежата недолго кувыркались, прыгали и лизали мне руки, потому что Расти — самый умный и наиболее предусмотрительный из всех — потянул меня за штанину к двери, стараясь обратить мое внимание на то, что творится на берегу.

Поставив коробку с дроздами подальше от медвежат на каминную полку, я вместе с медведями пошел на скалу, возвышающуюся над берегом. Перед нами открылось зрелище, трагичнее которого не бывает в природе. Вдоль всего берега, к северу и югу от Наггет-Крика, насколько хватал взор панически бежали, гонимые пожаром, стада зверей, которые по каким-то причинам не ушли раньше, хотя длительная засуха предвещала нынешнее бедствие. Теперь же во всеобщем смятении хищники и их жертвы бежали бок о бок. Молодой олень бежал мимо пумы, и оба не обращали на это внимания. Заяц и рысь, лосенок и волк метались в поисках своих семей, спасаясь от общего врага, от которого не было пощады. Старая самка койота с отвисшими сосками вползла к нам на крыльцо. На боках у нее вздулись волдыри, на спине были раны, как будто бы какое-то горящее дерево тяжело придавило ее к земле. По ее безучастному взгляду я понял, что ее щенки, наверное, погибли. Я пристрелил ее из ружья.

Жар от горящего позади дома леса стал таким сильным, что было уже трудно дышать и я решил не откладывая переправить медвежат и дроздов через озеро. Когда я размещал медвежат в лодке, к озеру от русла Наггет-Крика приковыляла олениха. Спина ее еще дымилась. Зашатавшись, олениха рухнула в воду в десяти футах от каноэ. Обожжена она была смертельно и ноги сильно поранила, хрипло бляя от боли, кротко следила своими карими широко расставленными глазами, как я вставлял патрон в ствол ружья. Я сделал то, что должен был сделать. Если обезумевшие звери, мечущиеся по берегу, и слышали выстрел, они не обратили на него внимания.

Жар усиливался, олень, лось и один гризли бросились в воду и поплыли к восточному берегу. В ранних сумерках на воде темнели очертания других зверей, отчаянно боровшихся за свое спасение. Работая веслом, я напряженно выискивал взглядом обессилевших животных и сумел выхватить с бледной, отливающей ртутным блеском глади озера рыжую белку, двух оленят и волчонка. Когда я втащил в каноэ рычащего волчонка, один из пугливых оленят рванулся, свалился за борт и утонул, пока я разворачивал каноэ, чтобы его выловить. Достигнув берега, я припрятал коробку с дроздами под кучкой гравия. Усталых беженцев выпустил, но они, как ни странно, не спешили выскакивать из лодки и покидать спасительное убежище. Разгрузившись, я отправился на помощь ослабевшим пловцам.

Труднее всего оказалось помочь взрослому белесому поркупину. Он охотно подплыл к каноэ, но не мог взобраться по скользкому борту. Мне было страшно хватать этот плавающий кактус рукой, и я подставил поркупину весло. Он вцепился в лопасть когтями и зубами, и я втянул все его пятнадцать килограммов в каноэ. Расти, Дасти и Скреч забились под банку у моих ног, фыркая, рыча и скалясь на неподвижный клубок игл и жестких волос посреди лодки.

Когда мы приняли на борт двух белок, енота и пятнистого теленка карибу, настолько измученных, что они лежали, даже не в силах поднять головы, там, куда я их бросил, уже совсем стемнело, и я вынужден был вернуться на восточный берег. Поразительно, но семь из восьми животных не обращали никакого внимания ни на меня, ни на плеск воды за бортом. По-прежнему неподвижные, они не сводили глаз с поркупина, который дрожал и блевал. Когда мы пристали к берегу, они, как и первая партия спасенных, не хотели покидать каноэ, и в конце концов я оставил отверженного всеми поркупина в вытащенном на берег каноэ до утра.

На другом берегу озера огромный лес, раскинувшийся на многие мили, полыхал оранжево-красным костром, вздымая ввысь дрожащие щупальца дыма. И хотя я знал о множестве трагедий, совершавшихся сейчас в этом аду, не мог отрешиться от ощущения неодолимой притягательности этой ужасающей красоты.

Целый час мы с медвежатами неподвижно сидели на прибрежной гальке и безмолвно глядели на озаряемый вспышками небосклон и причудливые смутные отражения огня в озере. В тот день я убедился, что ни одно животное не разделяет человеческого поклонения огню, еще дремлющего в каждом из нас, поклонения, которое не в силах поколебать даже гибель живых творений природы, свершающаяся на наших глазах.

Мне совсем не хотелось есть, но я сварил целый котелок овсянки для медвежат, которых даже пожар не мог отвлечь от священного действия принятия пищи. Этой ночью мне не удалось отдохнуть. Я расстелил спальный мешок и залез в него вместе с медвежатами, но, как это бывает ночью, воспоминания об ужасах минувшего дня роились у меня в голове, и я боялся, что свихнусь.

Отдельные животные, добравшись до берега, до хрипоты звали своих детей и супругов или дико кричали из-за боли от ожогов,

которую ощутили, выйдя из холодной воды. К трем часам дым опустился на поверхность озера и начал обволакивать восточный берег, и мы чихали и кашляли до утра. Белые как мука хлопья пепла укрыли землю тонким снежным покровом.

Наутро солнце на небе не появилось, и я решил, что его закрывает дым, такой плотный, что сквозь него даже не видно, как продвигается пожар. Но когда совсем рассвело, я увидел, что небо затянуто плотными темными дождевыми облаками. Первый редкий дождь вскоре погасил последние тлеющие угли в сгоревшем лесу и промыл воздух от удушающего дыма.

Пока я снова нагружал каноэ, чтобы успеть до ливня вернуться в дом Ред-Ферна (если он уцелел), я стал очевидцем еще одной трагедии, неизбежной при всяком лесном пожаре. Хищники, коренные жители восточного берега озера, со сверкающими глазами сбегались собрать богатую жатву пожара — всех слабых, растерянных, потерявшихся, кто после изнурительного плавания выбрался на берег. Я видел, как олень-самец с трудом поднимался на ноги, прижавшись к подножью скалы; когда же он развернулся, он встретился лицом к лицу с тремя волками. Он был так измучен, что широко расставил ноги, чтобы не упасть. Но даже и в этой безнадежной позиции, прижавшись задом к скале, он еще мог бы вспороть брюхо любому волку своими низко опущенными рогами. Волки не нападали, но кружили у него перед носом и менялись местами, чтобы измотать оленя. Я только собрался вмешаться, как олень отвернул голову, сгоняя с крупа муху, и этой секунды оказалось достаточно, чтобы волки разом вцепились в шею своей жертвы.

В это утро стали очевидны подлинные размеры бедствия. Огромное количество трупов, от крохотных землероек до оленей карибу, плыло по озеру — погибших от усталости, страха, ожогов или утонувших. Берег озера у нашего дома стал настоящей свалкой обугленных трупов тех животных, которые потратили всю волю и все силы, чтобы добраться до озера, а когда достигли наконец спасительной воды — уже было поздно. Я не пытался остановить медвежат, которые пожирали хомяков, белок и бурундуков, буквально усеивавших берег.

Дом Ред-Ферна оказался цел.

Прокормить осиротевших дроздов оказалось гораздо труднее, чем я думал. Проведя шесть недель с Расти, Дасти и Скречем, я забыл, что бывают такие разборчивые едоки, которые выплевывают все, что им не по вкусу, прямо тебе в лицо. Опытным путем я установил, что дроздам очень нравится смесь, которую я готовил, взбивая кукурузные хлопья, яичный порошок и пеммикан. Конечно, медвежата учуяли эту вкуснятину, пока я ее готовил, и подняли ужасный скандал, когда оказалось, что это — только для птиц.

Весь следующий день дождь продолжался, и, зарядив ружье Ред-Ферна, я позвал медвежат и отправился в обход по тихому, черному, зловонному лесу, вернее, по останкам леса — проверить, нет ли где-нибудь в овраге или ущелье раненых животных. В молчании пожарища мы не обнаружили ни признаков жизни, ни биения пульса, никакого дыхания. Даже запахи были другие, чуждые всему живому. Исчезли все звуки, из которых складывается таинственный гул живого леса. Из-за бурелома и выжженных карманов лесной подстилки идти было невероятно трудно.

Когда мы подошли к почерневшему лугу, я отправил медвежат обратно по склону холма, а сам занялся судьбой рогатых жаворонков. Им не повезло, вся семья задохнулась в гнезде. Если бы я тогда сунул птенцов в коробку, родители полетели бы за мной. Не будь я тогда, в отпущенные мне мгновения, ослеплен страхом, я мог бы соединить эту семью для жизни, а не для смерти.

Возвращаясь к дому по грязному, изуродованному пожаром руслу Наггет-Крика, я решил, как только стихнет шторм, отправиться в Топли-Лендинг. Оставаться не было смысла. Река вряд ли наполнится водой раньше будущей весны. Медвежатам наверняка не прокормиться в мрачной пустыне угля и пепла, да и мои съестные припасы были угрожающе скудны.

Когда я готовил ужин, с озера, к моему удивлению, донесся шум подвесных моторов. В бинокль я разглядел несколько лодок типа «Гудзонов залив». Это индейцы приплыли из Топли-Лендинга, чтобы снять шкуры с погибших животных на кожу и запастись олениной для вяления. Первая лодка индейцев секани пристала к нашему причалу, узнать, все ли у нас в порядке. Они передали мой ответ остальным семьям, те рассмеялись и начали петь, занимаясь своим делом под дождем.

Наступила штормовая погода с переменными ветрами, и я не рисковал пуститься на капризном каноэ в девяностокilометровое плавание по открытому озеру, где ненадежная северная погода в любую минуту могла выкинуть нелепую шутку, лишь бы раззадорить и одурачить всякого, кто рискнет ее предсказывать. Да и не нужно было обладать богатым воображением, чтобы понять, как малы мои шансы быстро добраться до Топли-Лендинга, особенно если к капризам погоды добавить присутствие четверых дроздов, которые непрерывно верещали, призывая родителей и троих медвежат, из преувеличенного чувства юмора нарочно раскачивавших лодку.

Персоны нон-грата

За неделю берег очистился, воздух стал свежим — на озеро вернулась жизнь. Звери подъели или растащили падаль. Медвежата наелись вдоволь. Дождь и ветер почти совсем рассеяли запахи смерти и пожара. Лишь черные мили выгоревшего до пепла пространства мучительным контрастом вызывали в памяти картины некогда пышного поющего леса.

Чтобы уйти от зрелища этого опустошения и гулко-го завывания ветра, гуляющего по берегам, я решил пересечь озеро и двинуться на каноэ вдоль не тронутого пожаром восточного берега в направлении на Топли-Лендинг. Примерно на середине озера я понял, что отсюда открывается еще более угнетающая панорама выжженных пространств. Я повернул назад и двинулся вдоль западного берега, держась футах в двадцати от него. Если не срезать путь, пересекая заливчики и бухты, отсюда меньше были видны последствия катастрофы, потому что в пятидесяти футах от кромки воды по берегам возвышались скалы. И все же я не мог не видеть куски угля, плясавшие на волнах в полосе прибоя и покрывавшие когда-то чистый белый песок пляжа. Недавний дождь, стекая по голым холмам, смыл весь этот уголь в озеро. Через пятнадцать миль ощущение бессмысленного и загадочного опустошения, причиненного пожаром, сгладилось, потому что там, где много лет назад все было вот так же выжжено, я увидел новый лес. Последний пожар не затронул молодую поросль. Не знаю, разделили ли мою радость медвежата, когда мы увидели чистый песчаный пляж, поднимающийся к невысокому хребту, поросшему костером и камнеломкой, но теперь и они выказывали ко всему больший интерес и внимательно вглядывались в новый лес.

На протяжении тех первых пятнадцати миль мы почти не видели животных. Единственным звуком, достигавшим наших ушей, была меланхоличная песня ветра, со свистом пролетавшего меж черных, причудливо склоняющихся друг к другу силуэтов на прибрежных холмах. Песня эта напомнила мне калифорнийское детство и наши прогулки в Осоу-Флеко, где мы с братом Сэмом бродили по дюнам и

слушали, как бьются волны и ветер в огромный остов потерпевшей крушение шхуны «Звезда Севера». Слова моего маленького брата прозвучали у меня в ушах так отчетливо, словно он сказал их сию минуту, а не много лет назад: «Ветер остужает ребра, чтобы волнам было удобнее грызть кости!»

Расти, который утвердился в медвежьей троице как лидер, прочно занял место на носу и сидел там, облизываясь и неотрывно, как морской пират, глядя вперед. Дасти и Скреб ссорились и награждали друг друга тумками из-за места у правого борта спереди: отсюда берег ближе и удобнее наблюдать за всем, что там происходит. Поначалу они устроились на корме, рядом со мной, но там они мешали мне грести и пришлось прогнать их вперед.

Первым живым звуком, долетевшим до нас, была песня рогатых жаворонков. Я уверен, что чувства медвежат, настороживших уши при звуках этой песенки, были не похожи на мои, ведь мне песня жаворонков напоминала о совершенной мной ошибке.

То и дело мы проплывали мимо обожженных и раненых животных, которые с трудом выбрались из своих сожженных владений и теперь соперничали со здоровыми животными, неизбежно проигрывая им в борьбе за пищу и жизненное пространство.

Когда здоровые звери — лиса, олень или койот — смотрели на нас с берега, медвежата барабанили по бортам, рычали или скулили. Птенцы в своей коробке под кормовым сиденьем выражали недовольство темнотой и заточением. Но, как ни противны мне и птицам клетки в любом виде, им придется посидеть в плену еще довольно долго. Они взволнованно пищали и хватали меня за пальцы, когда я время от времени просовывал в коробку руку, чтобы они не чувствовали себя заброшенными. Медвежата, терпевшие мои причуды из своего рода сыновней почтительности, одаривали птенцов презрительными взглядами и явно ревновали, когда я через каждые два часа останавливался, чтобы покормить дроздов. Негодующее выражение в их глазах было куда красноречивее любых слов, которые они могли бы сказать, обладай они даром речи.

Часам к трем пополудни в этот первый день плавания встречный ветер настолько усилился, что мне с моим перегруженным каноэ было уже с ним не справиться, и я стал приискивать место для лагеря. Я не очень беспокоился о медвежатах, потому что той ночью, которую мы

провели под открытым небом на восточном берегу озера во время пожара, они не отходили от меня ни на шаг. Я не сомневался, что они не бросят руку, которая гладит, чешет и кормит их. Хищники также не внушали мне опасений, потому что я знал, что сейчас легкой добычей для них служат раненые звери. В конце концов я завел каноэ в маленькую закрытую бухту, где в озеро стекал пресный ручей. В бухте были низкие берега, широкий пляж, а за ним стеной стоял лес, где росли ели, пихты и хемлок. А вдоль мелкого русла ручья — клены и ольха. Место было удобное, потому что отсюда я мог пройти с медвежатами к югу до болот, расположенных выше линии леса в горах. Найти пропитание здесь было непросто — пастись тут можно было только на сухих лугах и в кустах бузины. Хотя мы и выбрались из выжженного пожаром района, последствия длительной засухи ощущались и здесь. Деревья и кустарник были еще зеленые, но кроме бузины, все съедобные травы и корни в трясинах были начисто объедены животными, обитающими на этой территории. Медвежатам было досыта не пообедать, сколько бы мы ни ходили. В озере близ впадения ручья было полно радужной форели и рыбок Лох Левин, но их было не соблазнить никакой наживкой, потому что ручей нес в озеро всяческие яства.

Чтобы не искушать любопытных посетителей, я подвесил запас продовольствия на толстой ветви, до которой нельзя добраться никаким зверям — ни сверху, ни снизу. Однажды, путешествуя на каноэ по реке Льярд, что в Северо-Западных территориях, я совершил ошибку, привязав свой мешок к не особенно прочной ветви. Двое или больше медведей, не знаю, сколько их было — взобрались на дерево, обломали ветку и тщательно подчистили все мои запасы.

После дальнего похода по ручью и обратно по голым складкам обточенных временем крутых откосов, где росли съедобные лишайники — каменная плесень и олений мох, — мы вернулись в лагерь. Поделив последнюю банку тушенки с бобами, мы уютно устроились на бревне у костра, слушая хор сосен. Когда деревья качались, весь лес колыхался в волнах ветра. Бормочущие куропатки спустились к ручью на водопой. С дерева на дерево прыгали белки, они болтали и ругались друг с другом, пока вылущивали из шишек орешки. Прямо у меня над головой одинокий паук проделывал бесконечные акробатические трюки на трапеции из паутины. Я курил

трубку, пытаясь разобраться в вечерних звуках. Расти нюхал ветерок; Дасти устроилась у меня на коленях, вытянув мордочку к огню; Скреч переворачивал кусок коры то правой лапой, то левой.

Откуда ни возьмись — чаще всего так и бывает — к нашему бревну неслышно подошла взрослая черная медведица. Все трое медвежат смотрели, как она подходит, с уважением, но без всякого интереса, и я решил не отсылать их на дерево, а посмотреть, что будет. Ведь медведица не цокала зубами, плечевые мускулы ее не напряглись, она не шипела, и шерсть на загривке у нее не вздыбилась.

Это была мосластая старушка, всякий раз, глядя в мою сторону, она что-то бормотала и задирала верхнюю губу. Я решил не мешать ей. Выхаживая передо мной взад-вперед на задних лапах, она широко расставила передние в том характерном широком жесте, когда все десять когтей, каждый в четыре дюйма длиной, выпущены, готовые вклепить оплеуху, подай я хоть малейший повод. Непосвященный решил бы, что она хочет задушить меня в объятиях. На самом деле медведи обнимаются разве что во время грубых детских игр. Такая поза не только безобидна, но еще и выражает дружелюбие, бояться ее не надо, скорее следует ей радоваться. От этой старой с округлым брюхом медведицы несло падалью, и я понял, что она явилась со светским визитом, а не для пиратского набега. Ей было ужасно интересно, почему это существо на бревне, чьи собраты всегда в нее стреляют, вдруг проявляет заботу о трех ее сородичах.

Я уже говорил, что из всех диких зверей медведи ближе всего к человеку по своей психологии. Попадают среди них и умные, и глупые, но большинство обладает средними умственными способностями. Ту медведицу, о которой идет речь, по-видимому, нужно отнести к умственно отсталым. По долгом размышлении она решила, что в данный момент я не опасен, если держать дистанцию и не подходить ближе чем на шесть футов. Меня привела в восторг подобная церемонность. Еще одним свидетельством ее «интеллекта» был страх перед медвежатами. Преодолев все же свое нежелание знакомиться с медведицей, медвежата покружили вокруг нее на напряженных лапах, нахмуря лбы, фыркая и издавая глубокие гортанные звуки, и вернулись к нашему бревну. Дасти забралась на колени, Расти пристроился справа, а Скреч слева от меня. Все еще сохраняя расстояние в шесть футов, медведица села на песок и

привалилась спиной к этому же бревну. Ворочая головой, она наблюдала за Скречем, который и сидя не оставлял свои акробатические этюды. Я снова занялся трубкой, и впятером мы задумчиво созерцали догорающие угли костра. Под веткой, на которой висел продовольственный мешок, спали в своей коробке дрозды, раскачиваемые вечерним ветерком.

Я ничуть не удивился, обнаружив медведицу в нашем лагере утром, но меня неприятно поразило поведение медвежат. Вместо того, чтобы уйти с ней, на что я, честно говоря, слегка надеялся, ради их же блага, они рычали и старались цапнуть медведицу за пятки. Прогнав ее наконец в лес, они даже не дали ей доесть копченого лосося, которого я бросил ей на завтрак.

Несмотря на то что рисунки на скалах и в пещерах изображают схватки первобытного человека с медведями, почти все знакомые мне канадские индейцы считают медведей некоей древней человеческой расой. В доказательство они указывают на то, что у медведя на лапах по пять пальцев, что медведи умеют, как человек, ходить и бегать на двух лапах, что все виды медведей обладают общими характерными особенностями, и на то, что у медведей-сладкоежек, как у людей, портятся зубы. Если не считать отдельных видов обезьян, медведи, единственные из всех известных нам животных, умеют перебрасываться между собой предметами.

Даже самый несведущий наблюдатель не может не заметить, что медведь, как и человек, обучает своих детей обороне и нападению, добыванию пищи и игре.

Обитая в основном в лесах и на горных склонах, медведи — кроме белых — единственные из всех млекопитающих лишены защитной окраски. Хотя большинство зоологов считает их плотоядными, у медведей завидная система пищеварения, которая усваивает пищу самую разнообразную во всем животном мире. Многие еще верят в старое поверье «близорукий как медведь». Однако это заблуждение: глаза у медведей близко посажены, так что у них ограничен угол зрения, но не зоркость. По мнению некоторых биологов, медведь лучше всех зверей приспособлен к обитанию в умеренном климате.

Чем ближе мы продвигались к поселку Топли-Лендинг, тем чаще нам попадались индейцы: отдельные семьи, живущие в хижинах;

рыбаки в своих пирогах; группы лесных жителей, переправляющих на каноэ свои припасы к далеким и тайным охотничьим участкам.

— Я дам тебе доллар за одного из этих медвежат, — предложил один угрюмый и явно подвыпивший индеец, подплывший к нам на своей моторке.

— А чего они у тебя не на цепи?

— Зачем он тебе? — спросил я, смеясь.

— Зажарю его, паршивца, конечно. Ты что, жареной медвежатины не пробовал? Лучше всякой свинины!

Индейцы как никто умеют читать по лицам.

— Пока! — крикнул я ему, когда он уже отплыл. На третий день, рано-рано утром, мы приплыли в Топли-Лендинг. Случилось так, что день оказался воскресным. Было время завтрака, и над берегом, застроенным молчаливыми хижинами из некрашенных досок, висел как многослойный туман дым, несущий благоухание яичницы с беконом, свежего хлеба и форели. Ничто не приводит медведя в столь буйное беспокойство, как запах яичницы с беконом. И мои медвежата подтвердили это. Они завизжали и заметались по лодке, пуская при этом слюни и грызя борта. Когда мы причалили к главной пристани поселка, там собралось с полдюжины ребятишек. Один беглый взгляд на белого человека и трех медведей — и детишки с криком помчались по домам. Новость распространялась, и от дома к дому понеслись крики, лай и визг, нарушив очарование этого простого поселка. В считанные минуты причал заполнили собаки, толстые индейские женщины в ситцевых и вязаных платьях, мужчины в грубых синих рубашках, джинсах и широкополых шляпах и целая толпа неуклюжих подростков, то хихикающих, то выкрикивающих что-то на диалекте бабин.

Я держал каноэ на расстоянии от причала, чтобы взаимно обезопасить собак и медведей. Иначе началась бы грызня.

— Ред-Ферн в поселке? — вопрос был обращен к любому, кто захочет ответить.

— Нет, — нашелся один доброволец. — Он на юге, размечает лес для Компании.

«На юге» могло означать как десять, так и пятьсот миль отсюда.

— Когда он вернется?

— Трудно сказать. Может, и сегодня.

— А он знает, что его дом уцелел?

— Да, — ответил доброволец, — мы были там, собрали шкуры и мясо. Как это вы не задохнулись?

— Я взял медвежат и переждал на другом берегу озера, пока дождь не погасил пожар.

Он переводил все это для тех, кто был не очень силен в английском. Маленькие круглые мордашки начали выглядывать из-за складок ситцевых и вязаных юбок широкобедрых индианок.

— А что, фактория открыта? — спросил я.

— Сегодня закрыта, воскресенье же. Может, Хэнк Морган откроет лавочку перед началом церковной службы. Он живет за лавкой, в том же доме. Раз в месяц к нам приезжает пастор. Сегодня его ждут. Он показывает кино тем, кто приходит на проповедь. Никому не хочется пропустить кино.

— В какое время служба?

— Как пастор приедет. После дождя дороги очень плохие. Ищи его около полудня. Если он не успеет до завтра, то объявит завтра воскресеньем.

— Где мне запереть медведей, пока я буду в лавке?

— Да в котле. Мы только так обходимся с медведями.

У меня складывалось впечатление, что так здесь обходятся с белыми людьми, а не с медведями, но почему, тогда я не мог этого понять.

— Далеко отсюда до форта Пенделтон-Бей?

— Миль тридцать пять — сорок. Да никто здесь не тронет твоих медведей.

— Могу я нанять какого-нибудь мальчишку, который побыл бы с ними в каноэ, пока я схожу в лавку за припасами? — спросил я.

— Я посижу за пятьдесят центов, — вызвался кто-то.

— А я за кусок жевательного табака! — крикнул другой.

— Я даром посижу! — закричали сразу несколько, обрадовавшись случаю поплавать на каноэ с тремя живыми медвежатами.

Я выбрал рослого, серьезного мальчика по имени Барни и приказал ему сесть в лодку, как только я подведу ее к причалу. Я хотел, чтобы медвежата немного освоились с ним, прежде чем я уйду в факторию. Барни, немного нервничая, сел на переднее сиденье и погладил медвежат. Те завизжали и вздыбили шерсть, но не кусались.

Я поплыл к середине озера, и толпа на берегу разбрелась, а шумные собаки убежали. Когда мы опять причалили, на пристани никого не было, кроме нескольких стариков.

— Держись в сотне ярдов от берега, Барни. Я постараюсь обернуться побыстрее.

— Проще простого, как у вас в Штатах говорят.

Мальчик оттолкнулся от причала и быстро заработал веслом, пока медвежата не разгадали наш маневр. Однако, поняв мое предательство, они так громко заревели от горя, что на пристань примчались с лаем шесть дворняжек.

Я шлепал по грязной улице, ведущей к фактории, когда в сотне ярдов за моей спиной началось столпотворение. Там, барахтаясь в грязи, смешались в смертельной схватке в один воющий клубок шестеро собак и мои медвежата. Со всех ног бросился я назад, но вокруг схватки уже кольцом собрались индейцы. Они не дадут мне спасти медвежат.

— Дерево! Дерево! Дерево! — заорал я во всю силу своих легких, хлопая в такт каждому слову в ладоши. К счастью, на обочине грязной улицы росла высокая сосна. Три скользких комка грязи прошмыгнули между ног стоящих кружком индейцев, и их не успели остановить. Кого-то сбили с ног, и он упал прямо в лужу, а у другого индейца весь воскресный наряд оказался забрызган грязью. Совершенно неузнаваемые медвежата укрылись в безопасности на первой ветви сосны и сделали вид, что они ни при чем, а внизу бесновались в бессильной злобе грязные собаки. Именно в этой трудной ситуации я впервые обратил внимание на то, что голоса медвежат различаются, хотя и едва заметно. Впоследствии различия в тембре, высоте и звучности помогали мне узнавать каждого из медведей, особенно ночью, по голосу.

Один сердитый юноша-индеец, чья собака недооценила острые когти и зубы медвежат, уже направлялся к сосне с ружьем двадцать второго калибра в руках. Я кинулся к нему и стал вырывать ружье. В это же время на улицу свернул с дороги на Топли грузовик-пикап, и, к моему невероятному везенью, как раз возле нас с него соскочили Клит Мелвил и Ред-Ферн. При виде Мелвила индейцы забрали своих собак, молодой человек, владелец ружья, убежал домой, и вся толпа тут же рассеялась.

— Почему-то я ждал тебя сегодня, — сказал Ред-Ферн, — вот и попросил Клита подбросить меня. А что тут у вас за свара?

Еще тяжело дыша, я объяснил.

— Тебе тут многое не понять, — ответил на это Мелвил, — из всех зверей индейцы более всего почитают медведя. И вовсе не из страха, все дело в древнем народном поверье. Если индеец в силу крайней необходимости вынужден убить медведя, он обязательно приносит жертву, и немалую.

— Да, но сейчас они не очень-то спешили отозвать своих собак, — возразил я, — а этот поганец с ружьем чуть не пристрелил медвежат.

— Это они не со зла, они надеялись освободить души медведей. Просто они считают, что медведь превосходит человека, и им не нравится, что ты осмеливаешься быть с медведями запросто. По индейским представлениям, ты не должен был брать медвежат после смерти их матери. Они думают, что Гитчи Маниту позаботился бы о малышах и нашел им другую мать. С тех пор как Чарли Твейт привез нам это известие, все только об этом и говорят. Я попрошу Моргана открыть для тебя лавку, чтобы ты сделал запасы. Полагаю, тебе лучше как можно скорее уплыть. Эти индейцы могут придумать какую-нибудь хитрость, чтобы убить медвежат. Да еще у нас раздоры из-за всех этих разговоров, будто весь наш озерный край сделают государственным охотничьим заказником. Может быть, даже провинциальным парком.

Клит Мелвил, констебль, был человек средних лет, честный и искренний, гигант, чья физическая сила и гибкий ум внушали уважение и восхищение всем индейцам. Не один «смельчак», любитель покуражиться над слабыми, испробовал на своих скулах тяжесть его кулака, и не один бедолага ощутил поддержку его могучей руки. Его пристальный взгляд и низкий звучный голос, казалось, исходивший из глубокого подвала, врезались в память. Клит был самоучкой и частенько сражался с ветряными мельницами. Одни говорили, что как представитель закона он заслуживает свою дурную славу, другие считали, что он просто обходит нелепые формальности своего дела и утверждает, если нужно, силой закон так, как его понимает. И будь что будет! Он исходит из убеждения, что нормальный человек никогда не будет творить зло.

— Не видывал человека, которому хотел бы подражать, — заявил он, шагая со мной к фактории, — особенно, когда узнал людей как облупленных. — Он снял шляпу с опущенными полями и расчесал пальцами копну буйных каштановых волос.

Ни в чертах лица Мелвила, ни в его движениях не было ничего устрашающего, но мне показалось, что индейцы при его приближении вжимаются в двери хижин и забиваются по углам. При виде его холодных глубоко посаженных голубых глаз я невольно пририсовал у него под подбородком две скрещенные кости. Думаю, что индейцы потому и съезжались, что мысленно рисовали себе такую же картинку. И еще они видели в нем человека ужасающе одинокого и полного взрывчатой энергии. Я невольно обратил внимание на то, что он ходит без оружия.

Ожидая, пока откроется лавочка, я коротко рассказал Ред-Ферну о том, что касалось его дома, и отдал его часть золота, намытого в Наггет-Крике. Мелвил вернулся и стал на страже под деревом, на котором сидели медвежата.

— Какие у тебя планы, Боб? — спросил меня индеец.

— Довольно неясные. Думал отправиться куда-нибудь южнее — скажем, по восточному берегу озера — и построить хижину для зимовки с медвежатами.

— А как насчет района озера Такла — его северо-западного рукава? Там возле устья реки есть хижина. Домик моего здешнего приятеля из Топли. В русле реки есть золото. На холмах полно корма для медвежат. И засуха не очень чувствуется. Местность богаче, чем на Бабине. Там нет ни души, а как установится зима — оттуда не выберешься.

— А как быть с продовольствием?

— Лучше сейчас запасись всем на зиму. Как только растает лед, я приплыву. Привезу припасов на все лето. Мне это по пути к озеру Стьюарт.

— Сложно это.

— Да нет. Трудно будет туда добраться. Особенно тяжелый волок между озерами Талоу и Фрайди. Крутой хребет. Плохая тропа. Трудные пороги между озером Фрайди и Накинилерак. Еще труднее будут две мили по реке Отет-Крик за озером Нэтоуайт. Можно было бы пройти волоком от озера Бабин к озеру Стьюарт, но тебе не провести

каное вверх по рекам Стьюарт и Мидлз-Ривер; если у тебя не моторка, там не обойтись без напарника.

— Мебель тебе придется самому сделать, — продолжал он. — В хижине уже несколько лет не живут. Конечно, там нужен ремонт, но это лучше, чем строить на пустом месте. И не будь дураком, Боб, возьми мое ружье. Стаи волков, пумы, гризли да и барибалы тоже, росوماхи — все будут устраивать засады на тропе. Они разнесут хижину, лишь бы добраться до тебя, твоих медвежат и съестных припасов. Ты не знаешь, что это за место, озеро Такла, особенно зимой, ведь у волка, пумы и росوماхи не бывает спячки. И еще, я не доверяю индейцам сарси и каска. Не припомню, чтобы белый старатель вернулся из этой местности, живой или мертвый. Конная полиция туда не суется. И эти индейцы еще больше, чем бабины и секани, сходят с ума из-за медведей.

Я оглянулся на дерево, где на толстой ветке скорчились три грязных клубка, строя мне оттуда рожи. Мордочки они вылизали, но сами остались грязными. Клит Мелвил, прислонясь к стволу, разговаривал со старшим рабочим лесопилки.

— Я отправлюсь прямо к озеру Такла, Ред, спасибо за ружье, но я его не возьму.

Мой заказ на пятьсот фунтов продовольствия был уложен в коробки, и я собирался тащить его на пристань, когда опять поднялась суматоха, на этот раз на крыльце фактории. Я открыл дверь и увидел своих медвежат, огрызающихся и отбивающихся лапами от толпы возбужденных детей и трех заливающих лаем собак. Увидев меня, медвежата ворвались в сверкающую чистотой лавку Хэнка Моргана и прокатились по ней стремительным грязным клубком, хватая по пути яблоки, морковь, черничный пирог. Пытаясь остановить Дасти, которая удирала от меня с пучком репы в пасти, я споткнулся о корзину с яблоками и с грохотом полетел. Услыхав шум и увидав меня на полу среди раскатившихся яблок, медвежата напугались и решили, что у них хотят отобрать добычу. Обрушив целую лавину из консервных банок и ящиков с крупами и кетчупом, Дасти и Скреч полезли вслед за Расти на пустую верхнюю полку, где, не отводя от меня глаз, стали быстро пожирать то, что успели схватить. К счастью, Хэнк Морган оказался человеком с юмором. Разбитые бутылки

кетчупа, банки огурцов, соусов и горчицы он включил мне в счет. Так большая часть намытого за лето песка перекочевала на весы Хэнка.

— Я помогу тебе доставить медведей к причалу, — предложил Ред-Ферн. — Хэнк и Клит привезут твои припасы на грузовичке. Бьюсь об заклад, здешние горячие головы что-то затеяли. Ты, наверное, еще не слышал — всю эту территорию, может, сделают охотничьим заказником или провинциальным парком. Индейцы все перессорились из-за этого. Боятся, что белые отнимут еще больше охотничьих и трапперских лицензий.

Подставив стремянку, я согнал медвежат с полки и, передав Скреча Ред-Ферну, а Расти и Дасти схватив под мышки, пошел назад по грязной дороге к пристани. Барни, упустивший медвежат, все еще сидел в каноэ, и вид у него был виноватый.

— Они все трое как прыгнули за борт и как поплыли... Говорят, была свалка.

— Да... — ответил я и устроил медвежатам такую баню, которую век будешь помнить.

К нам подошел очень красивый, стройный индеец лет шестидесяти с небольшим и назвался: Питер А-Тас-Ка-Ней. У него была очень искренняя дружелюбная улыбка.

— Я хозяин хижины в устье Отет-Крика, которую ты хочешь занять.

Очевидно, они с Ред-Ферном обо всем договорились еще до моего приезда.

— Я слышал от Ред-Ферна и Клита, что ты хочешь отпустить медведей на волю, когда они смогут жить самостоятельно. Это правда?

Мне очень понравился его мягкий голос и загадочная глубина больших карих глаз. На шее он носил отполированный кусочек омелы, местный талисман здоровья и долголетия. В ярком солнечном свете его длинные седые косы свисали из-под широкополой фетровой шляпы, как две змеи.

— Да, я и в самом деле хочу так сделать, — ответил я. — Хочу помочь им обосноваться на собственной территории, где они смогут сами добывать себе пищу, в местности, где нет охотников. Пожалуйста, объясните всем, что я вовсе не собираюсь ни приручать медвежат, ни готовить их к жизни в неволе.

— Скажу, — пообещал он. — Можешь пользоваться моей хижинкой столько лет, сколько будет нужно. Больше всего золота в водосборе озера Нэтоуайт и в устье Отет-Крика. В апреле я помогу Ред-Ферну доставить тебе припасы. У моего сына Ларча есть хижина на другом берегу озера. Он навестит тебя, когда озеро замерзнет и он пойдет проверять свои капканы. Мы надеемся, что в этом году район озера Такла станет провинциальным парком. Тогда не будет никакой охоты, никаких ловушек.

— Далеко до вашей хижины, мистер А-Тас-Ка-Ней?

— Если плыть самым коротким путем — сто десять миль. Один отрезок волоком, там мили четыре, остальное все вниз по течению. Не пытайся переправляться через озеро при сильном ветре. Это очень опасно, когда ты в каноэ один. Пороги лучше одолевать волоком.

Он сел, достал из бокового кармана сложенную во много раз карту, это была очень подробная карта, составленная Департаментом земель и лесов еще во времена пионеров. Индеец прочертил маршрут карандашом и протянул карту мне.

— В просторах Британской Колумбии легко заблудиться. Вот это укажет тебе путь.

Затем он показал рукой на облака, которые собирались над холмами за озером Бабин.

— Облака — это воздушные типи, в которых живут мечты золотоискателей.

Когда каноэ было загружено всем обычным моим снаряжением плюс зимний запас продовольствия, медвежата и я, на нем оказалось три четверти тонны. Оно осело так, что над водой выступала лишь полоска борта не шире шести дюймов, что было очень опасно — ведь предстояло двигаться по беспокойной поверхности озера. Местные ребятишки, женщины и кое-кто из стариков принесли подарки медведям — пеммикан, вяленое мясо, кукурузные лепешки, свиные лепешки и икру. В косых лучах заходящего солнца четче проступали глубокие характерные линии на выдубленных солнцем и ветром лицах.

Хэнку Моргану и Клиту Мелвилу удалось убедить некоторых индейцев бабин, что у меня честные намерения относительно медведей, но в конце улицы, у пристани, еще что-то тихонько бурчали группки самых недоверчивых индейцев. Четверо не внушающих доверия молодых людей с ружьями, среди которых был и парень, чья

собака пострадала в драке, сели на длинную лодку и, заведя мотор, отплыли на середину озера. Вступать в разговоры они не пожелали.

Когда я снова вывел каноэ в озеро, медвежата, как бы движимые угрызениями совести, по очереди пробрались через груды припасов на корму, чтобы лизнуть меня в лицо, помириться и увериться, что я больше не сержусь за то, что они натворили в Топли-Лендинге. Я подумал, что этим медвежатам нужна не только хорошая, натуральная пища, но и игры, физические и умственные; им нужно мое одобрение — даже за разгром в самой аккуратной лавке на всем севере; им нужны самоуважение, искренняя любовь, здоровое соперничество, а иногда и драки, чтобы выпустить пар.

Как всегда, любуясь их детской беззаботностью, я больше всего хотел одного — сохранить незамутненными источники их неподдельной радости.

Дальнее пастбище

Я рассчитывал проделать долгий путь от Топли-Лендинга на озере Бабин до хижины А-Тас-Ка-Нея на озере Такла дней за двенадцать — четырнадцать. Обычно сто десять миль можно пройти на каноэ по озерам за три дня, включая отдых. Однако на этот раз времени ушло гораздо больше, потому что груз был тяжелый, а за медвежатами и дроздами нужен был глаз да глаз. Маршрут был сложным, на волоки уходило много сил, и еще очень мешали встречные ветры. Пройдя миль двадцать пять к северу вдоль западного берега озера Бабин, я решил пересечь озеро там, где далеко вперед, образуя теснину, выдавался полуостров Грин-Эрроу. Озеро здесь было всего три мили шириной, и его спокойно можно было пересечь рано утром, до того как поднимется ветер. Я решил продолжать путь на север вдоль восточного берега, до устья впадающей в озеро реки.

В конце северо-восточного рукава в озеро впадал очень бурный поток. Я представлял себе, какой это будет трудной задачей — полторы мили тащить за собой на канате тяжелое каноэ вверх по течению озера Моррисон. Я знал, что мне предстоит проделать это снова в дальнем конце озера Моррисон, на другой порожиистой реке, соединяющей его с озером Талоу. За этим озером я мог, как мне говорили, наткнуться на старую индейскую тропу, которая шла параллельно отрогам Бейт-Рейндж, а потом зигзагами спускалась вдоль крутого гребня гор, в долину озер Фрайди и Накинилерак... Хотя этот волок занимал всего четыре мили, я по прошлому опыту знал, что на него уйдет по меньшей мере четыре шестнадцатичасовых рабочих дня — шестнадцать раз по восемь миль. В те времена не считалось чем-то необыкновенным, когда здоровый молодой мужчина весом 160 фунтов перетаскивал на себе четыре тюка по восемьдесят фунтов в каждом. Само каноэ весило семьдесят девять фунтов. После этого трудоемкого волока, по словам Ред-Ферна, пойдут реки Накинилерак и Отет-Крик, изобилующие неисследованными порогами и водопадами.

Через десять минут плавания на север от Топли-Лендинга мы вновь оказались в незыблемом мире дикой природы, где люди еще отмеряли время по восходу солнца, полдню, закату, костру и

неспешному сну — в мире, где койотам и волкам хватало и простора, и времени, чтобы петь свои древние песни, в этой огромной, широко раскинувшейся стране, где четыре величественных времени года четко сменяли друг друга и всякий подлинный сын северных лесов, познавший их, не в силах был с ними расстаться. Я смотрел, как вечерний ветер шевелит шерсть медведей, сидевших каждый на своем любимом месте, отвоеванном у других в горячих спорах, и удивленно разглядывавших живые существа на проплывавшем мимо берегу. В свою очередь, все животные на берегу глядели на нас. Рыжие белки уже начали громоздить высокие (до шести футов) кучи еловых шишек, пищухи ворошили припасенное ими сено на краях скал.

Четыре угрюмых индейца с ружьями медленно плыли вслед за нами до самого вечера, потом вдруг повернули и направили свою моторку назад к Топли-Лендингу. Спустя час Ред-Ферн и Клит Мелвил примчались на катере провести часок у нашего костра.

Я еще раз мысленно перебрал доводы в пользу того, чтобы переселиться в такой далекий и труднодоступный район, как озеро Такла. Во-первых, там можно будет намыть золото, а, во-вторых, я считал его идеальным местом, где можно спокойно вырастить медвежат и потом отпустить на волю. Чтобы нормально развиваться в собственной среде, им необходима естественная медвежья пища, а ее можно найти в местности, где есть болота, луга и лес, вдали от борьбы за существование на не выжженных пожаром, но пострадавших от засухи окрестностях озера Бабин.

Дикий медведь вырастает и запасается здоровьем на двадцать пять — тридцать лет жизни за счет жесткой программы физических нагрузок и питания, равной которой не знает ни одно другое животное его веса. Я не раз наблюдал, как медведи барибалы и гризли переплывали озеро шириной в три мили, а затем взбирались на гору на другом берегу, хотя могли бы выбрать и более легкий путь. Я видел также, как барибалы галопом спускаются с горы и, не снижая скорости, лезут на пихту высотой футов двести, как мы по шесту, обнимая ствол передними и задними лапами, пока не вскарабкаются до самой верхушки. Новый район обещал неограниченные возможности для развития всей заложенной в медведях энергии.

Еще одним доводом в пользу предложения А-Тас-Ка-Нея было то, что в окрестностях озера Такла на тысячи квадратных миль тянулись

высокие, почти непреодолимые горы, непроходимые леса и несудоходные реки, где, наверное, еще многим поколениям животных будут неизвестны дальнобойные ружья с оптическим прицелом. Хотя парламент еще не утверждал проект закона о создании в этой части Британской Колумбии провинциального парка, вопрос о превращении ее в охотничий заказник был почти решен. Консервативно настроенные организации оказывали сильный нажим на Оттаву. Дальновидные канадцы не хотели сидеть, сложа руки, и ждать, чтобы с растительным и животным миром их страны произошло то же, что в Соединенных Штатах, где полностью стерли с лица земли дикую жизнь, что привело к непоправимому нарушению равновесия в природе — непростительной ошибке.

Пересечь теснины озера Бабин напротив полуострова Грин-Эрроу оказалось не так просто, как я думал. На второе утро пути я проплыл по гладкой зеркальной поверхности всего милью. Внезапный резкий порыв ветра развернул каноэ и едва не опрокинул его. В считанные мгновения вздыбились трехфутовые волны, и медвежата полезли прятаться от брызг под сиденье. Нос так задирался на гребне каждой волны, а днище так хлопало на подошве, что я испугался не меньше медвежат. Перевернуться при таком ветре посреди озера означало почти верную смерть, не говоря уже о том, что я лишился бы всего снаряжения и единственного средства передвижения.

Как только первая волна обрушилась на нос каноэ и выплеснула на медвежат пять галлонов воды, они, недовольно урча, полезли на корму, шагая прямо по коробкам с провизией. Они устроились между моих колен и уставились прямо по курсу с важностью пилигримов. При бортовой и килевой качке каноэ, у которого только одно весло, рулевое, довольно трудно управляемое суденышко. Упираясь коленями в днище и приваливаясь спиной к сиденью, я ухитрялся поддерживать равновесие, несмотря на то что приунывшие медвежата копошились у меня в ногах. Мне оставалось только держать нос лодки против ветра и упираться изо всех сил, чтобы ее не развернуло бортом к ветру, тогда бы мы перевернулись. Возвращаться же было поздно.

Вскоре у меня так свело мускулы от холода и страха, что я отказался от мысли о движении вперед. Даже борьба за то, чтобы остаться на плаву, казалась мне почти безнадежной — ведь я выгребал против ветра одним веслом шириной в каких-нибудь восемь дюймов,

да еще вычерпывал воду между порывами ветра. Если бы не мой груз, служивший балластом, каноэ перевернулось бы в первые же пять минут. Стоило грузу сдвинуться — и мы оказались бы в воде. Временами я так налегал на древко кедрового весла, что оно гнулось. Порывы ветра налетали один за другим, и у меня не было времени вытащить запасное весло из чехла на случай, если это весло сломается.

Мне казалось, что прошла вечность и шторм уже никогда не кончится, когда вдруг порывы ветра стали более короткими и не такими яростными. Погружая весло в бушующие волны и кляня свои ноющие плечи, я вдруг заметил, что чуть-чуть продвигаюсь вперед. Темная кромка восточного берега медленно превращалась в отдельные деревья, скалы, обрывы и песчаную прибрежную полосу. Когда надежда и способность разумно думать вернулись ко мне, до меня дошло, что я весь промок и посинел от холода. Меня так трясло, что я не мог управлять своими движениями.

Под прикрытием береговых обрывов стреловидного полуострова было спокойнее, здесь хоть не утонешь. К несчастью, я никак не мог отыскать место для стоянки. Очень древние и обросшие лишайником кедры и хемлоки были окружены более молодым лесом из пихт, бальзамических пихт и карликовых сосен. На скалистом узком берегу росли ольха и ивняк.

Тесно растущие бальзамические тополя (тополь трехгранный) толщиной до шести футов пропускали лишь отдельные, отвесно падающие солнечные лучи, и у земли царил пещерный сумрак. Лесные ибисы, цапли и выпи стояли как часовые на островах из выбеленного солнцем плавника, а с верхушек деревьев о нашем приближении громко возвещали белоголовые орланы и скопы.

Когда, наконец, обогнув острый мыс, мы вошли в длинный, как вытянутый палец, залив, я с радостью увидел бесконечное торфяное болото и топи; здесь медвежата смогут наесться, вырыв всяких насекомых, личинок, лягушек, луковиц, нежных побегов базилика, корней скунсовой капусты и скользких желтых улиток. Ближайшее защищенное место для лагеря оказалось в полумиле в глубине залива, но пробиться к нему было нелегко — ветер мог бросить тяжело груженное каноэ на прибрежные камни. Поздние губастики, водосбор, астры и кастилея создавали обманчивое впечатление весны.

Пока я разбивал стоянку и пристраивал продукты так, чтобы до них не добрались медведи, они все более широкими кругами отходили от лагеря, осваивая новую территорию. Я уже собрался было прогуляться с ними по болоту, как вдруг Расти испустил такой пронзительный устрашающий вопль, что его, наверное, слышно было и за четверть мили отсюда. Чтобы я легче нашел его, он продолжал вопить что-то вроде «Мо! Мо!». Подойдя ближе, я увидел, что вся троица вскарабкалась на самую верхушку молодой ели, которая опасно раскачивалась под их тяжестью. Большой мишка-трехлетка пытался дотянуться до них передними лапами, взобравшись вслед за ними по ели, насколько позволяло тонкое дерево. Медвежата увидели меня раньше, чем обидчик, и их отчаянные вопли сразу стихли, так что медведь обернулся посмотреть, что происходит. Увидев меня, он сразу же соскользнул с дерева. Я дал ему возможность уйти без какого-либо ущерба для его достоинства. Для любого медведя потерять лицо — это настоящее бедствие. Отступление без борьбы означает утрату иерархического статуса в своем сообществе — таков незыблемый этикет леса, определяющий, кто дает по мозгам, а кто получает.

Трехлетка не собирался допустить чужаков на свою территорию без борьбы. Когда по моему зову Расти, Дасти и Скреч спустились с дерева и, скорчившись, испуганно прижались к моим коленям и зашипели, — он угрожающе зарычал. Подняв с земли палку длиной фута в четыре, я не отступил ни на дюйм, когда медведь встал в боевую стойку. Честно говоря, я пожалел, что не принял предложения Ред-Ферна взять ружье. Я не хотел, чтобы медведь понял, какое он произвел впечатление. Глядя прямо ему в глаза, я медленно поднял палку и издал индейский клич, которому меня научил отец. Это обратило молодого медведя в бегство. Когда его настигла палка, ударив по жирному круглому заду, он завопил, будто его убивают. Я следил за ним, когда он кругами продвигался к нашей стоянке, опасаясь, как бы он не натворил чего-нибудь в отместку.

Когда мы гуськом спускались на болотистую равнину, я заметил, какая нетвердая тут почва под ногами. Я думал, что она пружинит благодаря торфу и толстому ковру мха сфагнума. Скреч не плелся позади, как до пожара, а вприпрыжку бежал впереди, как бы радуясь, что под ногами пружинит. Дасти шла почти сразу за ним, но резвилась меньше. Расти все еще занимался серьезным делом — он

переворачивал камни и палки в поисках сочных личинок и хрустящих жуков. Едва Дасти и Скреч вступили на наносную песчаную отмель со множеством отпечатков гусиных и утиных лап, как сразу же увязли. Зыбучий песок, вот уж чего я никак не ожидал!

Мне было не дотянуться до барахтающихся и неудержимо погружающихся медвежат, и я стал кидать им палки и охапки мха, и, оперевшись на них, они сумели удержать головы и передние лапы на поверхности вонючей и жидкой как кисель грязи, но ни один из медвежат не продвинулся ко мне. Наконец мне удалось перекинуть через предательский песок длинную полусгнившую жердь, и медвежата вцепились в нее. Расти пополз было им на помощь, но я оттащил его назад за хвост. Было ясно, что Дасти и Скреч выбились из сил, им уже не вытянуть туловища из жадной трясины. И я вдруг понял, почему они так беспомощны. К поверхности зыбучего песка подымались большие пузыри, они лопались и медленно одурманивали медвежат болотным газом, ядом смертельным и более опасным, чем сама бездна. На одном краю песчаной отмели росла молоденькая пихта шести дюймов в диаметре. Рассчитав, что медвежата продержатся еще минут десять, я прикинул, сколько времени мне понадобится, чтобы сбегать в лагерь за топором, и решил рискнуть. Когда я вернулся, Расти сидел у дерева, задрав морду, и выл так, как будто наступил конец света. Повалив деревце поперек трясины, я прополз по стволу, вытащил одуревших медвежат, которых стало рвать, и перенес их на мох подальше от места происшествия. Когда они пришли в себя, мы все искупались, что всем нам было крайне необходимо.

Мои медвежата всегда бурно выражали свою благодарность — этакое врожденное благородство. Всякий раз, когда я выручал их в критической, по их мнению, ситуации, они обнимались, лизались, издавали какие-то гортанные звуки. После таких спасательных операций я мог рассчитывать на их образцовое поведение в течение целых двадцати четырех часов.

Полуостров Грин-Эрроу на озере Бабин протянулся на двенадцать миль. Напротив оконечности мыса, там, где расходились северо-западный и северо-восточный рукава озера, ютилась полузаброшенная индейская деревушка Олд-Форт. Те, кто еще жил там, зимой занимались трапперством, а летом рыбачили. Жили они в жалких лачугах, одевались плохо, питались скудно, но какие это были

красивые, веселые, умные люди! Их жизнь не осложнена была изобретениями двадцатого века и язвами желудка. Навстречу мне на берег вышли с полдюжины детишек, три скво и четыре беззубых старика, но когда из лодки с рычанием высунулись медвежьи морды с торчащими ушами, все встречавшие убежали к лесу. Мне удалось заманить мужчин в гости, но женщины и дети попрятались за деревьями, украдкой наблюдая за мной.

Приятно было оказаться здесь, в северо-восточном рукаве озера, потому что оно было здесь уже, гористые окрестности более живописны, а на берегу среди выветренных гранитных скал имелись широкие площадки, на которые легко было вытянуть каноэ. И днем и ночью воздух был напоен ароматом пихты, из зрелых шишек которой в это время года вытекал сладкий сок. По краям болота и берегам ручья сияли огромные лимонные лилии, которые щедро источали свой экзотический аромат, напоминающий о лимонных садах Калифорнии. Особенно приятно было вдыхать здешний воздух на рассвете.

Вдоль всего пути со скалистых откосов над изгибами выветренного берега глазели бараны Далля и белые козы, поворачивая тяжелые головы вслед нашему каноэ, медленно рассекавшему темно-лиловую воду. В заросших тростником бухточках лоси пожирали мягкие корни подорожника и водяных лилий. Самки вапити и других оленей с детенышами и самки карибу лакомились молодыми побегами ольхи и ивы, а их мужья смотрели вниз с высоких гребней, где рос только «мохнатый» тис. Временами какой-нибудь медведь окликал издали моих медвежат. Когда лосось, плывущий за кормой, хватался за блестящую медью оковку весла, я с трудом сохранял равновесие.

Из каждой ивовой рощицы, с каждой поросшей мхом трясины неслись птичьи песни, означавшие, что место занято. Далекие часовые — олени и лоси — трубными звуками предупреждали свои гаремы о нашем приближении.

Сами эти северные леса были живым символом нетронутого пространства, извечного одиночества и благотворного покоя. Трубные призывы лосей-самцов и едва слышное воркование горных крапивников, которые поют только вдвоем или не поют вовсе, сливались в полной гармонии с шумом огромного как континент леса. Дрозды в своей коробке под сиденьем каждые два часа напоминали, что их пора кормить; а черные мордочки медвежат с черными

кожаными носами с готовностью оборачивались ко мне, стоило мне позвать их по именам. Несмотря на то, что природа так жестко изгнала нас из нашего славного дома у Наггет-Крика, несмотря на неизвестность, которая ждала нас в районе Такла, на душе у меня каждый раз теплело при мысли, что хотя бы на короткий миг я нужен этим семерым обитателям канадских лесов.

На озере у меня хватало времени поразмыслить о Клите Мелвиле, Ред-Ферне и А-Тас-Ка-Нее. При всей их несхожести, всем троим были присущи какая-то особая сила и спокойствие. Они никогда не поднимали голоса, не суетились и не выходили из себя. Это были крепкие парни севера, которые бросили вызов беспредельной его жестокости и победили в схватке; но эти же парни принимали роды с нежностью повивальной бабки. В памяти у меня все всплывал крохотный эпизод, которому я в свое время не придавал значения. Когда Клит Мелвил и Ред-Ферн приплыли в мой лагерь из Топли-Лендинга, Клит прыгнул на берег и, подняв мощной рукой нос, втащил тяжелый катер на берег. Этой же рукой он подобрал древесного муравья и протянул любопытному рогатому жаворонку, который подбежал поглазеть, кто приехал.

В самый северный залив озера Бабин впадала шумная речушка, такая мелкая и быстрая, что невозможно было пройти на каноэ. По правому берегу дно речки было не такое каменистое, как по левому, и я потащил каноэ вдоль него, продев канат в кольцо на носу лодки. Во время этого перехода у меня было много мороки с медвежатами, потому что они поминутно то влезали в каноэ, то соскакивали с него, каждый раз обрушивая на груз шквал воды и грязи. Надо сказать, однако, что на открытой воде они не выпрыгнули из каноэ ни разу за все время нашего плавания.

Озеро Моррисон, к которому почти невозможно добраться по воде, лежит на дне глубокого извилистого каньона, оно протянулось на четырнадцать миль. Мне ужасно захотелось остаться на этом далеком прекрасном озере, среди первозданной природы южных отрогов гор Оминека, которые называются Бейт-Рейндж. Мало того, что озеро привлекало редкостной красотой, на его берегах водилось великое множество разных животных. Наверное, кое-кто из них переплыл озеро Бабин во время пожара, но ни в их поведении, ни в выражении глаз ничто не выдавало пережитого ими ужаса.

Медвежат волновало постоянное соседство всей этой четвероногой жизни. Как-то вблизи нашей стоянки одна игривая выдра стала нападать на колонию бобров у осинової запруды, только потому что они не выказывали никакого желания защищаться. Раз за разом медвежата гоняли эту выдру из конца в конец запруды, стараясь ее поймать, потому что она их раздражала. Кончилось это тем, что, проиграв выдре в беге, плавании и умении маневрировать, вся троица приплелась домой побежденная, измученная до предела и доведенная до крайнего раздражения. Впервые в своей жизни эти медведи испытали полное поражение, чувство, с которым очень трудно смириться.

Разбивая в ту ночь лагерь в верхнем конце озера Моррисон, где в него впадают реки, вытекающие из озер Хол и Талоу, я вспомнил одно из предостережений Ред-Ферна: «В наших лесах опасно путешествовать только в компании молодняка». Как индеец он хорошо знал, что медвежата легко становятся добычей гризли, пумы, волков, росомых, орлов, рысей и даже койотов и куниц. Охотясь попарно или группой, эти изголодавшиеся хищники могут напасть и на человека с медвежатами — если они однажды уже испробовали сочной молодой медвежатины. Это предостережение пришло мне на ум, потому что возле нашего лагеря кружила стая из семи волков. В тот вечер я услал медвежат на пихту, а сам разжег костер футах в шести от дерева. Я подозревал, что, стоит мне улечься, как медвежата спустятся и залезут ко мне в спальный мешок. Я даже подумал было провести ночь с ними на дереве и так и сделал бы, но тут меня осенило. Я решил подставить Расти как приманку для волков, чтобы перехитрить их по старому канадскому способу. Когда я взял Расти на колени и устроился у пылающего костра, Дасты и Скреч начали жалобно подвывать и скулить, просясь вниз. Я коварно рассчитывал, что их вой подогреет аппетиты волков. При свете луны я наблюдал, как четыре устрашающие тени подкрадываются к костру.

«Дерево!» — скомандовал я Расти и посадил его. Он послушно полез наверх, а волки так и рванулись вперед, стараясь схватить его, пока он был в пределах досягаемости. Не давая волкам опомниться, я четыре раза зачерпнул совком угли и подпалил шкуру всем четверым, только тогда они отступили. Раздался визг, полный боли и удивления, — и на том дело кончилось. Мне слышно было, как волки

барахтались в воде, чтобы облегчить свои страдания. Вся стая ушла вниз, в долину, где не так опасно охотиться.

Незадолго до рассвета нас с медвежатами разбудили дроздята, которые заверещали в своей коробке, подвешенной между спальным мешком и костром. Я никогда не знал, кто приползет по земле, прилетит по воздуху или прокрадется по ветвям в наш лагерь, но кто бы ни был нарушитель, как бы тихо он ни приближался, дрозды всегда поднимали тревогу. С рассвета до сумерек медвежата были исправными сторожами, не хуже собаки, но когда мы ложились спать, они снимали с себя всю ответственность за нашу безопасность и возлагали ее на меня. Я же передоверял сторожевую службу дроздам. Однако этим же утром, выглянув из спального мешка на крик дроздят, мы с ужасом увидели, что их коробку грызет ласка. Еще минута — и прости-прощай мои птички. «Пиль!» — этому сигналу медвежата обучились, ловя леммингов в лугах у Наггет-Крика. Все трое пулей вылетели из мешка и прогнали хищника.

Старую индейскую тропу в северном конце озера Талоу я нашел без труда. Самое тяжелое заключалось в том, чтобы перенести почти три четверти тонны через четырехмильный кряж между озерами Талоу и Фрайди. Моя комбинация рюкзаков была вариантом легкого снаряжения фирмы Нельсон, знаменитого еще со времен пионеров, когда дальние волоки были правилом, а не исключением. Поскольку мне предстояло одолеть сто двадцать восемь миль и сделать это я мог за шестнадцать переходов, то есть самое малое за четыре дня, а шестьдесят четыре мили из этих ста двадцати восьми я должен был таскать тюки по восемьдесят фунтов каждый, то я решил в день нашего прибытия в верхний конец озера Талоу сделать два пробных перехода. Большую часть полузаброшенной тропы пришлось расчищать от бурелома, папоротника, кошачьего когтя и других растений; пришлось повозиться также с промоинами и ухабами. В результате на первый переход до озера Фрайди, с инструментами в руках, у меня ушло пять часов, но труд, затраченный на расчистку тропы, облегчил мне последующие переходы. Когда, уже в полночь, мы вернулись из второго перехода, медвежата устали и раскапризничались. Они паслись на протяжении всех шестнадцати миль и все же, не получив привычного им копченого лосося, ворчали и огрызались, устраиваясь на ночь.

Не знаю, как это получилось, но в спальном мешке Расти всегда вытягивался у меня за спиной, монополизируя таким образом всю эту часть мешка. Скреч сворачивался клубком, прижимаясь к моему животу, и, когда ему становилось жарко, менялся местами с Дасти, особенно если я во сне переворачивался. Всякий раз при этом Расти поднимал морду, чтобы лизнуть меня в нос, как бы прося прощения за то, что он тоже перевернется, чтобы я опять мог греть ему спину, а он — снова спать на моей руке, как на подушке.

Все три медвежонка наперебой требовали к себе внимания. Они любили немного повозиться в постели перед сном или утром, особенно если им хотелось, чтобы я почесал им грудь и живот. Они научились по вечерам стоять в очереди, как бы соблюдая некий ритуал, пока я искал у них клещей, древесных вшей, блох, пиявок и прочих паразитов. Им очень нравилось прикосновение человеческой руки, с ней у них связывалось представление о еде, безопасности, любви и лишь иногда — о знаниях. Мы редко сидели вокруг огня каждый сам по себе, чаще мы усаживались на бревне или прислонялись к валуну сгрудившись, как будто боялись какого-то общего врага.

С самого раннего детства я, как последняя тряпка, не мог отказать ни одному живому существу, и поэтому они ходили как к себе домой в мою палатку или спальный мешок. Кто только не разделял со мной ложе — четвероногие и двуногие, безногие и пернатые, мохнатые и покрытые чешуей. Самый лучший способ узнать любое животное и найти с ним общий язык — это выспаться с ним в одной постели!

Сказать по совести, в эти четыре с половиной дня утомительных переходов с тяжелым грузом не проходило и часу, чтобы я не спросил себя, правильно ли я поступаю и к чему приведет наш переезд на это дальнее озеро. Расфасованные продукты — сахар, муку, кофе, соль — нужно было беречь от сырости, развешивать на ветвях деревьев, чтобы их не разорили звери. И все же, несмотря на все предосторожности, я вскоре обнаружил, что белки, лесные хомяки и древесные муравьи исхитряются взбираться по веревкам вверх-вниз и хозяйничают в моих свертках и картонках. Как-то я подоспел в последнюю минуту и спугнул лося, который раскачивал рогами нижний из подвешенных грузов. Коробки с консервами, от которых из-за соседства других припасов все-таки пахло едой, становились легкой добычей медведей,

росомах и койотов, они вспарывали коробки, а содержимое раскидывали по лесу.

И все же беспредельная красота каждого дня в этих звенящих песнями вечных лесах и бесконечные шалости медвежат, которые резвились и паслись по обочинам тропы, щедро искупали все трудности дальнего пути, заставляя забыть о боли, соленом поте, сомнениях и всплывающих порой дурных предчувствиях.

Прежде чем двинуться через пороги между озерами Фрайди и Накинилерак, я срубил пихтовый хлыст в три дюйма толщиной на рулевое весло, чтобы тормозить с его помощью на быстринах. Стоя во весь рост на корме каноэ и налегая всей тяжестью на волочившуюся по дну жердь, я наловчился очень здорово тормозить. Этот старый индейский прием сработал очень хорошо при движении по первой речке. Уровень воды в Отет-Крике за озером Накинилерак был необычайно низким, потому что в этом году выпадало мало снега и дождей. Обнаженные камни выступали из воды таким сложным узором, что продвигаться на каноэ было почти невозможно. Берега здесь круто обрывались в воду, и тащить каноэ волоком я не мог.

Дюйм за дюймом продвигался я по шумному пенистому течению, как вдруг мой тормоз, молоденькая девятифутовая пихта, сломался почти посередине. Так как я упирался в нее спиной, то полетел кувырком в буруны, а каноэ понесло вниз по потоку. Натолкнувшись на первую преграду — песчаную отмель, — лодка развернулась бортом и, оказавшись во впадине между двумя волнами, накренилась навстречу потоку, наполнилась водой и затонула. При этом я видел, что медвежата выпрыгнули и поплыли к берегу, но я был уверен, что беспомощные птенцы погибли. Дошлепав до каноэ, я выловил промокшую коробку из-под сиденья. Самой нежной музыкой показался мне сиплый писк птенцов, доносящийся из размокшей коробки.

Постепенно я перетаскал весь груз на узкую полосу берега, а потом вытащил туда и каноэ. Самые необходимые и легко портящиеся продукты — сахар, мука, крупы, соль — были упакованы в непромокаемые промасленные шелковые мешки, но от консервных банок отклеились этикетки и поплыли по воде, что сулило нам много неожиданностей в зимнем меню. Спальный мешок был упакован в клеенку и остался совершенно сухим. Однако вся моя зимняя одежда,

увязанная в вещевой мешок, намокла и стала такой тяжелой, что я не мог вынести весь мешок разом. К тому времени, когда последнее снаряжение и сама лодка были вытащены на берег в маленькой бухточке между двух валунов с небольшой дом каждый, уже стемнело и речи быть не могло о том, чтобы продолжать путь.

Посинев от холода и не в силах двигаться от усталости, я повторял старую присказку: «На севере одного мужества мало». Я сидел, привалясь к скале, дрожа всем телом, как вдруг заметил, что медвежат нет. Мокрые, дрожащие дрозды сидели на своем развалившемся убежище и верещали что-то. Я решил, что они оплакивают свою квартиру, но ошибся. Сунув сопротивляющихся птиц в их промокший дом и прикрыв парусиной, я хотел было встать и идти искать медвежат, как взгляд мой уперся в чью-то длинную, черную ногу, высотой с тотемный столб. За первой я увидел еще три столь же массивные ноги и между ними с полтонны черного брюха. Громила возвышался прямо надо мной, и я до сих пор помню, как дергалось у него ухо, будто он не мог решить, что делать. Футах в семидесяти над его рогами я разглядел на трех разных ветках любопытные и робко ухмыляющиеся мордашки Расти, Дасти и Скреча.

Совершенно обессилев и почти не в состоянии здраво рассуждать и двигаться, я просто прислонился снова к скале около птенцов и ждал, что надумает лось. Я не способен был ни на умственное, ни на какое другое состязание с этим сувереном северных лесов. Его внезапное появление, как и сломавшаяся жердь, показывали, что в северных лесах непредвиденное всегда случается вдруг. Со спокойствием йога лось принялся уничтожать мой зимний запас картофеля, а когда прикончил его — зашлепал вверх по реке, ничем не выказав, что заметил мое присутствие. В тот миг я подумал: «Хоть бы лягнул копытом, было бы не так обидно».

Придав хотя бы видимость порядка моим грузам, разметанным кораблекрушением, и разложив те из них, что промокли, для просушки, я наконец-то смог подумать о приготовлении пищи для птиц и медвежат. Весь вечер, сидя у костра, я сшивал по швам коробку, которая расклеилась во время вынужденного купанья. Меня очень успокоило и порадовало то, что медвежата не нарушили запрета трогать дроздов и что они сами, не дожидаясь приказа, в момент опасности забрались на дерево.

Следующие десять миль речка Отет-Крик была быстрой, узкой и глубокой — мечта всякого каноиста. За три часа я прошел все озеро Нэтоуайт, имеющее очертания буквы L, и при выходе из него снова попал в речку Отет-Крик, которая здесь была вдвое шире, чем в верховьях, благодаря тому, что в нее впадали речки из бассейна озера Талтапин. Миль через десять по выходе из озера Нэтоуайт Отет-Крик, который теперь уже вполне можно было назвать рекой, влился в широкий залив северо-западного рукава озера Такла. На правом берегу реки, на пригорке, ровно посередине между рекой и сверкающим белизной берегом озера, стояла хижина, крытая дранкой, и при взгляде на дом я почему-то представил себе зрелый гороховый стручок, поднявшийся над густым кустарником.

Пестрые знакомства

После того как я провел два сезона в относительной роскоши жилища Ред-Ферна, эта хижина, хоть и очень просторная, сильно разочаровала меня кухней-временкой. Здесь много лет никто не жил, и снаружи все заросло кустарником, диким виноградом и сорняками. Внутри поселились хомяки, летучие мыши, змеи, целое полчище разных жуков; в доме не было ни мебели, ни удобств. В шатком буфете гудел пчелиный рой. Зато можно было утверждать, что дом снабжен водой — когда дождь заливал крышу. Пол покоробился и был загажен хомяками; на потолочных балках — внутренней стороне крыши — висели вниз головой и паялись на нас летучие мыши. В одном углу под стропилами с шипением раскачивалось, хлопая круглыми глазами, семейство сов. Дверь на ржавых петлях покосилась. Но все оконные стекла были целы, и очаг, хотя в нем было полно паутины, старых листьев и прочего мусора, вроде можно было топить.

В какие-нибудь десять минут медвежата сожрали улей вместе с пчелами, медом и сотами и подобрали все, что пресмыкалось и ползало, кроме змей, которых они выгнали вместе с совами и летучими мышами. Они методично разрывали жилища хомяков и с хрустом поедали их злополучных обитателей. Вот тогда-то, во время этой шумной расправы, я понял, как медвежата подросли и какими сильными они становятся.

В первой комнате, шириной двенадцать и длиной двадцать футов, был длинный сложенный из камней очаг у южной стены. По обе его стороны было проделано по маленькому окну. Две большие застекленные двери в северной стене освещали комнату, из них открывался прекрасный вид на озеро Такла. Кухня, так же как и в доме у Наггет-Крика, находилась в пристройке, примыкавшей к западной стенке дома. Завершало всю систему освещения и вентиляции одно окошечко, в котором стекло поднималось и опускалось, из него можно было, встав на цыпочки, увидеть лес позади дома. Хотя на кухне, естественно, не было водопровода, там стояли раковина и заржавленная чугунная плита. Кому-то из давних жильцов надоело бесконечно таскать воду из ручья, и он проложил трубу из далекого

водоема, так, чтобы вода шла самотеком к дому. Как ни странно, из этой трубы все еще тонкой струйкой текла вода.

Вообще, это было основательное строение и поставлено на идеальном месте. Разгрузив каноэ, я не откладывая ни на минуту принялся за колоссальный труд по расчистке и ремонту дома. К счастью, в деревянном сарае позади домика я нашел инструменты, гвозди, запасные петли, кровельную дранку и немного теса. Единственным местом, где не было никакой живности, оказался склад во дворе, маленькая, защищенная от непогоды каморка, поставленная на четыре крепко вбитые бревна высотой двенадцать футов. Сверху на три фута каждый столб был обит оцинкованным железом, так что зверям было туда не взобраться. Этот склад строился много лет назад, чтобы хранить охотничью добычу А-Тас-Ка-Нея и его зимние припасы. К двери склада можно было добраться только по стремянке. Когда я сложил там все свои запасы, я решил, что из склада выйдет хорошее временное жилище для дроздов. Чтобы приучить себя убирать стремянку всякий раз, как я заходил в склад, я прикрепил между пятой и шестой ступеньками лестницы дощечку с надписью «Убери меня!», она неминуемо попадалась мне на глаза, как только я ступал на землю. Северные хищники удивительно ловко умеют лазать по лесенкам. С утра до вечера я возился в доме, сколачивая мебель, чистил двор от сорняков, пилил, колол и складывал дрова на зиму, ловил и коптил форель, нерку и окуня. Каждое утро я знакомил медвежат с территорией, на которой им предстояло кормиться. Я даже выкроил время, чтобы расширить навес у входа в дом и заменить доски на крыльце, где мы сидели в ранних сумерках и наблюдали, как меняется освещение ослепительно синего озера Такла, разделяющегося здесь на два рукава. Закатное солнце золотило протянувшиеся длинной бесконечной грядой пики гор Оминека, которые возвышались на востоке вплоть до Скалистых гор, и это каждый день было источником отдыха и наслаждения.

Мои птенцы приобрели каждый, я бы сказал, свою индивидуальность, и настроение их легко читалось в том, как лежит их лохматое хвостовое оперение. После линьки они как-то сразу сменили свой цыплячий пух на полный летний наряд. Еще пуховичками они невзлюбили свою темную тюремную башню. На меня неожиданно свалилась неотложная задача приучить их к

самостоятельности. Им нужно было узнать страх и научиться жить в лесу, полном врагов. На южной стене хижины я приладил для них деревянный ящик с полочкой, где они могли бы укрыться от хищников. Дроздята быстро поняли, что прыжок и взмах крыльями спасает их от трех любопытных медвежат, которым я доверял все, кроме птиц. Неделью дроздята ночевали на каминной полке, но потом перебрались в ящик на дворе.

Загнав медвежат на дерево, я посадил птенцов на сосну, где чуть отставала кора. Они стали смотреть, как я переворачиваю чешуйки и показываю, где прячутся жуки-точильщики, личинки и яйца улиток. После нескольких таких уроков они сами стали переворачивать кусочки коры в лесу и ссориться из-за находок. Когда я посадил их на поваленное дерево и оторвал кусочки мха, они накнулись на разбегающихся муравьев и уховерток. Я понял, что инстинкт, самая великая природная сила, является моим союзником, только тогда, когда дроздята стали обдирать мох на всех поваленных деревьях, стоило мне их туда посадить. Однако для того, чтобы научить их выкапывать червей и улиток во влажной кромке речного берега, потребовалось гораздо больше времени. Они смотрели, как веточка переворачивает кусок коры, и понимали, что нужно ворошить мох клювом. Но, чтобы научиться копать обеими лапками, нужно было терпение, которого не хватало ни у меня, ни у них. Мне пришлось подождать, пока они ужасно проголодаются, показать им жирного червя и закопать его у них на глазах, и только тогда они коготками и клювами сами откопали его. У них на глазах я ворошил звериный помет на охотничьей тропе и показывал, что в нем полно насекомых. Птенцы летели за мной к кустам спеющей малины, черники и шиповника, которые росли по обоим берегам реки. Они кричали и хлопали крыльями, инстинктивно как бы отпугивая таких соперников, как свиристели и танагры. Когда они научились копать, дошло до экспериментов с пучками проса, пшеницы, ржи, тимофеевки и клевера, оттуда при помощи когтей и крыльев можно извлечь вкусные семена.

Однажды я распиливал упавшую ель, мои четыре дрозденка грелись на солнышке на другом бревне, которое я скатил с холма за нашей хижинкой, медвежата спали в ее тени. Опасность я заметил слишком поздно. Болотный лунь, увидев на бревне жирненьких птиц, бесшумно спикировал вниз, схватил одного из моих друзей и так же

стремительно взлетел на вершину ближайшей сосны, унося в когтях свою пищащую жертву. Ее предсмертные крики еще долго звучали у меня в ушах, так же как и песни жаворонков, погибших в огне вместе с родителями этих птенцов и дроздами-отшельниками.

Когда я с криком бросился к бревну, размахивая руками, чтобы вспугнуть трех оставшихся птенцов и заставить их спрятаться в кустах, они по своему обычаю взлетели мне на плечи и зачирикали прямо мне в уши.

Хищники убивали и поедали птиц каждый день. Скрепя сердце я наблюдал это, но все равно поражался непостижимому для меня закону природы, который позволяет одним живым существам убивать других и питаться их плотью. Когда мои медвежата убивали и пожирали животных, я оправдывал это необходимостью контроля за численностью популяции. Но когда погибла моя птичка, я воспринял это как убийство. К этому времени медвежата весили фунтов по пятьдесят, но я знал, что два белоголовых орлана, которые жили на огромной ольхе на левом берегу Отет-Крика, все еще имеют на них виды. Эти огромные птицы с размахом крыльев в восемь футов каждый день ловили не только лососей и форель, но и зайцев, сурков, белок и змей. Каждый день, когда мы отправлялись в обход, они кружили и садились поблизости от медвежат, пока я в конце концов не подшиб самца камнем. После этого они решили поискать менее опасную добычу.

Взрослые медведи в районе озера Такла тратили на кормежку по шесть — восемь часов в день, в зависимости от наличия конкурентов, реальных или воображаемых, от того, насколько богата была их территория и долго ли оставалось до зимней спячки. Оказалось, что на 5–7 милях нашей разнообразной территории, куда входили прибрежная полоса, болото, луг, лесостепь и многие акры леса, мои тройняшки насыщаются за три часа. Когда они начинали прыгать на задних лапах и перебрасывать друг другу какую-нибудь полевку, вместо того чтобы проглотить ее целиком, я понимал, глядя на их округлившиеся животики, что медвежата наелись по крайней мере на сутки. Поскольку никаких объедков с моего скудного стола — стола простого старателя — не оставалось, медвежата скоро поняли, что попрошайничать бесполезно. Поэтому к сентябрю они уже не зависели

от домашней пищи, если не считать одной копченой рыбыны, которую я давал им вечером.

Нашу ежеутреннюю вылазку мы обычно начинали с прогулки вдоль чистого песчаного берега озера Такла. Примерно в полумиле к югу от хижины в озеро стекал ручей с болота, заросшего осокой, рогозом, камышом, какими-то неведомыми мне злаковыми и вьющимися растениями. Болото тоже ощутило на себе действие засухи и ветра чинук, но родники в водосборе озера Такла не иссякли, и речки, хоть и обмелели, но не грозили пересохнуть. Однажды, спугнув на болоте годовалого медведя, возбужденные медвежата заинтересовались, что ему там нужно. Они обнаружили, что он выкапывал луковицы квомаша и растение, похожее на эрроурт, который растет на востоке. С тех пор они всюду, где могли, искали и выкапывали эти лакомства.

Глядя на то, как они прыгали и скакали, перебираясь через болото, я невольно сравнивал их беспрестанное движение с поведением отрешенных выпей, которые простаивали неподвижно целыми часами, наблюдая за возней других животных, даже не переводя взгляд. Когда нахальные медвежата подходили чересчур близко, надеясь заставить птиц взлететь, выпы раздражались яростными воплями, и медвежата, задрав хвосты, с визгом мчались ко мне, ища у меня заступничества.

Миновав болото, мы двигались по старой звериной тропе через густой лес, где в покрытой мхом подстилке, изобиловавшей жизнью, обитали хрустящие-хрустящие жуки и сочные-пресочные личинки. У гребня холма лес редел, там за елями открывался луг шириной с милю, посреди него был студеный родник. На этом лугу мы старались не задерживаться, потому что там не было высоких деревьев на случай, если бы медведь гризли, который оставил там свои следы, вздумал полакомиться медвежонком. Я слышал от индейцев, что такое случается, но только слышал, сам не видел. Я знал, что вопреки распространенному мнению гризли умеет лазить по деревьям не хуже барибалов, но он не доверяет тонким ветвям из-за своего огромного веса. По обилию перьев, раскиданных вокруг, было ясно, что старого гризли привлекает сюда множество глупых, но вкусных лесных куропадок. Эти птицы — разновидность шотландских куропадок — подпускали почти всех зверей, как будто сами напрашивались на истребление. Я возликовал в душе, когда однажды один взъерошенный

петушок повернулся и клюнул Расти в нос, а потом, хлопая крыльями, клопоча и подпрыгивая, погнал Дасти и Скреча вон с луга. Я поспешил увести медвежат прочь, сообразив, что шум нарушит сиесту гризли.

На обратном пути мы обычно обследовали высокую траву и позднюю клюкву в лесостепи, где росли бальзамические тополя, а уже потом выходили на звериную тропу, я называл ее закатной, шедшую вдоль правого берега Отет-Крика. Каждый день перед наступлением сумерек этой тропой шли к озеру олени, снежные бараны, лоси, карибу и волки. Скреч имел обыкновение отставать, замечтавшись о чем-нибудь, и его приходилось подгонять, а Расти попадало за то, что он вырывался вперед. Пока что Дасти была идеальной спутницей, потому что никогда не отходила от меня дальше чем на двадцать футов. На Расти, вызывающе независимого и делового, можно было всецело положиться во время наших обходов. С самого начала он считал своей обязанностью опекать всех нас, а Скреч просто обожал, когда его опекают, да и Дасти полагала, что самостоятельность — это свойство, которого надо старательно избегать, хотя я тратил все больше времени и усилий на этот аспект в воспитании медвежат. Последняя миля обратного пути была для меня самой приятной: медвежата были сыты, хотели домой, и их легко было вести цепочкой по тропе. Тем не менее они частенько наталкивались друг на друга, конечно же, втайне надеясь устроить свалку.

Старый самец цапли, который жил и промышлял в зарослях тростника, окаймлявших скалистый выступ правого берега в полумиле от хижины, перед самым нашим появлением перелетал на левый берег. Несколько раз этот верзила хлопал Расти крылом по морде, но стоило мне подойти на пятьдесят футов, как он улетал прочь. Насколько мне нравилось, как красиво, неторопливо и легко он летал, настолько не нравился его хриплый унылый крик, который его подруге несомненно казался прекрасной музыкой.

Пестрый круг наших соседей включал и небольшую стаю канадских гусей, которые почему-то облюбовали правый песчаный берег Отет-Крика там, где он впадает в озеро. Мне кажется, что чувство собственного достоинства, присущее этим птицам, абсолютно непоколебимо. Если медведей считать демократами в зверином сообществе наших северных лесов, то гуси были истинными аристократами по своей организованности, сдержанности и чувству

клановой гордости. У медвежат хватало интуиции держаться подальше от песчаной отмели, где господствовали гуси.

Гусыни, само тщеславие, чистили перышки и сплетничали, а гусаки вышагивали взад-вперед, как кавалеры перед дамами, хотя брачный сезон и гнездование уже кончились. Стоило какому-нибудь жаворонку или певчему воробью пропеть свою арию с крыши хижины или ближайшей ели, как гуси направлялись к воде и устраивали небольшую регату, как бы напоминая жителям деревьев: «Может, мы и не поем, зато вы не умеете плавать». Взрослые демонстрировали свой снобизм, а гусята в это время, как мне казалось, из озорства, играли в «перепутаницу», потому что, когда мамыши возвращались, на песчаном берегу поднималась суматоха, летели пух и перья, пока вся эта тесная компания выясняла, где чей ребенок, и разбирала своих пуховиков.

Как-то ранним утром на гнездовья прокралась рысь и утащила мамашу большого семейства. Гуси-часовые не сумели отвлечь хищника на себя. Какая-то бессемейная гусыня тут же усыновила сирот и заботилась о них до самого отлета.

Существование у гусей системы часовых еще раз подчеркивает ту глубокую преданность, которая связывает этих доблестных аристократов. Канадский гусь выбирает подругу однажды и на всю жизнь. Если одного из супругов убивают, оставшийся в живых принимает на себя обязанность часового, долг которого заключается в том, чтобы отвлечь на себя и увести прочь охотника, будь то человек или зверь. Часовой обманывает врага, делая вид, что у него сломано крыло, или притворяется медлительным, слабым, бестолковым. Я часто видел, как эти отряды «смертников» сами идут навстречу хищнику в самые критические для стаи минуты, когда грузные птицы отрываются от земли. Часовые всегда отделяются от летящего клина проверить, насколько безопасна местность, а уже потом вожак подает остальным команду спуститься. Понятно, что уровень смертности среди гусей-часовых очень высок.

В окрестностях нашей хижины обитали птицы, питающиеся семенами, — лесные куропатки, фазаны, дубоносы, зяблики. Насекомых истребляли жаворонки, ласточки, оливковые тиранны, иволги, крапивники и множество дятлов. Хищных птиц, кроме ястребов, орлов, сов и зимородков, было мало. Не припомню, чтобы в

лесах Британской Колумбии мне встречался канюк. Сороки, вороны, малиновки, сойки и множество мелких неизвестных мне птиц были всеядными.

В любое время года поблизости от крупных и мелких стад и одиночных копытных держались хищники, пожиравшие крупную добычу, — волки, койоты, пумы. За каждым грызуном — зайцем, бобром, сурком, белкой или кроликом — следовали лиса, рысь, росомаха, барсук, норка, ласка и хищные птицы. Некоторые соседи были крайними индивидуалистами, они жили семейными ассоциациями мусорщиков — еноты, скунсы, выдры, черные медведи и гризли. Когда в августе начинался нерест нерки и чинука, большинство хищников переходило на рыбный стол.

Пожалуй, самым приятным в летней жизни озерного края было полное отсутствие механических звуков. По ночам кричали гуси, ревели лоси, пели волки, блеяли овцы, трещали сверчки, квакали лягушки, ухали и хрипло кричали совы. В ясный день, какое бы время года ни стояло на дворе, от первого луча солнца, когда росистые болота оглашались пением кроншнепов, до прозрачных медлительных северных сумерек, когда сурки пересвистывались со скал, воздух был полон кипучей жизнью и музыкой.

Каждому виду животных нужна была своя, совершенно особая, часто обширная, разнообразная территория, и право на нее горячо оспаривали как представители одного и того же вида, так и разных. Обучая медвежат добывать корм, на их живом примере узнал, насколько велика территория, необходимая одному животному, чтобы прокормиться. Воловья иволга, к примеру, питается исключительно определенным видом гусениц, и чтобы прокормить свое семейство, она каждый день обрабатывает территорию в пятьдесят квадратных миль. Вот почему мы никогда не видели, чтобы иволга долго сидела на одном месте. Она не может позволить себе попусту тратить время, если хочет получить свой изысканный, гурманский обед. В то же время сурок, заяц и пищуха долгими месяцами находят себе пищу буквально в нескольких футах от своего жилья.

Когда я хотел побаловать медвежат, то спускал каноэ в Отет-Крик и плыл с медвежатами к большому лесу на холмах, который принадлежал другой медвежьей семье. С биологической точки зрения он считался спелым лесом, потому что эта местность могла

поддерживать существование только тех животных и той растительности, которые уже там были. В эти экспедиции мне не приходилось звать медвежат дважды. Я еще только начинал спускать лодку на воду — а они уже сидели в ней и одобрительно урчали, выпятив губы. Мы понимали во время этих набегов на чужую территорию, что нам может не поздоровиться, если мы столкнемся с ее законными обитателями. Но как-то утром я по чистой случайности увидел, что во время нашего браконьерского набега наши соседи — медведица и двое медвежат — переплыли реку и хозяйничают в нашей законной зоне как у себя дома. Так уж удачно сложилось, что никто ни разу не попался с поличным и не «потерял лицо». Таким образом, пять медвежат и одна взрослая медведица сумели удовлетворить неодолимую потребность своей натуры — время от времени заниматься воровством!

Начав с этих набегов, мы постепенно перешли к более дальним экспедициям вверх по северо-западному рукаву озера Такла, длиной в шестнадцать миль. Скалы из плотного известняка, крутые обрывы не давали нам причаливать так часто, как мне хотелось бы, но медвежатам очень нравилось просто спокойное плавание по гладкой поверхности вдоль берега озера. Они выкапывали диковинные личинки и корни и переворачивали камни в реке в поисках коридала, на который дома и не взглянули бы. Я тем временем раскапывал «корни радуги» в надежде отыскать крупницы золота, возможно, осевшие в расщелинах скал.

Однажды я пересек озеро в верхнем его конце, где оно сужалось, и поплыл вдоль восточного берега к полуострову, лежащему там, где озеро разделялось на два рукава. Поднялся резкий ветер, и я рискнул отправиться в обратное пятимильное плавание к Отет-Крику только после заката. Во время вынужденной остановки медвежата слезали по желтым скалам к высоким пихтам, которые стеной стояли по обоим берегам полуострова. Устроившись на одной скале, откуда был прекрасный обзор, я долго рассматривал оба рукава и нижний конец озера. Как всегда в поисках золота, платины, бериллия и других ископаемых, я за три следующих дня обследовал устье каждого ручья на протяжении четырнадцати миль и дошел до вытекавшей из озера речки под названием Мидл-Ривер.

Напротив самого устья Отет-Крика, на дальнем берегу северо-восточного рукава мы набрали на добротную хижину из еловых бревен, которая стояла на холме ярдах в сорока от берега. Пристав к берегу, я отправил медведей на дерево, а сам пошел к хижине. Дверь была не заперта. Видно было, что хозяин в этом году побывал здесь. Шкафы были забиты запасом консервов на зиму, а в пристройке за кухней стояла аккуратная поленница дров. Мне сделалось тошно при виде трех дюжин разных стальных капканов и цепей, аккуратными рядами развешанных по стене дровяного сарая.

Я понял, что нет смысла увозить эти орудия пытки на середину озера и топить их там, охотник просто закажет новые.

По-моему, еще никто всерьез не осудил трапперский промысел.

Вырвав листок из записной книжки, я написал несколько строк и от имени медвежат пригласил незнакомого охотника в гости. Глядя на то, как изготовлены его снегоступы, на домотканые одеяла, покрывавшие кровать, лосиные ремни, заменявшие матрац, на предметы его зимнего охотничьего снаряжения и на то, что щели между бревнами были заткнуты тряпьем, я понял, что хозяином был холостой индеец. С завистью оглядев книжную полку, я предположил, что это образованный молодой человек, любитель приключенческих книг, философии и естественной истории. Я мог ждать появления этого человека, промышлявшего трапперством, только в конце ноября, после первого снега.

Из озера Бабин вытекает река Бабин, приток Скины, мощной реки, которая впадает во фьорд, врезающийся в сушу на сто миль выше города Принс-Руперт. А из озера Такла, расположенного на расстоянии неполных двадцати миль от озера Бабин, вытекает река Мидл-Ривер, которая через озера Тремблер и Стьюарт впадает в реку Фрейзер, а та в свою очередь впадает в Тихий океан через пролив Джорджия у Ванкувера. Сеть индейских капканов покрывала территорию между бассейнами этих двух рек.

Зелень лета незаметно сменилась яркой сентябрьской палитрой. Я основательно подготовился к ранней зиме: наколот и сложил у стены хижины дрова, смазал жиром снегоступы, щели между бревнами законопатил мхом и обмазал глиной, как изнутри, так и снаружи, починил ставни, а продукты спрятал в погреб под кухней, утеплив его мхом, чтобы продукты не промерзли. Каждый день я находил все

новые оправдания, чтобы побольше времени проводить с медвежатами. Дело в том, что дрозды, как все береговые птицы, рано улетели, и, глядя на их ящик позади хижины, я все время их вспоминал. Я с тревогой думал, смогут ли они в первый раз найти и преодолеть весь долгий путь до Соноры и Синалоа. Может, именно от того, что я так остро ощущал их отсутствие, я и стремился побольше быть с медвежатами.

Медвежата четко делали различие между двумя мирами — домашним и тем, что лежит за пределами хижины. Они стоически смирились с моими глупыми требованиями — не устраивать в хижине драк, вести себя прилично, не проявлять раздражения и ревности внутри дома. Эти правила должны были предотвратить возможность того, что в один прекрасный день произойдет свалка и от гостинной останутся одни обломки. Я припоминаю случай, едва не кончившийся такой катастрофой, когда Дасти толкнула Скреча и тот опрокинул горшок с опарой, стоявший на низком табурете у кухонной плиты. Тот день был ужасно холодный и дождливый. Едва одолев одну милю, медвежата отказались идти дальше, они практически ничего не ели. Расти и Дасти хотелось свернуться у очага и поспать, но Скреч вздумал поиграть. Чтобы не дошло до беды, я заставил его выйти на короткую прогулку по берегу. Он плясал, валялся по песку и бросал в озеро куски коры. Но не прошло и десяти минут, как он прямоком пустился в дом. Я не успел даже обтереть его большим полотенцем, которое специально держал у двери, как он ворвался в комнату и цапнул Дасти за пятку. Не считаясь с моим требованием не устраивать драк в доме, она выпрямилась и отвесила Скречу такую оплеуху, что он покатился через всю комнату и налетел на горшок с опарой, мгновенно став белым с головы до пят.

Все трое притихли, ожидая, что за словесным взрывом последует физическое воздействие. После принудительного купания в ледяной воде озера Скреч провел остаток дня, забившись в самый темный угол под лавкой.

У Расти любимой игрушкой в доме было старое одеяло, под которым когда-то спали еще не оперившиеся голенькие дроздята. Лежа на спине перед очагом, он любил сворачивать и разворачивать старое вытершееся одеяло, так что я опасался, что он разорвет одеяло в клочья; еще он любил его жевать, кататься на нем или прятать под

кроватью и готов был подраться, когда Дасти и Скреч проявляли хоть малейший интерес к его игрушке. Они научились различать, когда он настроен серьезно, а когда хочет поиграть. После нашей первой ночевки в хижине А-Тас-Ка-Нея Расти стал брать игрушку в постель. Дасти выловила из озера Бабин кусок клена с наплывом. Наверное, он был сладким, потому что во время игры она грызла и лизала твердую как кость деревяшку. С ней она не расставалась в доме. Она никогда не забывала, куда ее положила. Даже во сне, свернувшись в клубочек рядом с Расти, Дасти не выпускала деревяшку из передних лап. Иногда она спала, прижав игрушку к груди. Скреч был в самом низу тотемного столба, в виде которого можно представить иерархию нашего медвежьего общества. У него не было в доме постоянной игрушки, и он отвергал все, что я ему предлагал. Частенько ему изрядно влетало за то, что он слишком близко подбирался к одеялу Расти или деревяшке Дасти.

Все трое медвежат, на мой взгляд, слишком много времени посвящали игрушкам, будь то в вечерние часы, когда мы сидели на холме перед хижинкой и даже небо казалось сонным, или во время ежедневного купания в озере либо в Отет-Крике. Расти целыми часами боролся со старым кофейником и грыз его. Иногда он брал кофейник с собой поплавать и если упускал его на глубину, мчался ко мне и ревел как теленок, пока я не спасал кофейник. К счастью, Дасти и Скреч играли с предметами, которые не тонули. Дасти кувыркалась, боксировала и подкидывала большую еловую шишку, а Скреч делал вид, что стережет обыкновенное полено. Не представляю себе, какой ярлык нашли бы зоологи для этого пристрастия медвежат к игрушкам. По-моему, выбор игрушек был лишен всякой логики и непредсказуем.

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что медвежата получали дополнительную радость от того, что были вместе. Их безграничная жизнерадостность доказывала, что в своей семье они чувствовали себя уверенно. На мой взгляд, игрушки выражали своеобразие и индивидуальность каждого из них. Полено заменяло Скречу сильного Расти, когда того не было рядом, без игрушки Скреч чувствовал бы себя одиноким или отверженным. В доме он любил забраться ко мне на колени и притвориться, что спит; вместо того, чтобы соперничать с двумя другими медвежатами в оригинальности, он притворялся, что не

замечает их проделок, хотя одним прищуренным глазом следил за каждым движением брата и сестры.

Пятнадцатого сентября в овраге позади хижины, в сотне ярдов от Отет-Крика, я наткнулся на богатый выход золотоносного песка. Единственный минус этого дара божьего заключался в том, что овраг был сухой, и мне приходилось тащить песок для промывки к реке, чтобы отделить песчинки золота от пустой породы. Я стал бы, конечно, спорить и доказывать, что у меня не было времени соорудить промывочный лоток, но ни за что не признался бы, что откладывал это, лишь бы проводить больше времени с медвежатами. Им надоело каждый день ходить за мной от места раскопки к реке и обратно, поэтому они чаще всего возились на опушке леса, отрабатывая некоторые комбинации дзюдо и каратэ для троих, а то и четверых борцов. Иногда я не выдерживал, бросал лопату и лоток и присоединялся к их играм. При этом медвежата откладывали личные счета друг с другом и пользовались случаем сквитаться со мной за то, что я не позволяю драться в доме, и вкладывали массу эмоций в каждый нокдаун; все неизбежно кончалось тем, что по вечерам я доставал иголку с ниткой, йод и лейкопластырь. Когда на тебя одновременно с трех разных сторон нападают медведи общим весом в сто восемьдесят пять фунтов, это чуть-чуть многовато для обыкновенного не очень крупного мужчины.

В эту осень медвежата привязывались ко мне все сильнее и сильнее, и одновременно они со все большим интересом приглядывались ко всем мелочам жизни окружавшего нас мира дикой природы. Чудеса этого мира отражались как в зеркале в их поведении, каждый погожий день они так и рвались на прогулку, горели желанием изучить каждый квадратный дюйм окрестностей озера Такла, и этот жгучий интерес только на пятьдесят процентов относился к пище, несъедобные предметы притягивали их не меньше.

По-моему, большие успехи медвежат объяснялись тем, что поблизости не было других людей и никто не отвлекал их от тех простых занятий, которым я их обучал. Поскольку я с самого начала стремился подготовить медвежат к самостоятельной жизни среди дикой природы, я внимательно следил за каждым изменением в их поведении. Стремясь не допустить их одомашнивания, я в то же время опасался вытолкнуть их слишком рано в яростный, жестокий мир, где

им придется бороться за существование с другими медведями. Я сознательно пытался разрешать все проблемы умения находить корм, укрытие, привить им навыки обороны, самоутверждения, игр и отношений друг с другом с точки зрения медвежьих, а не человеческих критериев во всем, кроме правил поведения в доме.

Я видел, что мой замысел осуществлялся успешно, это подтвердилось как-то утром, когда в гниющем болоте мы выкапывали луковицы растения, похожего на эрроурт. Я нарочно не стал поднимать тревогу, когда крупный барибал-двухлетка подкрался к Скречу и ударом головы опрокинул его на спину. Хотя я всей душой ненавижу медвежьи драки, в этот раз я хотел посмотреть, что сделают медвежата в ответ. Расти и Дасти, которых почти не видно было среди тростника, мгновенно поднялись на дыбы, чтобы узнать, почему заорал Скреч. В мгновение ока они оказались рядом с братом и принялись раздавать апперкоты и другие «подарки» старшему медведю, вполне достойно защищая свою честь. Моя троица уже было погнала врага прочь, как вдруг уступила непреодолимой истинно медвежьей склонности обнюхиваться с чужаком. Вообще-то этот агрессор был не так уж плох, по правде говоря, Дасти даже слегка приплясывала перед ним. Двухлетка потянул носом в мою сторону и с ужасом увидел, как я поднял и погладил медвежат. Он сопровождал нас мили четыре, но не подпускал меня ближе чем на шесть футов. Придя домой, я не пустил его внутрь, хотя он и ползал на брюхе и жалобно повизгивал, но я не знал, как поведет себя этот двухлетний двухсотфунтовый медведь, привыкший к лесной жизни, в нашем упорядоченном жилье. Я сделал ошибку, бросив ему лосося, и он еще семь дней каждое утро ходил с нами на промысел.

Играя с этим добродушным молодым медведем, медвежата проявили тактическую сметку и необычайное чувство юмора. Когда этот старший медведь располагался у стенки дома подремать на солнышке, Расти подкрадывался к нему и бил его по носу, этому самому чувствительному месту у медведей. Медведь выпрямлялся, чтобы схватить обидчика, и тут Дасти и Скреч хватали его за поджилки, что вызывало судорогу — медведь бросался вперед и всякий раз валился мордой наземь, когда медвежата проделывали этот трюк. Хотя проказники все время использовали один и тот же прием, медведь никак не понимал, что Расти заманивает его в ловушку. Если

вы сами не видели, как смеются медведи, — мне не описать, как они потешались над этим увальнем.

В начале октября Расти весил восемьдесят фунтов, Дасти семьдесят пять, а коротышка Скреч — около шестидесяти. Почти все, что они съедали, переходило не в жир, а в рост, но аппетит их стал пропадать, они уже не лопали все подряд, как в сентябре. Так природа готовила их к зимней спячке.

Убирая как-то крупные, отполированные ледником валуны с места своих раскопок, я спохватился, что медвежат не видно. Большой медведь не появлялся уже несколько дней. Сначала я подумал, что он, наверное, пришел к хижине и медвежата удрали поиграть с ним. По своей привычке я всякий раз, когда они не вертелись у меня под ногами, отправлялся разбираться, в чем дело. На этот раз они нашлись всего футах в пятидесяти от меня. Став полукругом, обнажив клыки и вздыбив шерсть на загривке, они молча наблюдали, как медленно, напружинившись приближается росомаха, животное, чей необыкновенный ум, удивительная сила, непредсказуемый нрав и настойчивость снискали ему необычайное почтение в наших северных лесах. Росомаха эта была ростом с большую таксу. Нацелившись глазами на глотку Скреча, она медленно приближалась, то вытягивая, то втягивая голову, совсем как челнок ткацкого станка. Она выбирала удобный момент для быстрого и смертельного броска. Похоже, будто медведи понимали, что росомаха умеет лазать по деревьям, и не пытались спастись от нее на ветках. Да и времени на это не было. Расти и Дасти встали вплотную к Скречу, построившись клином в ожидании врага. После схватки с собаками в грязи Топли-Лендинга это было их первое столкновение не на жизнь, а на смерть. Они избрали удачную формацию для обороны, но и росомаха старалась выискать удобную позицию для мгновенного броска, именно такая стратегия дает этим животным преимущество перед добычей. Казалось, сам инстинкт подсказывает медведям, как вести себя с этим убийцей. В последнюю минуту я не выдержал и вмешался, хотя это и было не педагогично; готовясь к прыжку, росомаха выгнула спину дугой, и я ударил ее лопатой, сбив с ног. По-видимому, росомаха или не заметила моего появления, или не обратила на меня внимания. Через полсекунды после моего вмешательства вступил в силу закон севера. Бросившись вперед, как распрямившаяся пружина, медвежата

продемонстрировали тот чудовищный запас силы, скорости и отчаянной ярости, о существовании которых эти звери, кажется, сами не всегда подозревают. Разом вцепившись в мягкое брюхо росوماхи, они разорвали ее в клочья.

Начало зимней спячки

Встреча с росомахой в ущелье произошла, конечно, далеко не случайно. Очевидно, росомаха уже не первый день выслеживала свою добычу, что вполне соответствует обычаям этого хищника. Но все же росомахи крайне редко решаются нападать на медведей, и этот случай тоже служит примером той борьбы не на жизнь, а на смерть, которая начинается во время засухи. Сразу после лесного пожара несколько раз побрызгал дождик, но вообще лето выдалось необыкновенно засушливое. Засуха, продолжающаяся два лета подряд, на севере континентальной части Британской Колумбии наблюдается довольно часто. Но когда после двух бесснежных зим два лета подряд не выпадает дождей, это означает катастрофу, которая влечет за собой переворот в жизни животных и растений, чье существование находится в тесной зависимости друг от друга.

Однажды морозным утром мы с медвежатами совершали обход наших оскудевших угодий, как вдруг они остановились точно вкопанные, к чему-то принюхались, задрав носы к безоблачным небесам, обернулись и поглядели на меня с лукавым выражением. Погода собиралась перемениться. Как всегда бывает перед понижением атмосферного давления, всю ночь напролет тревожно завывали койоты. Сновали в воздухе шумливые птицы, оставшиеся после отлета больших караванов, и, казалось, выкрикивали последние новости. Воздух в то утро был так напоен светом, что тени в лесу позимнему отливали синевой; стояло полное безветрие. Гладь озера была недвижна как стекло. К полудню с запада приплыли длинные, рваные перисто-кучевые облака, предвестники дождевых туч. На закате закапал дождик и лес задышал освежающим ароматом опавшей хвои, который был неощутим в сухую погоду. Запоздалые стаи качурок снизились и остались ночевать на берегу озера; но вместо привычных резких криков, тоскливее которых, говорят, ничего не бывает в природе, эти птицы издавали только тихий посвист, который гармонически сливался с шумом дождя в какую-то дремотную музыку; смешение звуков напоминало приглушенное гудение органных труб среднего регистра. У медвежат явно слипались глаза, но они,

наострив уши, боролись с одолевающей дремотой, видя, что и я прислушиваюсь к непривычным ритмам.

После дождей участок, на котором мы промышляли себе пищу, вдруг совершенно оскудел под влиянием нагрянувшей стужи, и я рискнул отвести медведей в более отдаленные места. Эта попытка привела к неожиданному открытию, из-за которого я с головой окунулся в лихорадочную деятельность, стараясь как можно больше успеть сделать до первого снега. Совершенно случайно в каменной ложбине на дне одного ручейка, впадавшего в озеро в двух милях от моей хижины, я обнаружил золотые самородки; подгоняемые течением, они перекатывались там, точно ружейная дробь. Я сейчас же перенес на это место промысловый лоток.

За час в решете набиралась унция золота; в один прекрасный день, когда я, не разгибая спины, трудился над желобом, подбрасывая лопатой все новые порции донного ила, я стал нечаянным свидетелем маленькой трагедии. Излюбленный тактический прием медвежат заключался в том, чтобы, окружив противника, нанести ему сокрушительный удар. И вот перед ними появился очаровательный, доселе невиданный зверек, который с необыкновенной дерзостью шел прямо на них. Зверек был совершенно черен, если не считать двух белых полос, которые тянулись по его спине от загривка до кончика пушистого хвоста. Я не успел остановить медвежат, в глазах у них загорелся азарт и они уже готовы были приступить ко второй, завершающей фазе привычного маневра — жертва, казалось, сама идет в руки. Но в мгновение ока скунс задрал хвост и, повернувшись к медведям задом, закрылся от них самой эффективной из всех несиловых защитных систем, какие существуют в животном мире. Победенные медвежата жалобно скулили, катались по лесной подстилке и по траве, потом со всех ног бросились к озеру, а скунс тем временем как ни в чем не бывало преспокойно удалился своей дорогой. Двое суток я почти не смыкал глаз, сражаясь с медвежатами, которые стремились залезть в мой спальный мешок. Скунс, бывший прямой наводкой, оставил им такую памятку, против которой оказались бессильны и вода, и мыло, и зола. Все время, пока шерсть медвежат распространяла вокруг них острую, мускусную вонь, они упорно отказывались от пищи. В конце концов мне пришлось потратить всю имевшуюся у меня драгоценную кварту уксуса, чтобы

избавить моих друзей от последнего следа стойких духов, которыми их опрыскал скупс.

Однажды утром вскоре после этого случая я снова ковырялся в ручье, а медвежата беспечно барахтались в голубом иле, как вдруг с дерева спрыгнул взрослый енот и угодил прямо на брюхо ничего не подозревающего Расти. Медвежонок от неожиданности издал какое-то козье бление и смахнул зверька лапой, тот перелетел к Дасти, она в свою очередь поддала ему лапой так, что он, точно мячик, отскочил к Скречу. Вывалявшиеся в грязи медвежата моментально вскочили на ноги и, готовясь к схватке, выстроились треугольником; я испугался, что они разорвут несчастного енота в клочки, прежде чем я подспею на выручку; того гляди, дело могло обернуться еще хуже. Я боялся, как бы, памятуя о внушенном мною правиле, что надо всегда делиться друг с другом, один из медвежат не вздумал швырнуть енота ко мне, а летящего на тебя раздраженного енота поймать нетрудно, зато отцепиться от него потом не легче, чем от разъяренной рыси. А этот хвостатый красавец, сильный молодой самец, был раздражен и разъярен до предела. Когда я прибежал на место происшествия, енот был со всех сторон окружен торжествующими медведями, которые не оставили ему никакой лазейки. Мне показалось, что они с восхищением разглядывают отважного маленького гладиатора, который, несмотря на превосходящие силы и численность противника, зажатый с трех сторон, громко и воинственно огрызался, угрожая принять ответные меры, если медвежата посмеют сунуться к нему с новыми издевательствами. Расти почуял, что я пришел на выручку пленнику, и напоследок так поддал ему лапой, что несчастный енот кубарем покатился в ручей. Могу поклясться, что мою проповедь против жестокого обращения с беззащитными животными эта троица слушала, надменно подняв брови.

Спустя много дней, когда последняя нерка и последняя чавыча кончили метать икру в Отет-Крик, из озера потянулась в ручей радужная форель, чтобы тоже оставить свои икринки на речной гальке под заслоном какого-нибудь валуна. При этом рыбы прилагали большие старания, чтобы не повредить икринок лосося, которые уже находились на дне тех же впадин и воронок. В отличие от остальных лососевых рыб, чавыча и нерка мечут икру только в тех речках, которые впадают во внутренние озера. В течение первого года молодь

остается в озере, и лишь на второй она отправляется вниз по течению в суровые океанские просторы.

Когда начался нерест форели, на левом берегу ручья объявилась годовалая выдра и стала охотиться на этих рыб. Медведи наблюдали за тем, как это удивительное существо, до отвала наевшись форели, вылезает на берег понежиться на солнцепеке. Повизгивая от нетерпения, они упрашивали меня, чтобы я отпустил их сплавать на другой берег, но я не позволял, опасаясь, как бы они не привыкли потом бродяжничать, к тому же было жалко выдру. На следующий день веселая странница показалась на нашем берегу. Медвежата ринулись к ней. Но им не угнаться было за грациозной пловчихой, которая всячески старалась заманить всю троицу в воду.

Вечером выдре вздумалось поплавать в озере во время купания медвежат; я сразу заметил, как они при виде нее прижали уши, а это был верный знак, что они задумали какое-то озорство. В бинокль я наблюдал с крыльца сценку, которая произошла, когда к медвежатам подплыла выдра. Дразня медвежат, выдра крутилась между ними так близко, что, казалось, они ее вот-вот достанут; она оказалась достойным соперником в игре — целый час они ее ловили, но она слишком хорошо плавала, и в конце концов медвежатам надоело за ней гоняться. На следующий день они снова купались на мелководе, но делали вид, что не замечают выдру. Подобно пуделям, тюленям и шимпанзе, выдры не выносят, когда зрители не обращают внимания на их проделки. Забыв об опасности, она слишком близко подплыла к медведям. Выдра, конечно, мечтала о компании веселых приятелей, с которыми можно скатываться по скользкому откосу в воду, затеять возню. А медвежата ее не поняли. Ее заигрывания показались им наглым приставанием. Одним взмахом своей могучей десницы Расти нанес выдре апперкот и переломил бедному зверьку шейные позвонки.

Повеса головы, мучаясь, как я надеялся, искренним раскаянием, медвежата поплелись за мной на пригорок позади сарая, и там я похоронил их несчастную жертву, предварительно содрав с нее ценную шкурку.

Расти, а также его братец и сестрица потеряли всякий страх перед наказанием, потому что я никогда их не наказывал. Виновник трагедии был так пристыжен своим поступком, что весь поник и смотрел на меня с убитым выражением; он вел себя так не потому, что боялся

выволочки, а потому, что страдал от моего неодобрения. Он понял, что я недоволен гибелью выдры, не по жестам или голосу, а по моему строгому и сердитому взгляду. Поскольку его разящий удар был завершением заранее обдуманного плана, мы не могли расценить это происшествие как несчастный случай. Поэтому я решил, чтобы он сперва помучился угрызениями совести, и не спешил его прощать. Очутившись в таком крайне неприятном положении, Расти предпочитал молча страдать от моих неприязненных взглядов, он никогда не заискивал передо мной и не лез с ласками, как это сделали бы на его месте Дасти или Скреч. В октябре мороз прихватил траву на лугах, листья осины и ольхи, поэтому находить корм становилось все труднее. Случались дни, когда мы так поздно возвращались домой, что я не успевал очистить решето на желобе. Как-то раз мы с утра ушли по берегу мили за четыре от дома; углубившись в густые заросли прибрежного кустарника, медведи учуяли своим острым нюхом только что убитого оленя. У оленя было разодрано горло, на спине виднелись следы острых когтей; судя по всему, это была добыча пумы, припрятанная в кустах про запас. Голодные медвежата вцепились в оленью ногу и стали с жадностью рвать с нее мясо; они впервые отведали свежей убоины. Они уже стали достаточно сильны для того, чтобы, оперевшись в тушу оленя одной лапой, другой сдирать шкуру.

Усевшись под пихтой, я наблюдал за медвежатами; вдруг упавший сверху кусочек коры заставил меня поднять голову. Прямо над моей головой с высоты пятидесяти футов за каждым нашим движением следила, махая хвостом, большая пума; зверь нервно царапал когтями по ветке, на которой сидел. Растерявшись от страха, я чуть было не крикнул: «Дерево!». Тут бы всем нам пришел конец — и Расти, и Дасти, и Скречу, да и самому Лесли тоже! — но, по счастью, пума все время просидела на ветке, пока, до отвала наевшись непривычного лакомства, медведи не бросили тушу.

В середине октября я окончательно отложил до будущего года свои попытки зарабатывать на жизнь старательским промыслом. Во-первых, температура воды упала до 38°, во-вторых, почти все светлое время суток, которое составляло теперь десять часов, уходило у нас на такие занятия, как обследование поваленных деревьев, переворачивание камней, прочесывание высохших лугов и откапывание нор, в которых живут грызуны — ведь надо было

показать медвежатам, где можно отыскать пищу в самое голодное время года.

Хорошо, что радужная форель и форель Долли Уорден еще клевала на комара и на искусственную приманку, а в пятидесяти ярдах от устья реки, на глубоком месте, можно было поймать увесистого толстого гольца или чукучана, которые ловились на вислоскрылок.

Медвежата радовались, когда я брал их с собой на рыбную ловлю. Дожидаясь подачи, они колотили лапами по скамейке и даже грызли борта лодки. Наевшись досыта, они плюхались в воду и плыли к берегу. Они обожали кататься в каноэ и глазеть по сторонам, однако, насытившись, предпочитали скорее броситься в холодную воду и проплыть порядочное расстояние до берега, чтобы только не мерзнуть на ветру посреди озера.

К середине октября я успел накопить в запас триста фунтов рыбы. Вскоре же подули сильные ветры, по озеру заходили волны и на воду ежесекундно садились осенние листья.

Начиная с двадцатого октября на целую неделю зарядил снег пополам с дождем. Хотя медвежата прибавили в весе и округлились, они все же не нагуляли достаточно жира, чтобы его хватило на долгую спячку. Даже мелкие животные в районе озера Такла погружались в спячку не раньше ноября, поэтому я не думал, что мои медвежата закончат свою кормежку раньше Дня Благодарения. В первые три дня ненастья почти все время шел дождь, а мокрый снег таял, едва долетев до земли, поэтому мы могли продолжать наши длительные прогулки; но если до заморозков кормежка медведей представлялась мне нелегким делом, то что же говорить о тех трудностях, которые начались после того, как земля покрылась снегом глубиной в два-три фута.

Одевшиеся в густую зимнюю шубу темно-коричневого цвета медвежата представляли собой красивое зрелище на фоне белого снега. В первый раз они ступили на снег с большими предосторожностями, но потом, как дети, полюбили кататься и барахтаться в его белой сыпучей пыли. Из всех троих один только Скреч боялся щекотки, притом до такой степени, что до году не мог даже вылизывать собственные подошвы. Выйдя из теплой хижины за порог, он с полчаса не мог успокоиться, так ему было щекотно на холодном снегу. Чтобы избавиться от этого ощущения, он подскакивал,

как лягушка, или, повиснув на дереве, рычал на Расти и Дасти, чтобы они его подождали.

В основном я был доволен тем, как медвежата, подрастая, сумели приспособиться к окружающей дикой природе. Жизнь для них делилась на три приятных занятия: игру, еду и сон. Я так и не понял, которое из них с медвежьей точки зрения самое важное. С тех пор как выпал снег, рацион медведей стал гораздо однообразнее, зато появилось много новых возможностей для игр и для сна.

Наскучив чтением книг, которых у меня была целая полка, я тратил долгие зимние часы на то, чтобы обдумать свои будущие задачи по части медвежьего воспитания. Мне ничего не оставалось, как только сидеть и ждать, пока в конце марта меня не навеснят Ред-Ферн и хозяин хижины. Я надеялся добыть достаточно золота, чтобы остаться здесь и допестовать медвежат хотя бы до двухлетнего возраста. К этому времени они уже смогут жить самостоятельно. Рано выпавший снег и неутоленный аппетит моих питомцев заставили меня сделать лук, обстругать дюжину прямых ивовых прутьев и смастерить к ним с помощью напильника острые стальные наконечники, чтобы можно было еще недельку-другую подкормить медвежат. Не раз я пожалел о том, что отказался взять предложенное Ред-Ферном ружье, тогда бы мне не пришлось охотиться таким первобытным способом, который претил мне больше ружейной охоты.

Однажды вечером я упражнялся, пуская стрелы в мишень размером в половину оленьей груди, как вдруг меня встревожил вой и лай волков, доносившийся откуда-то с берега озера. Обежав вокруг хижины, я увидел, как шестеро волков рвали горло лосю. Кровь так и хлестала. Даже стоя из двадцати волков никогда не посмела бы напасть, на здорового взрослого лоса, значит, это был подранок, который забрел сюда с озера Бабин или Стюарт, куда на автомобилях приезжали охотники, чтобы уже оттуда отправиться на моторной лодке дальше в глубь лесов, туда, где водится много лосей. Каждый год охромевшие жертвы незадачливых стрелков во множестве разбредались по лесу и неизменно находили там свою смерть. Конец наступал рано или поздно, смотря по тому, сколько времени потребуется волкам, чтобы загнать раненое животное; бегущие лоси истекали кровью и в конце концов падали от изнурения и потери крови. В тот же миг хищники приканчивали свою жертву.

Ред-Ферн однажды сказал, что волки точно по волшебству появляются в этих местах с началом охотничьего сезона. Он утверждал, что гораздо больше дичи погибает ежегодно от ран, чем достается в добычу охотникам.

Я не стал дожидаться, пока волки нажрут или пока живущие по соседству койоты, лисы, медведи, рыси и пумы, а вслед за ними несметное множество мелких хищников придут по кровавому следу, чтобы продолжить пиршество. Заперев визжащих, рычащих и протестующих медвежат в хижине, я захватил с собой пилу и нож-секач и отправился за лосятиной со старым тобогганом, который я недавно привел в порядок. Ирония заключалась в том, что совершившаяся трагедия так кстати избавила меня от необходимости охотиться с помощью лука и стрел. Поражая волков камнями с ближней дистанции, я в несколько приемов с помощью пилы и ножа отрубил от туши пятьсот фунтов мяса. Эти куски я подвесил на ночь к тайнику с припасами, чтобы они там хорошенько заморозились.

Спустя четверо суток остатки туши исчезли; все это время я не выпускал медвежат из хижины, опасаясь нападения ночных хищников, которые в огромном количестве бродили вокруг. На пададь они собираются и днем. Пумы, гризли и волки утратили к ней интерес после того, как были съедены внутренности и большие мускулы. Койоты, лисы, барсуки и рыси сглодали мороженые кости, остальное подобрали черные медведи, норки, хомяки и еноты. Роскошные рога сохатого я подвесил над очагом.

Среди прочих чудес северного леса следует упомянуть о звуках и запахах, которыми он радуется в начале зимы. Время от времени раздаются песенки оляпок и юнгов или бормотание куропаток; но все-таки лес уже не тот, что был до сентября, когда он весь звенел от птичьих голосов; зато зимой стали слышны иные звуки. После первого снега вовсю распелись волки. Чаще стали трубить олени и лоси. Рыжая лисица из молчаливицы превратилась в отъявленную болтушку. Не только звуки животного царства, но и все остальные приобрели зимой новое значение: то с треском обломится под тяжестью снега ветка, то прогрехочет вдалеке лавина. Только зимой я слышал, как журчит вода в водовороте, который образуется при впадении Отет-Крика в озеро. Вот те прерываемые задумчивой тишиной звуки,

которые можно было слышать в зимнем лесу, когда ветер в соснах замирал до тихого шепота.

Однако самым внушительным из всех оркестрантов зимнего леса был ветер. Обрушиваясь метелью, он мчался с воем от Ледовитого океана через Клондайк, готовый заморозить на своем пути случайного путника. Порою от Тихого океана внезапно прорывался на север чинук и растапливал снега. Оба ветра могли ограничиться короткими мелодичными пассажами на закате солнца, либо взреветь среди ночи, громогласно сотрясая воздух, грозя разбоем и душегубством. Знаменитое молчание канадских лесов не наводило на меня тоски, зато ветер не раз вызывал чувство одиночества, и начинало казаться, что я всеми покинутый и забытый изгнанник.

И как бы в дополнение к тем чудесам, которые воспринимаются зрением и слухом, зимний воздух наполнился необыкновенно свежими запахами; северный ветер приносил чистый запах озона, а при теплом чинуке воздух становился солоноватым. Мне казалось, что в зависимости от ветра совершенно разными оттенками благоухала смола и хвоя бальзамовых деревьев. И совершенно исчезли с наступлением морозов запахи болота и сырости, которые раньше стояли вокруг озера и Отет-Крика.

С каждым днем медвежата выказывали все меньше охоты пускаться в дальние прогулки. Побаловавшись немного на снегу, они торопились вернуться в дом и укладывались возле очага. К середине ноября у них пропал всякий аппетит. Медвежата отнюдь не стали толстяками, но так подросли за эту осень, что пришлось подумать о том, где они теперь будут спать. Вчетвером мы уже едва помещались на кровати. Поскольку нельзя было ожидать, что их спячка будет продолжаться всю зиму без перерывов и в любую минуту они могли проснуться, я соорудил в углу подобие конуры, в которой они смогут спокойно спать, сколько им заблагорассудится. Расти и Дасти с одобрением отнеслись к моей затее и сразу же улеглись в своем убежище, в котором я постелил несколько одеял, но Скреч ни за что не хотел уходить с кровати, и мне пришлось ему уступить в надежде, что потом он сам передумает.

Длительность спячки обыкновенно зависит у барибалов от погоды, главным образом от глубины снежного покрова, который затрудняет поиски пищи, а отчасти и передвижение. Иногда они

укладываются спать в сентябре, иногда только в январе, все зависит от погодных условий. Однако во время оттепелей они пробуждаются, чтобы попить воды, хотя пищи не принимают; с такими перерывами спячка у них продолжается примерно до начала апреля.

Расти и Дасти перестали принимать пищу и залегли в спячку восемнадцатого ноября; в этот день на озере начался ледостав, сопровождавшийся грохотом, напоминающим ружейную пальбу. Скреч еще неделю приходил по вечерам посидеть со мной у зажженного очага и без особенного аппетита съедал кусочки лосятины или копченого лосося. Двадцать пятого ноября он сходил на двор, чтобы очистить желудок, и затем заполз в конуру, где спали Расти и Дасти. Они поворчали, приветствуя братца, и все вместе залегли спать уже надолго.

С первого по пятнадцатое декабря я выходил из хижины самое большее на полчаса. Все время с очень небольшими перерывами продолжался снегопад, и длинный красный термометр у двери часто опускался до сорока пяти градусов ниже нуля. Широко распространено мнение, будто при сильном морозе снегопад прекращается. Очевидно, в озерном краю морозы недостаточно сильны!

Регулярно, через день, мне приходилось разгребать сугробы вокруг тайника со съестными припасами, иначе до них добрались бы мелкие животные. Надо было разгребать сугробы перед окнами хижины, иначе в доме стояла такая тьма, что даже при свечке невозможно было читать. Смутный рассвет начинал брезжить из-за густых туч приблизительно в 9 часов 30 минут, а в 14.30 солнце уже садилось. Спасаясь от клаустрофобии, я скидывал снег с крыльца, каждое утро отворял ставни и старался по возможности убирать снег вокруг хижины. Когда снегопад закончился, моя хижина оказалась на дне глубокого снежного колодца, однако труды не пропали даром, хотя бы потому, что я испытал моральное удовлетворение. Скорее ради мотиона, чем по необходимости, я прокопал туннель шириной в десять футов от хижины до берега озера. Пятнадцатого декабря настало такое сияющее утро, что я, не позавтракав, выскочил полюбоваться на сверкающий снежной белизной, украшенный переливающимися на солнце сосульками, чудесный мир громадных сугробов, ярко-синего неба и темнеющих деревьев. В ослепительном сиянии утреннего

солнца, сплошной массив леса распался на отдельные деревья; вследствие преувеличенно резкого контраста света и тени каждое дерево, возвышающееся из своего отдельного сугроба, впервые обособилось и предстало в виде какого-то доброго живого существа. С этих пор во всякое время года, сколько ни смотрел, уже никак не мог за деревьями увидеть леса.

Одинокая человеческая фигура — кстати, очень высокая, стройная и по-кошачьи гибкая — двигалась по замерзшему озеру равномерной скользящей походкой лыжника-индейца. Человек направлялся в сторону моей хижины, и следом за ним на десять футов тянулось облако выдыхаемого пара.

Ларч — житель северных лесов

В бинокль я издалека наблюдал за приближающимся индейцем; лыжи так и мелькали при каждом взмахе ноги. Однако на ледяном ветру невозможно было дожидаться, пока он преодолеет широко раскинувшуюся равнину озера Такла. Я знал, что он промерзнет на ветру, хотя и шел скорым, размашистым шагом, и будет рад, если на берегу его встретит гудящая от жара печь и кружка горячего кофе. По человеческим меркам у меня в доме было холодновато, но стоило хорошенько протопить печь, как медвежата просыпались от спячки, выползали из своей конуры и начинали бестолково слоняться из угла в угол. Они нисколько не обижались, если я нарушал их покой, наоборот, они с радостью лезли обниматься, лизали мне руки, точно это не они, а я так долго где-то пропадал. Они уже знали, что будут вознаграждены за свои ласки, что им почешут шейку и пузо, прежде чем в открытую дверь найдет достаточно зимнего холода, чтобы можно было снова впасть в спячку. Но вот в узком, как щель, туннеле, который вел от озера к хижине, заскрипел снег, и я вышел навстречу индейцу. Среди индейцев Северной Америки племя бобров особенно славится своей красотой, а мой гость, насколько можно было судить с первого взгляда (потому что он с головы до ног был упрятан в парку из волчьего меха, стеганные штаны и надвинутый на глаза капюшон), по-видимому, выделялся своей наружностью даже среди соплеменников. Ноги его, обутые в высокие мокасины, сшитые мехом внутрь, ступали широко и твердо. Он откинул капюшон и снял с лица двойную снежную маску с узкими прорезями для глаз.

— Я — Ларч А-Тас-Ка-Ней. Кажется, ты знаешь моего отца.

Мы сняли длинные, по локоть, рукавицы и пожали друг другу руки.

— Я нашел у себя в хижине твою записку, но не мог прийти, пока хорошенько не замерзло озеро.

Он улыбнулся, и сразу же его приветливое лицо скрылось за облаком пара.

— Заходи, Ларч, и давай знакомиться; будем зимовать рядом, как добрые соседи. Кофе сварен. Ты сегодня уже завтракал?

— Это было давно. А две последние мили пути ветер дразнил меня запахом твоего кофе. Что медведи? Спят?

— Угу. Значит, ты уже и про медведей знаешь?

— Весь Топли-Лендинг до сих пор потешается, вспоминая эту тройцу — Расти, Дасти и Скреча.

— Да уж! Большей частью они спят. Поспят-поспят, проснутся и опять спят. Как там сейчас у них — не знаю. Давай, поглядим!

Приоткрыв тяжелую загородку, я увидел, что медвежата просыпаются, сперва они зевали и потягивались, потом один за другим вылезли и сразу направились к Ларчу. Сначала они не давали ему до себя дотронуться, а поднявшись на задние лапы, обошли незнакомца со всех сторон и внимательно обнюхали, особенно их заинтересовала длинная куртка из волчьего меха. Когда Ларч снял ее и разулся, они принялись изучать его с ног до головы, добродушно урча и как бы обмениваясь со мной и друг с другом какими-то замечаниями. Обаятельная и дружелюбная улыбка, приветливая речь и прекрасное знание животных, редкое даже среди индейцев, завоевали Ларчу симпатии медвежат, и скоро они со всех сторон облепили сидящего у очага гостя и полезли ласкаться, не дав ему спокойно допить кофе. Я рассказал Ларчу, как получилось, что я взял к себе медвежат, и объяснил, что стараюсь их не приручать, а хочу, чтобы они остались дикими и, когда вырастут, смогли жить на воле в естественной для них дикой среде обитания, сохранив в то же время добрую память о человеке, если только изгладится из нее то, что они пережили в начале жизни.

— Теперь индейцы знают, какую ты ставишь себе цель, но если люди убили медведицу на глазах у твоих малышей, они никогда этого не забудут, — убежденно сказал Ларч. — Медведи не глупей человека, только они более скрытны. Любовь и ненависть у них очень избирательны и всегда направлены на конкретную личность, — в последних словах, заключавших в себе невольную параллель с человеческими отношениями, слышалась горечь.

Казалось, Ларч размышляет вслух, и мягкое звучание его голоса напоминало тенистый сумрак под высокими соснами его родных лесов. Трудно было представить себе его в роли охотника-траппера.

— Мне двадцать семь лет, — рассказывал Ларч. — И вот уже восьмую зиму я промышляю ловлей пушных зверей. Подлое занятие.

Я его ненавижу. Мы все надеемся, что когда-нибудь у индейцев Британской Колумбии появится возможность другим способом зарабатывать себе на жизнь в зимнее время. И все-таки мне жаль будет этих дней и ночей среди безлюдья на озере Такла, где так хорошо думается в нерушимой тишине. Боюсь, что в городе я разучился бы как следует думать.

— Скажи, не слышно ли чего-нибудь нового насчет провинциального парка?

— В газетах об этом очень много пишут, но лесопромышленные компании, трапперы, организаторы охот и торговцы спортивным инвентарем противятся этой затее. Компания Гудзонова Залива пока отмалчивается. От ее решения во многом зависит исход дела — сам знаешь, она тут заказывает музыку. Кстати, я бы не хотел, чтобы наши места сделались провинциальным парком, ведь это значит, что появятся дороги, выхлопные газы, мотели и всюду будут валяться банки из-под пива. Другое дело, если бы этот район объявили охотничьим резерватом.

— Скажи, Ларч, давно ли ты здесь и каким путем добирался?

— По железной дороге перевез моторку в Форт-Фрейзер, по Нечако-Ривер спустился до Стьюарта, затем поднялся по Стьюарту в Форт-Сент-Джеймс. Там закупил припасы, переплыл озеро Стьюарт, вышел в Мидл-Ривер, оттуда через озеро Тремблер, затем снова по Мидл-Ривер — и в Таклу. Как раз успел до морозов. Отец и Ред-Ферн тем же маршрутом доставят тебе весной необходимые припасы.

— Послушай, Ларч... — начал я осторожно.

Он почувствовал мою неуверенность и улыбнулся.

— Скажи, где ты учился?

— Наверно, по разговору я не похож на индейца. Родители сперва отправили меня учиться в Вандерхуф, потом в Форт-Принс-Джордж, там я заслужил стипендию и попал в Ванкувер. Ну, а закончив учебу, пошел, как все индейцы, в рабочие на лесоразработки. А так как с ноября по май они закрываются, то мне приходится зимой промышлять трапперством.

Все ладони Ларча были в толстых мозолях, однако на правой руке они были куда больше, чем на левой, и бицепсы правой руки у него тоже были гораздо мощнее, это особенность всех лесорубов, которым приходится орудовать топором и пилой.

Пересказав Ларчу все события, которые случились у нас за лето и осень, я, зная, что он собирается бросать трапперство, спросил, какие же у него планы на будущее. Ответ был неожиданным.

— Индейцу нельзя загадывать далеко вперед, — сказал мне Ларч. — Поэтому я радуюсь прошедшему, а в настоящем стараюсь не попадать в неприятности.

Вот так Ларч рассказывал о себе и о своем народе, а медвежата притулились возле него и так заглядывали ему в глаза, точно старались понять слова, которые произносил его тихий голос. Быть может, это было проявление того шестого чувства, которое будто бы присуще животным и которое подсказывает им, кому можно, а кому нельзя доверять.

— Давай, прогуляемся перед ужином в лес, а назад вернемся по берегу озера. Медведей мы возьмем с собой, им полезно будет поразмяться, пускай ползают по деревьям, — предложил я Ларчу.

Медведи то и дело хватали и глотали снег, но не взяли ни кусочка пищи, которой мы с Ларчем их угощали.

Мы проговорили с ним весь вечер, но больше не подбрасывали в печку дров, и постепенно в хижине установилась температура, при которой медвежата предпочли удалиться для сна в свой закуток возле двери. Я рассказал Ларчу о том страшном бедствии, которое вызвал пожар в окрестностях озера Бабин, но он объяснил мне, что индейцы вовсе не считают лесной пожар такой уж катастрофой.

— Мы знаем, — сказал он, — что много зверей трагически погибает во время пожара, но вспомни, что случилось с твоим дроздом, который угодил в когти болотного луня.

— Что-то не пойму, какая тут связь!

Он с улыбкой похлопал меня по плечу и пояснил сказанное:

— Видишь ли, дружок, пожарище на много лет превращается в динамический участок, порастает травой и кустарником. На травянистом участке может прокормиться гораздо большая популяция, чем на лесной подстилке. Для индейцев, которые промышляют охотой, открытая местность означает изобилие.

Пристально глядя мне в глаза, он переждал некоторое время, чтобы я хорошенько усвоил эту мысль.

Мне пришлось согласиться с Ларчем, что с точки зрения индейца в этом действительно есть известные преимущества. Он настойчиво

повторил, что на бесплодной лесной почве, закрытой от солнечных лучей, не может произрастать того корма, который нужен для существования копытных. Здесь нет городов, которые пострадали бы от половодья; смытая талыми водами почва загрязняет реки ненадолго, скоро течение уносит ее в озеро, и популяции хариуса, лосося и форели восстанавливаются уже через два поколения.

— А лесопромышленники просто переходят на соседний участок. Лесов на севере хватает, — заключил Ларч.

— До чего же я, помнится, в детстве любил смотреть, как взрослые мужчины нашего племени пускали в лесу пал. Это был один из осенних праздников, и я всегда увязывался за отцом в лес. Индейцы пускали пал с умом и никогда не позволяли ему перекинуться на высокостойный лес. С тех пор как индейцам запретили выжигать кустарник, он так густо разросся, что огонь, однажды возникнув, легко перекидывается на большие деревья.

Мне нечего было возразить против вековой мудрости индейцев. Я только спросил:

— А как же птицы?

— На одном акре леса гнездится не больше двух-трех пар. Нам только кажется, что их больше, когда мы слышим пение самцов. На поросших кустарником горях в зависимости от кормовой базы бывает по одному, а то и по несколько гнезд на каждом кусте. Сколько-нибудь серьезная пищевая конкуренция возникает только среди представителей одного и того же вида, поэтому, если на одном кусте имеется три гнезда, все они принадлежат птицам различных видов, которые питаются разным кормом. В лесных и луговых сообществах каждый вид имеет свою строгую специализацию, словно бы творец изначально создал его для совершенно определенных условий существования. Самые сильные, самые быстрые и умные доживают до старости. Тот, кто раньше других устал или ослабел, первым станет жертвой хищника или погибнет от болезни. Очевидно, что то безразличие, с которым Гитчи-Маниту относится к отдельным индивидам, зачастую превратно истолковывается теми, кто за частным случаем не способен разглядеть всеобщего мудрого закона, по которому развивается жизнь.

— Взять хотя бы пищевую цепочку, — развивал Ларч свою мысль. — В условиях северных лесов не может поддерживать свое

существование многочисленная популяция. Насекомые питаются травами. Паук ловит насекомых. Оса парализует ядом паука, чтобы прокормить своих личинок. Оливковый тиранн охотится на ос; сокол охотится на тиранна. Ночной хищник горноста́й подстерегает сокола; росомаха охотится на горноста́я, волк на росомаху, человек на волка; а насекомое является переносчиком болезней, смертельных для человека. Такая сложная цепочка не может существовать под тенистым покровом леса на подстилке из прелых листьев.

— Для того, чтобы в лесном сообществе сохранялось равновесие, — продолжал индеец, — леса должны занимать на земной поверхности очень большую площадь. Лесная почва не промерзает, потому что она защищена слоем лесной подстилки и снега. Лесной покров замедляет таяние снегов и уменьшает весенний сток. Лес служит прибежищем для преследуемых беглецов. Вдобавок он дает человеку помимо древесины еще множество жизненно необходимых вещей, хотя многие из них удовлетворяют не материальные, а духовные потребности, их нельзя выразить цифрами, подытожить в бухгалтерском балансе.

Наша беседа затянулась за полночь, а затем мы отобрали у медвежат лишние одеяла и соорудили для Ларча постель возле очага. Я уговорил его не торопиться с уходом, и он провел у нас половину следующего дня, с тем чтобы, не заходя домой, прямо отсюда отправиться в трехдневный обход своего охотничьего участка — пора было проверить расставленные капканы; Ларчу предстояло пересечь с тобогганом Скалистые горы в районе хребта Хогэм и Оминека и выйти на озеро Первис. Я отдал ему шкуру выдры, и он сказал, что на выручку от нее можно будет закупить припасов на два с лишним месяца. Мы договорились, что в следующий раз отправимся по этому маршруту вдвоем, если только медведи не будут просыпаться от спячки.

Поддерживая в помещении температуру на уровне пятидесяти пяти градусов за исключением тех промежутков времени, когда мне приходилось стряпать — а это случалось два раза в день, — я надеялся удержать медведей в спячке, чтобы можно было от них отлучиться. Когда прогорят последние угли, температура, конечно, опустится до десяти — пятнадцати градусов и мои питомцы спокойно проспят до нашего возвращения. Ларч заверил меня, что по всем индейским

приметам в ближайшие десять дней продержится солнечная и морозная погода.

Мне никогда не забыть, с какой душевной, искренней улыбкой встретил меня на пороге своей хижины Ларч, какими ласковыми, добрыми словами он приветствовал меня по обычаю Бобров; пожалуй, никакой другой народ не знает таких радушных приветствий. «Моя земля дышит свежестью и ароматом, потому что ты пришел!» Или так: «Бог Солнца улыбается ясней, деревья стали зеленее, снег ярче заблистал там, где ступила твоя нога!»

В других краях нашего континента такие слова показались бы преувеличенной лестью, их сочли бы чушью и ерундой, но у Бобров все говорят то, что думают.

Сперва я очень огорчился, что приволок на себе здоровенный кус лосятины, и пожалел о том, что напрасно тащился пять миль по рыхлому снегу, сгибаясь под его тяжестью. Оказалось, что Ларч и сам убил лося, и у него было достаточно мяса для собственного пропитания и для того, чтобы положить приманку в свои капканы. В тайнике для съестных припасов у него висела туша в полтонны весом, однако он меня утешил, что, дескать, моя лосятина лучше, сочнее и жирнее, чем у него. Мы разделили этот кусок, надели на вертел и зажарили на осиновых углях в очаге, где уже жарилась картошка. Жареная картошка показалась мне сказочным лакомством, я давно ее не пробовал, с тех пор как я перевернулся на порогах Отет-Крика и Черный Громила сожрал все мои запасы.

Мы с Ларчем на пару впряглись в тобогган, на котором были сложены наши припасы, снаряжение и спальные мешки, и поволокли его вверх по каньону к бассейну реки Фрейзер, до которого было миль пятнадцать пути. Отроги Скалистых гор начинаются с широкой безымянной седловины, не отмеченной ни на одной карте. Мы направлялись к озеру Первис, которое находится в бассейне реки Маккензи; иначе говоря, чтобы дойти до него, предстояло миль на десять углубиться в область Арктического бассейна. По счастью, Ларч заранее отметил зарубками на деревьях наш путь и проложил некое подобие тропы всюду, кроме тех мест, где стояли его капканы, — там он нарочно уничтожил все следы человека.

За первый день пути мы прошли столько, что до Скалистых гор оставалось не больше одной мили. Мы продвигались так быстро,

потому что почти все капканы на нашем пути были пустые, по-видимому, звери к ним даже и близко не подходили. Из ружья двадцать второго калибра Ларч подстрелил двух рыжих лисиц, горностаю и куницу, шкурки он снял и заморозил, надев их предварительно на ивовые распорки, с тем чтобы весной их можно было разморозить, хорошенько растянуть, очистить и высушить. Вечером мы расчистили себе в снегу площадку у входа в большую пещеру, но скоро нам пришлось оттуда убраться, потому что в пещере, оказывается, жили два медведя-гризли. Мы их, правда, не разбудили, однако разжигать костер рядом с их логовом было опасно, потому что нашими пулями медведя-гризли не остановишь. Отойдя на полмили в сторону, мы нашли у подножия скалы удобное место, защищенное от ветра, устроили загородку из ветвей хемлока и карликовой сосны и разложили костер; его тепло, отраженное скалой, согревало нас всю ночь. Ларч спал крепко, как убитый, а мне не давали покоя мысли о Расти, Дасти и Скрече. Мало того, что у меня ныли все мускулы, а тут еще начали мерещиться разные страхи, от которых мне было не до сна.

Когда мы перевалили через Скалистые горы, Ларч собрал еще шесть шкурок. Я как-то не думал тогда о страданиях, которые пережили эти животные, погибавшие от холода среди физических и душевных мук. Может быть, я не вспоминал об этом потому, что все время приходилось думать, как бы самому не замерзнуть. Подпрыгивая и притопывая то одной, то другой ногой, я исполнял какую-то дикую пляску смерти вокруг блестящего ободранного трупика. Наверное, это жуткое зрелище не производило слишком гнетущего впечатления, потому что пять из шести попавшихся в капканы зверьков успели околеть от холода еще до нашего прихода, и мне не пришлось своими глазами видеть предсмертный ужас во взгляде добываемого животного.

К вечеру поднимался арктический ветер, на нашей широте он принимался дуть около трех часов дня. В озерном крае мы не пользовались механическими средствами для отсчета времени, словно знание точного часа помешало бы нам наслаждаться той жизнью, которую вели наши предки тысячу лет назад. По словам Ларча, температура упала до пятидесяти градусов ниже нуля. Через каждые полчаса мы отдирали сосульки, намерзавшие от нашего дыхания по краям капюшонов. Щелочки на деревянных масках, которыми мы

прикрывали лицо, были такие узкие, что в них нельзя было просунуть и двадцатипятицентовую монету; каждый час они покрывались сплошной ледяной коркой; однако же приходилось терпеть, чтобы не ослепнуть от снега и не обморозить веки. Чтобы сохранять тепло, нужно было оставаться сухим, поэтому мы взяли за правило останавливаться и отдыхать, как только почувствуем, что вспотели. Отсыревшее белье вызывало крайне неприятное ощущение, а в худшем случае это могло кончиться простудой.

На берегу озера Первис мы убрали снег от дверей хижины, которую Ларч несколько лет тому назад отремонтировал, очистил от грызунов и обставил самыми необходимыми вещами. Эту ветхую постройку, без окон и деревянного настила на полу, соорудили старатели в 70-е годы прошлого века во время золотой лихорадки, охватившей тогда всю область от гор Оминек до цепочки озер реки Нейшен. Строитель, видать, хорошо знал свое дело; по словам Ларча, какие бы вокруг ни наметало сугробы (а порой они бывают от семидесяти до ста футов высотой), ни разу не бывало так, чтобы вокруг хижины они поднимались выше, чем до середины стены, включая и тот снег, который скатывался с каменных плиток кровли. Помещение было рассчитано на двенадцать спальных мест, расположенных в два яруса; отапливалось оно шведской печью, которая занимала всю стену напротив входа; печь поглощала огромное количество дров, однако имела то достоинство, что на ней можно было приготовить обед, способный утолить голод наработавшихся на морозе людей. Если умеючи уложить в топке дрова, дать им хорошенько разгореться с приоткрытой заслонкой, а когда они прогорят, подбросить еще порцию дров и закрыть заслонку, чтобы они там горели потихоньку, то эта гигантская печь всю ночь хранила тепло, и к утру оставалось еще довольно жару, чтобы приготовить на завтрак овсянку, пеммикан, лепешки и черный чай.

Наутро мы взобрались на гребень скалистого хребта, расположенного с юго-востока от озера Первис. С высоты перед нами открылся вид на бескрайние просторы, почти в самом центре гигантской заснеженной низины у подножия горы Маунт-Нейшен, темнеющей на горизонте, словно туча, виднелась протянувшаяся на девяносто миль цепочка озер Нейшен. На открытых солнцу местах температура достигала семидесяти градусов выше нуля, а рядом, в

каких-нибудь двадцати футах, под сенью хемлоков, стояла зимняя стужа и температура держалась на минус тридцати. После того как Ларч показал мне все известные золотоносные речки, впадающие в Нейшен-Ривер в ее верховьях, мы стали строить планы, как будем добывать золото, вот только дождемся припасов, которые нам должны доставить весной. Годовалые медвежата без труда найдут себе достаточно корма в бассейне реки Нейшен-Ривер. Этот громадный бассейн занимал пространство в десять тысяч квадратных миль, на нем высились горные пики, здесь можно было увидеть арктическую тундру и сфагновые болота, луга, пересеченные речными каньонами и озерами, встречались тут и березовые саванны, и поросшие густыми лесами горные склоны, и вся эта территория была надежно отгорожена от остального мира, медведь мог прожить тут всю отпущенную ему природой четверть века, ни разу не услышав ни лязга защелкнувшегося капкана, ни ружейного выстрела. Мы с Ларчем обменялись долгим взглядом, который был красноречивее слов.

— Пожалуй, я бы сюда переселился.

— Единственная трудность — это доставка припасов, — сказал Ларч. — Но если ты хочешь, я научу тебя обходиться тем, что дает природа.

Поскольку у нас еще оставались съестные припасы, мы решили еще одну ночь отдохнуть в хижине на берегу озера Первис, прежде чем начать десятимильный подъем по склонам Скалистых гор. Перевалив на западный склон, во время спуска к озеру Такла мы стали часто меняться местами: один тянул тобогган, а другой придерживал его сзади, чтобы он не слишком разгонялся на крутых спусках, не раз попадавшихся нам на протяжении пятнадцатимильного пути по каньону. На голых склонах мы садились на сани и катились, пока не начинало ломить в глазах, как бывает, когда ты впопыхах наглотаешься снегом. По пути нам встречались одни пустые капканы, и мы еще засветло добрались до хижины Ларча на берегу озера Такла.

После рождества дни побежали так быстро, что мы не заметили, как пролетело два месяца и настал март. Почти все время мы проводили вместе. Не знаю, замечали ли медвежата мои отлучки, которые иногда затягивались на неделю, но при моем возвращении они всегда спали и даже ухом не вели. За девять недель почти непрерывной спячки они только два раза вылезали из своего логова: в первый раз

они посидели с Ларчем у очага, во второй только вышли на двор помочиться и сразу вернулись назад. Желудок они очистили еще до начала спячки.

В феврале Ларч только два раза проверял свои капканы, чаще делать обход было незачем: во-первых, он уже отловил почти всю положенную норму пушного зверя, во-вторых, произошла зимняя миграция и почти весь зверь ушел в другие места. По своей лицензии Ларч не имел права ставить капканы в других каньонах, с каждого траппера брали официальную подписку в том, что он не будет охотиться вне пределов закрепленного за ним участка. Раньше из-за браконьеров и нарушения границ чужих участков между трапперами то и дело возникали вооруженные конфликты, которые прекращались только после вмешательства Королевской конной полиции.

Если ветер сдувал снег с поверхности озера, то мы проделывали во льду проруби и ловили радужную форель и форель Долли Уорден на приманку из лосятины, а когда жареная рыба надоедала, в хорошую погоду отправлялись бродить по бесчисленным горам и падям, с двух сторон окружавших нашу долину; вели подсчет возвращающихся назад лосей, вапити, оленей, волков и пум. На горных лугах по склонам Скалистых гор нам попадались стада баранов Далля, пожалуй, самых величественных животных Северной Америки.

— Вон сколько миль мы отмахали по снегу, а каково было бы продирается через подлесок и заросли чертова когтя! — частенько повторял Ларч, вспоминая, как трудно приходится путнику летом в нехоженных канадских лесах. В конце февраля разыгралась такая непогода, что нам пришлось засесть дома, и мы занялись изготовлением мебели и разных «предметов роскоши» для меня и для Ларча; мы мастерили корзины для белья, хлебные доски, подставки для обуви, вручную обрабатывая сухие осиновые и сосновые бревна. Когда уже нечего стало мастерить, мы принялись делать заготовки для будущих надобностей. Стук молотков и рубанков, звон пилы не тревожил медведей. Из всех благ цивилизации мне больше всего не доставало комода; однажды, когда разыгралась метель, мы этим занялись, и пока она не улеглась, все время потратили на удовлетворение этой прихоти. Я обзавелся-таки комодом, который, по меркам дикого севера, оказался совсем недурным образчиком для домашнего обихода. Ларч был знаток не только по части лесных наук,

он был еще и мастером на все руки и умел искусно обращаться с молотком, пилой, рубанком и стамеской.

Увлекательной и приятной работы было гораздо больше, чем времени для ее исполнения.

— Трудолюбие, как и счастье, — продукт культуры, — сказал однажды Ларч.

Однако не всегда мы испытывали благородное влечение к труду. Иногда мы празднично сидели у очага и, созерцая игру пламени, рассуждали о великих тайнах мироздания: например о том, есть ли жизнь после смерти, о предначертаниях судьбы и первородном грехе. Не раз в связи с высказанным кем-нибудь из нас туманным предположением ставился вопрос об очевидных практических преимуществах и вероятном моральном уроне, который ожидает нас, если мы вывезем из Форт-Сент-Джеймса и поселим у себя двух индейских скво, чтобы скорее разделаться с работой, которой почему-то ужасно много скопилось под конец зимовки.

Обругав глубокие снежные заносы, из-за которых Форт-Сент-Джеймс отодвинулся на недостижимое расстояние, и посетовав на мои священные обязательства в отношении трех медведей, мы неизменно кончали тем, что основательно прикладывались к драгоценным запасам черного ямайского рома Мейера, который мы клялись тратить бережливо и потреблять умеренными порциями. На другой день Ларч задавал нам обоим какую-нибудь замысловатую и ненужную работу, и мы что-нибудь мастерили или перелопачивали целые горы снега.

Годовики проснулись

По утрам на деревьях и кустах еще лежал иней, но все же после равноденствия морозные оковы зимы рухнули. При ясной погоде между девятью и десятью часами вечера на небе, словно пьяная радуга, плясали сполохи северного сияния. Разноцветные вспышки обыкновенно сопровождались гудением, как будто работает электрический мотор, иногда этот шум переходил в потрескивание электрических разрядов, которые при поглаживании сыплются в сухую погоду из кошачьей шерсти. Не менее поразительна была полная тишина, которая во время этих небесных феерий охватывала все живое, свидетельствуя о том, что это дивное зрелище должно вызывать у животных либо страх, либо изумление. После северного сияния мороз обыкновенно смягчался и температура поднималась до пяти градусов выше нуля, а при пасмурной погоде вместо снегопада на нас лился дождь.

Во второй половине марта медвежата стали часто шевелиться, ворочаться, скулить и почесываться, однако из логова еще не вылезали. В страстную пятницу Расти вечером выполз из конуры, пять-шесть раз зевнул, уселся на полу возле моего стула и прислонился к моим ногам. Потом он стал тыкаться мордочкой в мою ладонь, прося, чтобы его почесали. Тогда я понял, что он окончательно проснулся. Как же он вырос за это время! На завтра выяснилось, отчего не спалось медвежонку: в субботу с юго-запада налетел чинук и продолжал дуть все пасхальное воскресенье. Началась ранняя оттепель, зазвенела капель, всю ночь с треском обрывались и падали сосульки. Вдалеке с грохотом, похожим на раскаты грома, рушились с утесов Оминки снежные карнизы и ледяные козырьки. Приоткрыв дверцу, я заглянул в медвежью конуру; Дасти и Скрёч заворчали спросонья, еле продирая глаза. Они отказались от приглашения и не вышли посидеть вместе с нами у печи.

Сразу же вслед за оттепелью разразилась пурга, ее принес северный ветер с просторов Ледовитого океана, оттеснив к югу теплые воздушные массы чинука. Громадные клочья густого и студеного тумана два дня, клубясь, носились в воздухе, пока не заморозили все

на своем пути; деревья трескались с силой приглушенных пушечных выстрелов, всевозможные напасти свалились на пробудившееся ото сна лесное зверье. Пока дул чинук, с озера несколько раз доносился протяжный скрежет; но пурга снова сковала треснувший было лед. Ларч заранее предсказал, что на пасху надо ждать перемены погоды, теперь нам нельзя было навещать друг друга, пока не вскрыется озеро.

Озеро по форме напоминало латинскую букву V, а поскольку его южная оконечность была сильно вытянута в длину, то мы с Ларчем, живя на противоположных берегах, могли перебраться через него только двумя способами — либо пешком по льду, либо на лодке. Пускаться в путь, когда озеро вот-вот должно было вскрыться, мы не решались. Ларч не раз говорил мне:

— Как только услышишь, что лед начал ломаться, не пытайся больше переходить. Смерть в ледяной воде наступает медленно, но мучительно и неотвратимо.

Значит, теперь предстояло ждать конца апреля, когда все растает; только тогда можно будет плавать через пятимильное пространство на каноэ.

После семи теплых дней жизнь снова пробудилась на весенней земле. В апреле на южных склонах появились проталины и стали распевать дрозды-отшельники и свиристели, заявлявшие свои права на занятую ими территорию, а по ночам раздавались самые приятные из всех звуков — пение виргинского филина, у которого период гнездования начался еще в феврале; с этими голосами смешивались брачные песни волков и койотов. Пробудились от зимней спячки кузнечики с лягушками и тоже задавали бесконечные концерты, словно стараясь вознаградить себя за долгое молчание. Ларч уверял, что весной они поют меньше, чем летом, и меня просто обманывает слух, привыкший к нерушимому молчанию зимнего леса.

Наконец, помнится, первого мая я сел в каноэ и, помогая себе шестом, поплыл по извилистым полоскам темно-зеленой воды, которые то и дело меняли свои очертания среди тающих айсбергов; в любую минуту льдины могли сомкнуться с такой силой, что раздавили бы утлый челнок с человеком и медведями, либо выбросили бы его из воды на лед. Никогда еще я не чувствовал такой радости, достигнув берега.

— Я тоже собирался завтра плыть к вам! — крикнул еще издали Ларч, подоспевший, чтобы поймать чалку и вытащить нас на берег. — Ред-Ферн с отцом приедут не раньше, чем через десять дней. Слишком много льда скопилось в низовьях. В устье Мидл-Ривер образовался отчаянный затор. А как у тебя с продовольствием?

— Жалкие остатки! Мы погибаем голодной смертью! Вот и приехали подкормиться на твоих хлебах. Чем ты занимался?

— Мездрил шкурки и собирал капканы. Мне нынче повезло, ни один не пропал.

Потерянный капкан означает, что в лесу произошла страшная трагедия, хуже которой не может быть в этом ужасном ремесле.

Медвежата так и липли к Ларчу, а Скреч не ушел от него даже тогда, когда Расти и Дасти отправились искать себе пропитание в каньоне, который начинался за хижинкой Ларча.

— Они у тебя подросли за время спячки, — констатировал Ларч. — Все трое в отличной форме. Теперь у них уже сорок восемь зубов, под стать аппетиту, но сейчас они будут есть мало, за время спячки желудок сжимается, так что они разве что пощиплют травки, погрызут корешков да поглотают кору карликовой сосны. Ты о них не беспокойся. Если у тебя осталась копченая лососина, давай им по полфунта в день.

— Теперь им уже будет не прокормиться на прошлогоднем участке, — сказал я, когда мы отправились в хижину пить кофе с изюмом. Скреч увязался за нами.

— Слушай, Боб! Можно я дам тебе один старинный индейский совет? — спросил Ларч, лукаво подмигивая. — Через месяц ты уже не сможешь ходить целый день за медведями. Так пускай сами ищут себе пропитание. Они будут бродить втроем и возвращаться домой, как собачки. Перестань хлопотать над ними, если хочешь, чтобы они привыкли сами о себе заботиться. Время вашей неразлучной дружбы истекает, так велит природа, и ты лучше не обманывайся на этот счет. Тут уж, черт побери, ничего не поделаешь! Извини, но я должен был тебе это сказать.

— Вот поэтому, Ларч, я и должен принять наконец решение, — ответил я. — У меня всю зиму сидела в мозгах мысль, не отдать ли их в зоопарк в Ванкувер. Если в этих местах не наложат запрет на охоту...

— Всякому дикому зверю плохо будет в клетке, если он родился на свободе. Это ясно как день.

Я понимал, что Ларч прав и рано или поздно мне придется взглянуть в глаза действительности:

— Это-то меня и мучает.

Зима все еще упрямо держалась на северных склонах и там лежал глубокий снежный покров, но льдины на реке быстро таяли, и вода, покрытая белыми комьями, похожими на клочья ваты, быстро уносила их прочь. Горловина озера освободилась от затора, так что Ред-Ферн и А-Тас-Ка-Ней-старший могли появиться со дня на день. Однажды утром я уже собрался идти с медведями в лес на кормежку, как вдруг послышалось тарахтение лодочного мотора. Я кинулся в хижину за биноклем. В длинной лодке типа «Гудзонов залив» сидели трое, я узнал Ларча, его отца и Ред-Ферна. На борту громоздились картонные ящики, это был полугодовой припас.

— Прямо не верится, что это те самые тощие обормоты, которые наделали такой переполох в Топли-Лендинге, — сказал Ред-Ферн во время разгрузки.

— Я уже состарился, Боб, эта хижина мне больше не понадобится, — сказал Питер А-Тас-Ка-Ней, увидав, как мы с Ларчем потрудились над его жилищем. — Можешь оставаться тут со своим лесным народцем. Сегодня ночью мы с сыном поговорили, и он мне все про вас рассказал.

— Я думал, что пробуду здесь с тобой до июля, Боб, — сказал мне Ларч, когда мы перетаскали под крышу все ящики — Но у меня мать захворала. Мне придется уехать с отцом и Ред-Ферном, надо возвращаться в Топли-Лендинг. Припасы для тебя я привезу в октябре, а летом постараюсь как-нибудь наведаться на недельку, если сумею вырваться с лесопилки. Отец говорит, что в Озерном крае сейчас творится полная неразбериха. Я тебе все расскажу, когда увидимся.

Когда я стал расплачиваться с Ред-Ферном за привезенные товары, оказалось, что намытого мною золота едва хватило на то, чтобы заплатить за половину съестных припасов, не говоря уже обо всем прочем.

— Не беспокойся, — сказал мне Ларч. — С пушниной в этом году повезло больше обычного, да еще ты сам добыл выдру... А летом, глядишь, привалит тебе удача.

— Спасибо! И обещаю, что буду больше заниматься промывкой, как только выучу медвежат самостоятельно добывать корм.

Всем и без того было понятно, что я работал спустя рукава из-за того, что у меня много времени отнимали медвежата.

Сперва при мысли, что на том берегу нет больше Ларча, мне было страшно тоскливо. Это был чуткий сын лесов, человек недюжинного ума и необыкновенной для своих лет житейской опытности, я нашел в нем преданного друга и интересного собеседника. Но если здесь устроят заповедник, то он вынужден будет в поисках работы направиться в другие края. Хотя ремесло траппера ему было противно, однако он сам признавался, что любит эти места: и звери, и люди в здешней лесной глуши больше всего были ему по сердцу.

Весь май, не переставая, лили дожди. Но не в пример бурям и ливням ранней весны и осени, которые наводят нестерпимую тоску, теперешнее непрерывное кап-кап-кап не раздражало, потому что ничего иного нельзя ожидать в сезон дождей. Этот звук раздавался денно и нощно, он стал привычным и не мешал мне, потому что пришла пора, когда этот теплый, животворный дождь нужен природе, как необходимое условие грядущего изобилия, предотвращающее засуху и лесные пожары. И мы не прятались от дождя, как, бывало, в осенние дни, а, не обращая на него внимания, отправлялись в лес в поисках пищи. Признаться, от ливней я по возможности старался укрыться, а медведи спокойно продолжали щипать нежные побеги астр и тысячелистника, которые показались на лугах и болотах. Медвежата подросли, но по-прежнему любили играть и резвиться.

Под влиянием дождей граница снегов отступала все выше, кустики карликового кизила покрылись гроздьями белых цветов, днем и ночью в воздухе стоял упоительный аромат горного рододендрона, в день прилета жаворонков на альпийских лугах зацвела сон-трава, а к тому времени, как пробудилась от зимней спячки и показалась на земле между деревьями мелкая лесная живность, повсюду уже цвели орхидеи калипсо и гаултерии. Звездочки додекатеона, белые камнеломки и кипрей выглядывали из каждой расселины и качались на открытых всем ветрам скалах, расположенных выше границы лесов, где уже снова паслись козы со своим молодняком. Радостно было слышать вновь посвист альпийских сурков, которые с самого сентября попрятались в норки, вырытые на вересковых пустошах

среди скал, и проспали до сих пор, а пищухи, которые всю зиму прожили впроголодь, гордо не желая впадать в спячку даже при пятидесятиградусных морозах, на каждый свист сурка презрительно бросали ему в лицо: «Байбак!». Весна вступила в свои права, и все неистово загомонило и засверкало яркими красками.

Убеждая самого себя, что вода еще слишком холодна, чтобы с утра до вечера мокнуть по колено в ручье ради нескольких жалких крупинок золота, я целыми днями ходил по лесу с медведями, которые выбрали себе новый маршрут, охвативший по сравнению с нашими осенними походами втрое большую территорию. После долгой зимней голодовки у них развился чудовищный аппетит. Обходя свою территорию, они усердно трудились, отыскивая полевков, леммингов, побеги папоротника, льюизии оживающей, эрроурута, птичьи яйца и насекомых. Любая падаль, оставленная другими хищниками, была для этой троицы желанной находкой, которую они немедленно поедали; обнаружив брошенную кем-то добычу, они без зазрения совести тотчас же ее присваивали. Несмотря на свою ненасытную прожорливость, медвежата были очень беспечны и на радость другим голодающим оставляли после себя половину добычи нетронутой. Целая стая воронов с клекотом следовала по пятам за медведями, зная, что после них всегда найдется богатая пожива. Мы наблюдали за семейством выдр, которое поселилось среди бревен, оставшихся после половодья на большой песчаной косе Отет-Крика, расположенной примерно в миле от бобровой плотины выше по течению. Такие же расточители, как медведи, выдры день-деньской прилежно ловили рыбу; поймав форель, они откусывали ей голову, выедали печенку, а увесистую тушку бросали на берегу. Эти отбросы, которыми брезговали мотовки выдры, были даром божьим для енотов, медведей, норок, росомех, пеканов и орлов, которые по пятам следовали за выдрами и подъедали остатки с их стола. Мы заметили, что выдры любят завтракать спозаранку, и, стараясь преуспеть в своем ремесле падальщиков, стали наведываться к реке пораньше, чтобы опередить своих почтенных конкурентов.

К середине июня каждый медведей весил около семидесяти килограммов веса. Основу их рациона составляли всевозможные травы, корешки, папоротник-орляк, а в качестве особо лакомых блюд в него входили огромные порции рыбы и падали. При малейшей

возможности медвежата под предводительством отважного Расти вступали — и должен со стыдом покаяться, что это происходило с моего позволения — в ожесточенные схватки с волками, койотами, пумами и одинокими черными медведями, чтобы отбить у них тушу оленя, барана, козы или молодого вапити. Кажется, я внушил им старинное правило: «Не бери того, что другой легко уступает». Похоже было, что эта дружная компания научилась постоять за себя и от голода не погибнет, отстаивая интересы на основе кулачного права — пуская в ход клыки и когти, и только гризли оставался для них, пожалуй, непобедимым соперником. Выиграв очередную стычку в лучших традициях сурового севера, мои медведи усаживались за пиршественный стол в мирном согласии, никогда не нарушавшимся даже рычанием. Если в это время к ним подходил я, то они никогда не отказывались потесниться, позволяя принять участие в общем угощении, особенно притаскивая тушу откуда-нибудь издалека.

Из всех троих особенно изменился Расти. Если во время наших походов я отставал, то он останавливался и ждал, а когда я гладил его по голове, теребил густую шерсть или обнимал за широкую шею, то он норовил лизнуть меня в нос или ткнуться в ладонь. Дасти и Скреч любили понежиться на солнышке с южной стороны нашей хижины. Расти же ходил за мной как привязанный и, словно инспектор, наблюдал за моими занятиями. Что бы я ни делал, он всегда был рядом и всё отмечал одобрительным урчанием. Вечером, когда я садился с книжкой у очага, он укладывался у моих ног. Перед сном у нас всегда начинались препирательства, потому что он по щенячьей привычке все еще воображал, что у нас должен быть общий спальный мешок.

В конце концов я сдался, разломал койку и соорудил гигантское ложе, застелив его одеялами, а сверху водрузил свой спальный мешок, прекрасно понимая, что не могу уступить только Расти. Спать с медведями не составляло никаких неудобств. У них не было никакого запаха — уже спустя час после трапезы, состоявшей из хорошо выдержанной падали, дыхание их было совершенно чистым, а в мехе не водилось ни насекомых, ни клещей, потому что я сам ежедневно их вычесывал. Если не считать того, что перед сном они обыкновенно пытались затевать со мной буйные игры, то в остальном они вели себя идеально и ночью меня не тревожили. Тихонько посапывая, медведи мирно спали до утра; в положенный час они принимались толкать

меня носами, напоминая, что нам пора вставать и нанести визит выдре. Сколько я помню, они ни разу не разбудили меня первыми. Просыпаясь, я каждое утро видел перед собой три пары блестящих жёлто-карих глаз, которые молча и преданно глядели мне в лицо. Собаки виляют хвостом, у медведей была привычка быстро барабанить по полу когтями передних лап. Первым это придумал Расти, остальные тут же подхватили его пример.

Даже во время первой линьки, которая началась в конце июня, когда с них клочьями стала слезать шерсть, они никогда не чесались в кровати. Я вбил в сосновый брусок две дюжины гвоздей, и у меня получился скребок, которым я дважды в день обрабатывал моих безропотных друзей. Пока не отросла новая шерсть, они имели вид лохматых оборотов. Вдобавок к растянувшейся на шесть недель линьке они стали тогда на редкость неуклюжими и неповоротливыми, косолапыми увальнями, у которых то и дело на ходу заплетались ноги, и они все время падали на ровном месте, пока на смену детской побежке у них не появилась солидная медвежья походка. Попадись они тогда на глаза Обществу защиты животных, меня наверняка обвинили бы в плохом обращении с меньшими братьями.

Вспоминая прошлое, я думаю, что тот июнь был самым счастливым временем в нашей жизни. Канадская весна была в самом разгаре, и казалось, что земля не вмещает всё буйство обновленной жизни, кипевшей всюду, куда ни глянь, — и в воздухе, и в воде, и на суше. Правда, москитов, комаров, лосиных вшей и мокрецов в этом году было на редкость мало вследствие морозной зимы, однако все остальные виды размножились в невиданном количестве. Каждый день стадо снежных коз с целой дюжиной резвых козлят, предводительствуемое не козлом, а почтенной прародительницей, проходило мимо нас по берегу озера, а затем удалялось вверх по течению Отет-Крика. Стада вапити, в которых также главенствовали старые самки, тоже начали переселяться со своим потомством на горные пастбища, где ивняк уже покрылся нежными сочными почками. Каждое утро мимо хижины проходили волки с неуклюжими волчатами, лисицы с лисятами, койоты с веселыми щенками и лосихи с длинноногими лосятами, держа путь в охотничьи уголья и на пастбища, раскинувшиеся среди скал, обдуваемых всеми ветрами, и

морен, на которых с тех пор, как растаяли гигантские ледники плейстоцена, выросли альпийские луга.

Клин за клином потянулись на побережье Арктики стаи голубых гусей; описав полукруг, они опускались на отдых и ночевали бок о бок с казарками, облюбовавшими себе на лето песчаную косу в устье Отет-Крика.

Самцы грауса и других куропаток громко хлопали крыльями и призывали курочек в сосновые чащи по берегам Таклы. То и дело налетали сороки и сойки, своим стрекотом нарушая торжественную тишину леса. Уханье выпей всегда раздавалось перед тем, как с грохотом срывалась с гор очередная лавина; казалось, что эти птицы заранее знают, что сейчас должно случиться на скалистых вершинах гор Оминька. В сумерках часто можно было видеть взрослых сов, самых ненасытных птиц Северной Америки; их добычей были зайцы, птицы, летучие мыши и даже мелкие соколы. Видимо, совы страдают от неуголимого голода — поэтому либо едят, либо охотятся. Многие птицы, например, воробьи, пастушки, бекасы, ржанки, плохо летают в лесу; иное дело филин: несмотря на широкий, достигающий шести футов размах крыльев, он удивительно ловко умеет на большой скорости маневрировать среди деревьев. У куропаток началась линька, и они без крайней необходимости редко взлетали с земли, а большей частью передвигались по-гусиному, пешим ходом. Мне всегда жаль было белых куропаток за их пушистые лапки, бедняжки даже летом сверкают на ветке своими белыми пуховыми сапожками.

Весна в тот год выдалась замечательная — ровная, щедрая и полная жизни.

Заняв с самого начала положение лидера в медвежьей троице, Расти исполнял свои обязанности с добросовестностью овчарки, пасущей хозяйское стадо. Во время стычек с другими животными из-за падали Расти сразу спешил на выручку Скречу, чувствуя, что тот — самый слабый в их компании. Если какой-нибудь баран нападал на Дасту, стараясь прогнать ее с тучного весеннего пастбища, Расти вел Скречу в бой. Он пасовал только перед куропатками, выпями да сойками. От их предательских нападений не было защиты, и тогда вступало в действие правило «спасайся, кто может».

Именно в ту весну, когда годовалый Расти не отходил от меня ни на шаг, между нами родилась обоюдная привязанность и полное

взаимопонимание. В то время Дасти и Скреч смотрели на Расти, как на своего прирожденного жоака и защитника, а он сам больше всего дорожил моей дружбой и расположением. Я гнал его от себя, потому что хотел развивать в медведях самостоятельность, а его поведение шло вразрез с моими планами; однако по собственной человеческой слабости я не мог устоять против неустанных, обезоруживающих попыток медведя во что бы то ни стало добиться моей дружбы, к которой я и сам стремился в душе. В конце концов я уступил, и между нами установились отношения взаимной зависимости, чего, наверно, не произошло бы, если бы Ларч А-Тас-Ка-Ней оставался на озере. К первому июля в Расти уже не оставалось ничего щенячьего. И хотя матерым медведем он должен был стать лишь через три года, он уже сейчас сделался моим неутомимым товарищем и вел себя вполне солидно, почти как взрослый. Самая большая радость для него, по-видимому, заключалась в том, чтобы находиться в моем обществе.

Однажды утром медведи отправились принимать необходимые после зимней спячки грязевые ванны; для этого они облюбовали болотце неподалеку от ручья, в котором я работал. Поблизости от этого места было целое поле, заросшее черникой и толокнянкой. Внезапно мы услышали душераздирающие стоны. Подойдя к тому месту, которое всегда казалось мне подозрительным, мы увидели увязшую в трясине молодую лосиху. Из жидкой грязи торчали только ее голова и плечи; животное было уже в полном изнеможении и перестало бороться. Мы с Расти сбегали домой за веревкой. По глазам лосихи было видно, что она отчаялась и покорилась неизбежной гибели. Я набросил ей на шею петлю, а другой конец привязал к дереву, затем вырезал крепкий ивовый шест и приспособил его вместо ворота между деревом и лосихой. Когда скользящая петля затянулась на шее и лосиха почувствовала удушье, она напрягла последние силы. Она брыкалась, стонала и барахталась в болоте, разбрызгивая грязь, а я подтягивал веревку, выбирая слабинку; наконец она одним копытом уперлась в твердую землю. Вновь обретя надежду, заляпанная грязью царственная красавица вырвалась из трясины, фыркнула и, прижав уши, ринулась на меня; разумеется, не в отместку за то, что я спас ей жизнь, а просто потому, что я первым подвернулся, на ком она могла сорвать обиду за свое унижение. Нет ничего более грозного, чем гнев оскорбленного лося. Но я уже загнал медвежат на деревья и заранее

обдумал, как буду обороняться от бешеного взрыва лосиного темперамента. Я принялся бегать вокруг дерева, раздраженная лосиха гонялась за мной, и державшая ее веревка закручивалась вокруг ствола. Лосиха не сообразила, что может повернуть в другую сторону, веревка все укорачивалась и наконец кончилась; беспомощная лосиха со всего размаху наскочила на дерево и так шмякнулась оземь, что я даже испугался, как бы она не сломала шею. В тот же миг ее ярость сменилась отчаянным страхом, и едва я, высунувшись из-за дерева, перерезал веревку, как она вскочила и пустилась наутек, унося на шее вместо ленточки обрывок манильской веревки.

Июнь — прекрасный месяц, когда можно собирать грибы, откапывать и сушить дикий лук и цикорий, корешки одуванчиков. Медведи вдоволь полакомились молодой травкой и наполовину развернувшими свои перья побегами папоротника. Они наелись ивовой коры и, валяясь на брюхе, высасывали сладкий сок из цветков люпина, а под каждой елкой и хемлоком можно было лизать стекавшую по стволу смолу: очевидно, и медвежий желудок требует разнообразной пищи. Я готовил варево из полигонатума и рогоза, мешая их с щавелем и жерушником, пил его сам и угощал медведей. Они с наслаждением вылизывали мою похлебку, но потом закусывали боярышником и кислым муравьиным соком. Я думаю, это было вызвано потребностью нейтрализовать крахмал. По соседству с нами жили две скопы, они были так же расточительны, как выдра, возможно, у них был очень привередливый вкус на рыбные блюда. Я подсчитал, что эта парочка вылавливала от 16 до 24 крупных форелей в день; они уносили добычу в гнездо, рвали ее на куски и кормили своих птенцов. Ошметки, летевшие наземь с их стола, составляли значительную долю в рационе Расти, Дасты и Скреча; скопы очень помогали медведям набирать необходимые калории. Однако несмотря на все обжорство медведей, какой-то внутренний голос предостерегал их от попыток залезть на это дерево. Скопы сумели внушить к себе почтение.

От индейцев, золотоискателей, лесных старожилов я не раз слышал про «медвежьи деревья». Не раз я и сам недоумевал, наблюдая за тем, что проделывают медведи возле некоторых деревьев, расположенных в разных, далеко отстоящих друг от друга местах леса. Распространенное поверье гласит, будто бы такие деревья служат у

медведей своего рода доской объявлений, из которой они узнают местные новости, однако факты говорят за то, что эти «медвежьи деревья» (обыкновенно это были банковы сосны, сосны лямбертиана или сахарные клены) скорее всего заменяют им конфетку; стоит поцарапать когтями кору, как из нее потечет сладкий сок; поэтому каждый медведь стремится заполучить такое дерево в свое владение. Однако не исключена и коммуникативная функция «медвежьих деревьев»; я сам однажды наблюдал, как вели себя возле подобного дерева два матерых медведя. Более крупный из них поднялся на задние лапы, обхватил передними ствол, обнюхал его, полизал, потом пожевал немного и отошел в сторону. Второй был помельче первого, поэтому он дождался своей очереди и вслед за первым проделал те же действия. Мои годовики тоже соблюдали определенный порядок в соответствии с иерархическим положением каждого: первым был Расти, за ним шла Дасти и последним — Скреч.

Совершенно очевидно, что медведь, обнимая дерево, кусая или царапая его кору, оставляет на нем свой запах и отдельные волоски, и все это должно представлять большой интерес для следующих посетителей. Мои годовики непременно по несколько раз мочились возле этих деревьев. Как ни странно, но какова бы ни была численность деревьев данного вида, только одно из них становилось «медвежьим деревом» для всех окрестных барибалов. В нашей местности тоже стояло одно такое дерево, это была засохшая банковая сосна, которую медведи изгрызли и исцарапали задолго до нашего появления, однако даже к этому мертвому, облезлому дереву продолжалось паломничество медведей со всей округи.

В конце концов ведь кошки тоже невесть что вытворяют при виде кошачьей мяты, собаки дуреют, когда им попадается кандырь, да и люди ведут себя очень странно под влиянием целого ряда растений.

Однажды в конце июня я начал потихоньку готовиться к постройке новой коптильни, как вдруг услышал повизгивание и урчание медведей на крыльце. Это обыкновенно означало у них бурный восторг. Я, как всегда, вышел узнать, в чем дело.

Выйдя на крыльцо, я испытал ни с чем не сравнимую радость. Неуклюжие годовалые медвежата, стоя на задних лапах, исполняли настоящую пляску радости, а над головой у нас вились в воздухе красногрудые дрозды.

Наверное, нет ничего странного, что, привыкнув к играм с дроздами, когда те жили у нас в старой картонке, медведи узнали своих друзей и обрадовались встрече. По-видимому, птицы, как и все животные, отличаются друг от друга своим индивидуальным запахом. Иначе я не представляю себе, как могли медведи узнать трех спасенных мною при пожаре и выросших в нашем доме дроздов. Вот уже неделю вокруг нашего дома летало множество дроздов, ни разу не вызвав у медведей ни малейшего интереса, а тут вдруг при появлении именно этих трех птичек они вспомнили прежние дни.

Раздумывая после над этим случаем, я еще раз подивился про себя загадкам памяти и способности птиц ориентироваться в полете, тому инстинкту, который заставил их, преодолев тысячи миль пути, вернуться, подобно некоторым домашним животным, к той руке, которая их взрастила.

Изобильная земля

Наши дрозды стали совсем взрослыми птицами, их было два самца и одна самочка. Поселившись на своей полочке, на которой они жили едва оперившимися птенцами, они вылетали оттуда на волю в поисках будущего супруга или супруги. Даже в пору гнездования трое наших друзей каждый день прилетали на старое место, чтобы погреться на солнышке и поклевать зерен из мисочки, которая их там ждала. А когда уже их потомство слетело с гнезда, то и это новое поколение обосновалось на той же полочке, где всем хватало места, корма и солнечного света. Целая стайка глазастых птичек будила меня на заре, барабана клювами в окно, чтобы я поскорее наполнил их мисочку. Разве мог я обмануть их ожидания!

Единственная серьезная драка случилась у медвежат, когда Дасти захотела отнять у Скреча кладку куропаточьих яиц, которую тот обнаружил в зарослях люпина на дальнем краю верхнего луга. Пока драчуны награждали друг друга тумакami и укусами, Расти съел яички вместе со скорлупой, я даже не успел вмешаться. После пятиминутной потасовки бойцы отряхнулись и принялисьлизывать друг другу раны с таким выражением, точно спрашивая при этом: «Не знаешь ли ты, из-за чего мы передрались?» А мы с Расти сидели посреди луга, дожидаясь, когда можно будет продолжить прерванную прогулку.

Однако медведи упорно продолжали разорять гнезда, и этот грабеж стал для нас яблоком раздора. Чтобы внушить медведям, что все без исключения птицы и гнезда неприкосновенны, я подводил их по очереди к разным гнездам и втолковывал им, как мог, что это — запретная территория. Они ни разу не разорили гнезда, на которое было объявлено табу, но умели находить другие, которых я не знал. Некоторым вещам они выучились шутя. Взять, к примеру, дроздов. В доказательство своей воспитанности и благонравия медведи никогда не трогали даже чужих дроздов. А ведь остальных птиц, кроме тех видов, которые клевали их в детстве, они гоняли. Почему они упрямо продолжали разорять гнезда и ни за что не хотели бросить этой скверной привычки, хорошо зная, как я к ней отношусь, этого я и по сей день не могу объяснить.

В то лето, на втором году жизни, определились отношения медведей с другими животными. Проголодавшись, они втроем отнимали добычу у волков, койотов, пум и у других барибалов, за исключением самок с детенышами. Они вынюхивали тайники, в которые наш дальний сосед, старый медведь-гризли, запрятывал про запас какую-нибудь падаль, но немедленно улепетывали, побросав недоеденные куски, стоило показаться хозяину. Это был сердитый, неуживчивый старик, чей суровый нрав внушал невольное почтение. Должно быть, это было очень интересно — стащить кусок из-под носа невозмутимого маститого старца, тем более что, кроме троих озорников, ни один из обитателей леса не смел нарушить границы его владений. Мои годовики иногда вместе с ним купались и плавали в озере, и никакой особенной вражды между двумя разными видами не было заметно. Дасти доверчиво относилась ко всем животным, обитавшим по соседству, и готова была на брюхе ползать, выказывая дружеские чувства к лисам, куницам и енотам, но все ее попытки неизменно наталкивались на досадное недоверие с их стороны. Расти никогда не пытался пугать и запугивать других зверей. Для годовика он был чересчур серьезен, словно чувствовал, что на нем лежит большая ответственность. Не поддаваясь естественному для его возраста соблазну покатасть любой подвернувшийся предмет, который можно катить, он выполнял обязанности часового или просто садился подле меня и наблюдал, как забавляются Дасти и Скреч. Зато Скреч был прирожденный озорник, при всяком удобном случае он изображал из себя отчаянного забияку и пугал доверчивых дурачков; но стоило только кому-нибудь из наших соседей — рыси, койоту или росомaxe — его раскусить, как он удирал от них, кашляя на бегу, рыча и скаля зубы, и взбирался на ближайшую высокую сосну.

Как-то раз мы только что расположились в черничнике, как вдруг откуда ни возьмись появился чужой годовалый медведь. Это был настоящий крепыш, но видя, что Расти спокойно отнесся к его появлению и не начал злобно лязгать зубами, я решил не вмешиваться и посмотреть, что будет дальше. Пришелец принялся подталкивать моих медведей, валялся по земле, скулил, урчал, но, как ни лез из кожи, никак не мог расшевелить Расти, Дасти и Скреча, они остались равнодушны ко всем его выходкам. Со скучающим видом они глядели на проделки этого простачка и зевали, точно подростки во время

церковной службы. Наконец Расти поднялся, повернул нос в сторону дома, что служило для всех нас знаком следовать за ним, и повел нас назад, не дав закончить кормежку. Чужой медведь шел за мной по пятам, пока мы не приблизились ярдов на сто к нашему дому; тут Расти остановился, обернулся назад и бросил на пришельца такой выразительный взгляд, что тот сразу понял намек хозяина и дунул прочь во все лопатки. Когда я в последний раз обернулся посмотреть ему вслед, он все еще улепetyвал галопом, вздымая на скаку тучи мелких камешков.

Была у медведей привычка ввязываться в различные истории, которые заведомо не могли для них кончиться добром, и зачастую они совали свой нос туда, где наверняка можно было ожидать неприятных сюрпризов. Они никак не могли взять в толк, что дикобраза никакими уловками не перехитришь, и все снова и снова пытались отыгаться за прежние неудачи. И только одно животное из наших соседей сумело убедить медведей в их окончательном и бесповоротном поражении — это был скунс. Да еще старый одинокий горный баран, живший среди голых скал выше верхнего луга, он отличался такой осторожностью, что, несмотря на все старания, им так и не удалось ни разу незаметно к нему приблизиться. В остальных баранах медведи не нашли достойных противников, при виде медведей у этих животных начисто пропадало чувство юмора. Жил еще поблизости трехпалый полярный дятел, который часами долбил сухое дерево на другом берегу Отет-Крика. Медведи терпеть не могли этого однообразного стука и, словно находясь под каким-то бесовским наваждением, они снова и снова переплывали речку, всякий раз забывая о том, что, намокнув после купания, все равно не смогут взобраться на гладкий облезлый ствол. Поэтому им так и не удалось исполнить свое намерение и прогнать дятла.

В отличие от других медведей эти трое обожали ласкаться и обниматься. Например, они любили, когда я брал их за морду и встряхивал, этот жест заменял нам рукопожатие. Одна беда, что радостные приветствия должны были в их понимании сопровождаться соответствующими любезностями с их стороны. Я уже не в состоянии был бороться и боксировать с медведями и вообще разделять их бурные игры, потому что я давно уже был им не пара по весовой

категории. А рисковать травмой в условиях, когда раньше осени ждать помощи было неоткуда, было чересчур опасно.

Дверь нашей хижины запиралась на деревянную щеколду, которая входила в скобу, приделанную к косяку. Изнутри и снаружи дверь открывалась при помощи круглого деревянного рычага. Однажды мне пришло в голову, что если я научу медведей обращаться со щеколдой, мне уже не придется так часто из-за них вскакивать. На глазах у Дасти и Скреча я показал Расти, как открывается дверь изнутри и снаружи. Он чуть ли не с первого раза выучился открывать щеколду, хватая рычаг зубами. Двое других тут же переняли у него это умение. С тех пор они стали ходить в дверь самостоятельно, но, сколько я ни старался, мне так и не удалось приучить их хотя бы затворять ее за собою, не говоря уже о том, чтобы запирать на щеколду.

Прошел июль, а от Ларча не было ни слуху, ни духу; как видно, он не мог вырваться с работы. По счастью, я исхитрился отвести часть Отет-Крика в другое русло и мог теперь перекопать его обнажившееся дно до скального ложа и тем самым пропустить через решето гораздо большее количество песка и ила. За месяц я намыл столько золота, что мог купить припасов на два года. Отец Ларча советовал мне это с самого начала, но я подумал тогда, что такая работа не по плечу одному человеку; на деле оказалось, что с ней вполне можно справиться.

Первого августа к нам прилетел гидроплан; сделав круг над хижинкой, он опустился на озеро и подплыл к берегу. Хозяином самолета был Дэн Йегер; он обслуживал дальние лесные трассы. Мы познакомились два года тому назад, когда я мыл золото на притоках Льярда в Северо-Западных территориях Канады.

— Слышал я про тебя, Боб, что ты завел у себя целое стадо медведей, — сказал мне пилот, когда я помогал ему закреплять стропами самолет, чтобы его не снесло случайным порывом ветра.

— Значит, ты побывал в Топли-Лендинге? А какими судьбами тебя сюда занесло, Дэн?

— Вожу комиссию. В парламенте идут жаркие споры о том, быть ли тут охотничьему заказнику или провинциальному парку.

— Надо же! Только бы не передумали!

— Согласен. Но оппозиция крепнет день ото дня. Они говорят, что если здесь устроить парк, его все равно никто не будет посещать.

А сейчас, мол, эта территория используется гораздо лучше благодаря трапперству, добыче полезных ископаемых и лесозаготовкам.

— А умные головы в правительстве слушают и верят этой ерунде!

— Они всегда верят тому, чему им прикажет верить самое мощное лобби, не заботясь о том, что было бы в конечном счете полезнее для страны.

Тут вдруг медведи решили к нам присоединиться и вышли на берег озера. Ощетинив шерсть от носа до хвоста, они медленно и осторожно обошли вокруг Дэна на четвереньках, внимательно его обнюхивая, а потом, к его ужасу, встали на задние лапы и принялись изучать его фуражку, затылок и плечи. Уверившись наконец, что его можно считать за друга, они поплелись обследовать самолет.

— Уж я-то знаю, как заводить дружбу с медведями! — сказал Дэн, пошарил в кабине самолета и вытащил оттуда кулек с карамельками. У меня сердце сжалось, но было уже поздно. Этого невинного жеста я больше всего и боялся. Медведь никогда не забывает предательства и никогда не забывает сладкого угощения. С этого дня мои медвежата будут приставать ко всем без разбору, ожидая в награду конфетку. И все будет хорошо, пока они не нарвутся на негодяя, который в каждом медведе видит только шкуру для украшения своего жилья.

Мне все время казалось, что Дэн прилетел, чтобы сообщить мне что-то важное, но почему-то не решается; поэтому я уговорил его заночевать в моей хижине. Медведи не отходили от него ни на шаг, но в доме они привыкли вести себя благовоспитанно и никому не мешать.

— Как дела в Топли-Лендинге? — спросил я у Дэна, когда мы сели пить кофе с лепешками.

— Да вот из-за этого-то я и хотел тебя повидать, Боб. У Ларча Атас-Ка-Нея неприятности. Он горячо отстаивал будущий парк. И лесопромышленная компания его уволила. Охотники и трапперы хотят выжить его из здешних мест. На рудниках он тоже занесен в черные списки. Сейчас он уехал в Викторию, встречается и беседует с членами парламента, чтобы обеспечить голоса во время предстоящей сессии. Забрал до копейки все, что наскребли для него отец и другой индеец, которого зовут Ред-Ферн. Ред-Ферн тоже попал в немилость у хозяев лесопромышленной компании, с тех пор как стало известно, что он помогает Ларчу. Среди чилкотинов и Бобров начались раздоры. Ни дать, ни взять — осиное гнездо. Одни говорят, что если будет у них

парк, то они больше заработают за счет приезжих чичако. Другие считают, что выгодней по-прежнему заниматься охотой и пушным промыслом или работать на лесопилке.

— Дэн, у меня набралось золота на тысячу долларов. Ты не мог бы по дороге завезти его Ред-Ферну?

— Конечно, могу. Но Ларчу и его друзьям потребуется гораздо больше денег, если они хотят чего-то добиться. Они еще не знают, чью сторону возьмет Компания Гудзонова Залива. Знаешь, что задумал старик А-Тас-Ка-Ней? Он говорит, что в Отет-Крике очень много золота. Он хочет приехать сюда с десятком других индейцев и за август вычистить Отет-Крик до доньшка. Но, конечно, если ты не будешь против. Он говорит, что ты можешь пожить до первого сентября на той стороне озера в хижине Ларча. Тогда у индейцев будет достаточно денег, чтобы продержаться зиму и снарядить еще несколько человек в Викторию в помощь Ларчу. Если ты согласен, я завтра же начну их перевозить.

Я достал кофейную банку, доверху набитую золотом, помог Дэну приготовить самолет к отправке и сказал, что завтра же с утра переберусь жить на другой берег озера.

На другой день к вечеру приплыли на моторке Ред-Ферн и А-Тас-Ка-Ней-старший. Дэн Йегер в три приема доставил остальных двенадцать человек, а затем в течение двух дней перебросил их припасы и оборудование. Кажется, все это время он совсем не спал.

Прошлой зимой Ларч рассказывал мне о другом ручье, примерно в одной миле от его хижины, в котором, по-видимому, водится золотишко. Приучив медведей к новому участку, где им предстояло кормиться, я, не откладывая, принялся копать и промывать песок. Я работал от зари до зари, но добыча оказалась не ахти как велика. Медведи вели себя так, словно понимали, что сейчас у нас настал трудный момент. Целый месяц они от меня не отходили. Раз в неделю Ред-Ферн и Питер переправлялись через озеро, чтобы проведать нас и рассказать, как идут дела на том берегу.

Однажды в конце августа (точной даты не помню, потому что во время своей лесной жизни я хоть и вел прилежно дневник, но порой сбивался в числах) на озеро сел большой двухмоторный гидроплан, подрулил к берегу и причалил возле хижины Ларча. Это был правительственный самолет. Я в это время копался на «прииске», и

когда с медведями подошел к хижине, то нас там уже ждали Ларч, два члена парламента, три представителя Департамента земель и лесов и два высоких чина из Королевской конной полиции Канады. Узнав Ларча, медведи на радостях чуть не ободрали его догола. Через несколько минут приплыли на моторке Ред-Ферн и Питер. Вручив Ларчу золото, я объяснил членам комиссии, что мы работаем не покладая рук, чтобы помочь нашему другу, который отстаивает в Виктории благородную идею. На членов комиссии медвежья компания произвела далеко не самое благоприятное впечатление, но все-таки они согласились, что было бы очень хорошо устроить здесь охотничий заповедник, а еще лучше эта местность, богатая красивыми ландшафтами и дикими животными, может быть использована в качестве провинциального парка.

— Мне кажется, вы всех убедили, мистер А-Тас-Ка-Ней, — объявил тот, кто по-видимому, был руководителем группы. — Не пора ли нам уносить ноги, пока медведи, чем черт не шутит, не проголодались?

Я очень гордился своими воспитанниками, которые с царственным достоинством расхаживали в толпе людей, спокойно позволяя гладить себя и чинно принимая угощения. Никто из них ни разу не оцетинился, не рыкнул, и лишь когда Ларч садился в самолет, его провожали горестные вопли медведей.

— Держись, Боб, и не унывай, — сказал Ларч, пожимая мне на прощание руку. — Я вернусь, как только мы добьемся победы. Ты не представляешь себе, сколько народу нам еще предстоит уговорить.

А еще через неделю Ред-Ферн начал понемногу развозить по домам индейцев на своей моторке. Спустя много времени я узнал, что Дэн Йегер потерпел аварию при взлете и его самолет упал в Льярд неподалеку от Форт-Симпсона. Тело Дэна так и не нашли.

— Остатки наших запасов мы сложили в твой тайник, — сказал мне Ред-Ферн на прощание. — В октябре мы вернемся и привезем тебе припасы, на этот раз у тебя уже за все заплачено. Задуманная нами операция прошла очень успешно, но теперь там пусто и для тебя ничего не осталось.

— Как у вас дела с работой? — спросил я.

— Меня берут на службу в Агентство по делам индейцев в Вандерхуфе, но совершенно неизвестно, что ждет наших людей и их

семьи. Эту задачу нам еще предстоит решить.

Из-за медведей мне пришлось дважды съездить в каноэ туда и обратно, чтобы переправить через озеро все наше имущество, но они так умильно кланчили, что я брал их с собой. Таким образом мне пришлось поднатужиться, чтобы проплыть пятнадцать миль, везя в дополнение к поклаже еще добрых триста килограммов живого медвежьего веса. Впрочем, Ред-Ферн предлагал нас перевезти, но я отказался от его помощи, зная, что у него есть дела поважнее, за которые он должен будет безотлагательно взяться, проделав неблизкий путь. Какое смешное зрелище мы, наверно, представляли! Впереди сидели друг за дружкой три медведя-годовика и, вцепившись когтями в борта, выглядывали из каноэ, в то время как гребец на корме, человек отнюдь не богатырского сложения, несмотря на полное безветрие, выбивался из сил, чтобы только сдвинуть с места тяжелую лодку.

К первому сентября я уже просто физически был не в состоянии поспевать за медведями во время их ежедневных походов, дальность которых увеличилась с приближением зимы. Как-то утром, пройдя по лесу около четырех миль, медведи остановились, и, как мне показалось, посоветовались. Затем Расти подошел ко мне. Я сидел на поваленном дереве и все никак не мог отдышаться. Вот и наступил момент, предсказанный Ларчем. Медвежата к тому времени не раз успели на деле доказать, что в моей защите они, слава богу, совершенно не нуждаются, поэтому я отпустил их пастись одних, зная, что Расти такой вожак, на которого вполне можно положиться. Впервые я на собственном опыте узнал, какие чувства испытывают скопа, филин или орел, когда им приходится выпихнуть из гнезда родного сыночка или любимую дочурку.

Весь день у меня перед глазами роились ужасные картины, пока на закате не воротились из лесу медведи. Видно было, что они устали, но животы у них круглились от съеденной падали. По следам засохшей пены на мордах я догадался, что они без меня пошалили и победокурили всласть. Несмотря на усталость, они стащили меня с крыльца и повалили на высохшую лужайку перед хижинкой. Они так нежно меня покусывали, облизывали и обнимали, будто мы не видались целую неделю. Когда меня стали трепать за бороду, я возмутился и во весь голос и крикнул запрещающее «Нет!». Они отвязались от меня и стали гонять друг за дружкой, вскарабкались на

самый высокий хемлок, пулей съехали вниз и опять притрусили ко мне. Я все еще сидел на траве, и тут они, ухмыляясь от уха до уха, все вместе навалились на меня, так что я был погребен под ворчащей горой мохнатой шерсти.

Обыкновенно такова была участь Скреча: когда устраивалась «куча мала», он неизменно оказывался в самом низу. В этом не было ничего страшного, пока медвежата весили по двадцать килограммов, но к концу лета они так прибавили в весе, что Скреч не мог уже выдержать двойной тяжести, и если Расти и Дасти наваливались на него, то для совершенно задавленного, шипящего и отплевывающегося Скреча это кончалось рвотой.

На другой день медведи снова ушли пастись без меня, и вечером я отправился их встречать на берег озера. Дойдя до черничника, я решил подняться в гору до нижнего луга, а оттуда, сделав круг, вернуться по звериной тропе к хижине. Я полагал, что медведи скорее всего выберут для возвращения эту привычную дорогу. Я уже миновал луг и вступил в лес, как вдруг странные взвизгивания и рычание заставили меня насторожиться и свернуть в заросли ивняка, окружавшие болото. Я осторожно подкрался на шум и увидел, что медведи выясняют отношения с парочкой барсуков, которые, очевидно, чем-то им насолили. Не успел Скреч размахнуться, чтобы одним ударом уложить на лопатки обоих противников, как мощные челюсти защелкнулись на его передней лапе с силой стального капкана. Поднялась суматоха, Расти с Дасти бросились вдогонку за барсучихой, которая юркнула в скрытую под валуном нору. Вместо того, чтобы прийти на выручку Скречу, другие двое принялись рыть землю, чтобы вытащить из норы беглянку. Поднявшись на задние лапы и на всякий случай отставив подальше переднюю с повисшим на ней извивающимся барсуком, Скреч вертелся на одном месте и отчаянно вопил, вызывая о помощи. Тут уж я вмешался и отдул барсука палкой. Тот, увидав, что снова оказался один против превосходящих сил противника, отцепился от медведя, шлепнулся наземь и улизнул в кусты. Дома Скреч жалобно тряс передо мной окровавленной лапой, и мы еще долго парили ее в соленой воде.

В двух милях от хижины я нашел в низовьях озера место, где среди ледниковых отложений имелась довольно богатая золотая россыпь, и каждое утро медведи провожали меня на работу. Перед тем

как расстаться до вечера, происходил ритуал прощания, который начинался лишь после того, как я приступлю к работе. Убедившись, что звать меня напрасно, и толком не понимая, в чем дело, медведи начинали кружить вокруг меня, вставали на задние лапы, издавая звуки, напоминающие ослиный рев. Это значило, что они голодны; торопливо обняв меня напоследок, они не спеша уходили, отправляясь в дальние каньоны, на луга и ягодники, трогательно оглядываясь на ходу, в надежде, что я, может быть, все-таки передумаю и пойду с ними вместе.

Наверное, многим косолапый медведь кажется забавным зверем, а его поведение дурашливым, но дело-то в том, что смешные ухватки этого зверя вполне соответствуют его характеру. Из всех обитателей леса медведь самое миролюбивое существо и всем своим поведением опровергает широко распространенное представление о нем как о свирепом звере. Медведь — самое крупное животное североамериканских лесов, он ходит вразвалку, ступая по земле всей своей мягкой подошвой, поэтому если вас разделяет с ним акр покрытого сухими листьями и валежником пространства, он может подкрасться так неслышно, что вы не заметите его, пока он не усядется рядом с вами. Медведи живут настоящим днем и вкладывают в него все свое жизнелюбие; зачастую они бывают большими юмористами, и в этом качестве с ними никто не может сравниться, кроме человека. Медведь любит шутки и розыгрыши, но очень важная его особенность заключается в том, что он, подобно собакам и обезьянам, не любит попадать в глупое положение и никому, кроме своих сородичей, не прощает насмешек. Известно немало примеров, когда, казалось бы, добродушный медведь наказывал шутника.

Если исключить пристрастие моих годовиков к падали, они были самыми чистоплотными из всех диких зверей, каких я когда-либо знал. Первой их заботой было как можно чаще валяться по земле. Это помогало им избавляться от блох, клещей и вшей, которых они могли подхватить от наших соседей. А как следует повалявшись в пыли или в грязи, они шли купаться, и в воде погибали все оставшиеся паразиты. Кроме самых холодных дней осени, медведи непременно хоть раз в день купались в озере или в речке, а после купания уже не валялись по земле, а залезали на дерево и, растянувшись на ветке, сушили на ветру свою шкуру, которая благодаря этому всегда была чистой и пышной.

В западной части Британской Колумбии встречается белая форма черного медведя, называемая медведем Кермода; эти звери настолько чистоплотны, что каждый день специально занимаются чисткой своих белых от природы когтей!

Очень многие спрашивали меня, как мне удалось привить послушание этим рожденным на воле животным, в особенности на втором году жизни. Должен на это категорически заявить, что я никогда не задавался такой целью, я добивался не послушания, а добровольного сотрудничества, основанного на понимании моих требований. Мои медведи всегда вели себя как следует в помещении, потому что были приучены к этому с младых ногтей; однажды усвоив правила поведения, они уже никогда не пытались их нарушить, понимая, что я этого не потерплю. Характер и поведение медведей отличались надежностью и постоянством, потому что они с раннего детства знали, что я жду от них проявления этих врожденных свойств. Надежность и положительность в отношениях со мной и друг с другом вошли у них в привычку. Так уж случилось, что от Расти, рожденного на воле, дикого медведя, я узнал, что некоторые понятия передаются без помощи слов или символов.

Мои медведи всегда отличались храбростью. У них были свои фобии, случались приступы страха, доходившие до нелепых галлюцинаций, но я никогда не позволял себе над ними смеяться, с тех пор как узнал, что они на это обижаются. Когда сойки поняли, что могут обратить медведей в паническое бегство, пикируя на них целой стайей с воздуха и клюя толстые медвежьи ляжки, эти птицы пристрастились к своей жестокой забаве и не раз загоняли медведей своими нападениями в дом или чащу леса; тогда я перестал подкармливать соек. В молодости я много бродил по пустынным горам Соноры и Нижней Калифорнии; во время этих странствий я всегда брал с собой альпеншток на случай встреч со змеями. Я так привык к альпенштоку, что не отказался от этой привычки в Скалистых Горах, в Британской Колумбии и Альберте. Не знаю уж почему, но мои медвежата возненавидели палку лютой ненавистью. Иногда они вдруг пугались во время прогулки, залезали на дерево и часами просиживали наверху, спасаясь от палки. Я пытался доказать им безобидность моего посоха, но они только кусали его и отмахивались лапами. Если я оставлял палку в углу хижины, вся троица старалась обходить ее

подальше; одним словом, медвежата вели себя так, как ведут себя не однажды битые звери. Раньше у меня была собака; когда ей хотелось погулять, она сама приносила мне в зубах мою трость; медведи вели себя совершенно иначе. По какой-то неведомой причине они раз и навсегда невзлюбили палку.

Еще они не любили грома, но этот страх имел свое оправдание. Во второе лето нашей совместной жизни неподалеку от нашей хижины дважды на их глазах ударяла молния. С большой пихты на голову медведям посыпалась кора, сорванная разбушевавшейся стихией. Медведи не пострадали, но ужасно перетрусили и с ревом бросились в бегство, с тех пор они отсиживались во время грозы в доме, забившись куда-нибудь в темный угол. При вспышке молнии они взвизгивали, но в промежутках между раскатами грома наружу высывались три любопытные мордочки, поглядеть, где сверкнет ли новая вспышка.

Когда мы с медведями грабили пчел (а это происходило всякий раз, как они обнаруживали пчелиное дупло), медведи на моих глазах пожирали пчел тысячами; признаться, я даже опасался, как бы в нашей округе после такого урона не перевелись все пчелы. Но в то же время, встретясь на лугу с одиночной пчелой, медведи вели себя точно кисейные барышни и пускались наутек. В детстве их никто не выучил ошетиживать шерсть и мазать медом самые уязвимые места — носы и кожу на ступнях, чтобы защитить их от пчелиных укусов. Им приходилось на собственном плачевном опыте постигать все премудрости лесных наук.

В начале октября приехал Ларч и привез мне припасы. Медведи сразу же узнали его, едва он ступил на сушу, и устроили ему горячую встречу по-медвежьи, основательно намяв бока своему любимцу. Со стороны могло показаться, что на человека напали свирепые хищники и он неминуемо будет растерзан.

Ларч заметно осунулся, и выражение лица у него было невеселое и суровое.

— Как поживает твое семейство, Ларч? — спросил я по дороге к хижине.

— У меня умерла мать. Поэтому я и возвратился из Виктории в Топли-Лендинг. Отец тоже плох; похоже, что он не переживет зиму. Чилкотины требуют, чтобы мы с ним убирались подобру-поздорову, иначе они грозятся нас убить.

— А как насчет провинциального парка?

— Все идет к тому, что не сегодня-завтра, эти места объявят заповедником, но, по всей вероятности, в нынешнем сезоне парламент еще не решится принять постановление о создании провинциального парка. Так уж заведено у политиков: они отложат рассмотрение этого вопроса до следующей сессии, чтобы за время летних каникул улеглись страсти. Иногда обсуждение откладывается до самой зимы. Пока решено в качестве временной меры наложить запрет на охоту. Побывав тут, они осмотрели и оценили обстановку. Уж они-то знают свою выгоду. Мне кажется, мы можем спокойно надеяться на удачный исход.

— А что сам ты собираешься делать, Ларч?

В темной глубине его печальных глаз мелькнуло какое-то непонятное выражение, которого я в то время не мог себе объяснить.

У Дасти появляется ухажер

Ларч был уже не тем веселым и беспечным жителем лесов, каким я его знал год назад. Рассказывая о сопротивлении лесопромышленников, он сказал:

— Владельцы лесопилок со слезой в голосе говорят о переспелой древесине, которую якобы надо спасать. Никакой переспелой древесины на свете не бывает, это пустое слово из тарабарского языка коммерции. Об индейском населении Топли-Лендинга он говорил с горечью и разочарованием. Он знал, что если бы среди индейцев царило согласие по поводу будущего провинциального парка, то лесопромышленники и владельцы рудников никогда не решились бы увольнять местных работников и нанимать вместо них приезжих; эти новые рабочие вербовались не только из числа Бобров; на смену уволенным привезли индейцев племени китамагов из Форт-Принс-Руперта и квакиутлей из Белла-Кулы, говорящих на языке группы сэлиш и устраивающих тайные радения. Кругом вовсю идут потлачи; но индейцы секани, сарси, чилкотины и бабины, то есть все, кто принадлежит к группе Бобров, получили предостережение туда не соваться. Талтаны и каска еще не решили, с какой из враждующих группировок им выкурить трубку мира.

На мои настойчивые расспросы о том, как обстоят дела у него самого, Ларч наконец ответил:

— Я подал прошение в Департамент земель и лесов, чтобы меня приняли на работу в Лесной патруль. Я истратил почти все свои деньги.

Ларч прожил с нами неделю, все это время мы занимались перевозкой его имущества в мою хижину, так как он не собирался зимовать на озере Такла. Однажды во время обратного рейса, когда мы доплыли до самого глубокого места, он решительно побросал в воду всю свою трапперскую снасть. На этот раз, перед тем как нам отчалить, Расти и Скреч тоже попросились в лодку. Дасти только проводила нас к воде, но в лодку не полезла. Когда мы отчалили, она повернула назад и скрылась в лесу.

— Знаешь, я наблюдал за Дастей, — сказал мне Ларч на середине озера. — У нее есть ухажер, с которым она встречается на звериной тропе.

— Пустяки! — возразил я. — Черные медведи достигают зрелости в четыре года, а самки до трех лет не спариваются.

— Эге! — воскликнул Ларч. — Ты, видно, не знаешь, что на втором году самки начинают присматривать себе подходящего холостяка, это бывает за год или за два до спаривания. Так что не удивляйся, если малютка Дастей вдруг сбежит от вас! Яблоко от яблони недалеко падает.

— Теперь я буду заранее огорчаться, — сказал я, — хотя сам же именно этого желал для всех троих медведей. Я так и думал, что с тех пор, как они самостоятельно находят себе корм, их привязанность ко мне должна ослабнуть. А инстинкт продолжения рода окончательно разрушит нашу дружную семейку.

— Может случиться, что она приведет своего избранника к тебе в дом. Ты, наверно, слышал, что медведи иногда живут колониями.

Было тепло, но в воздухе уже чувствовалась осенняя свежесть. В компании Расти и Скреча я отправился к хребту Хогэм, и мы поднялись на склоны Скалистых гор, откуда открывался далекий вид на озера Первис и Четло. Осина, сумахи, тополя, дерен, береза и клены, тронутые первыми заморозками, оделись в яркий осенний наряд. Наверху перевала медведи откопали зарытую тушу снежного барана, припрятанную, очевидно, местным гурманом-гризли, на чей привередливый вкус она показалась недостаточно «выдержанной».

— Будем надеяться, что хозяин не объявится как раз в ту минуту, когда они будут уплетать самые лакомые кусочки, — заметил с улыбкой Ларч.

Едва он проговорил эти слова, как в то же мгновение, еще прежде чем я успел добавить, что лучший способ разозлить гризли — это разорить его тайник с припасами, откуда ни возьмись примчался огромный серебристый самец гризли и остановился в шести метрах от Расти и Скреча. Бесстрашно, с поистине царственным достоинством, он выпрямился на задних лапах и с высоты двухметрового роста оглядел свои владения, в пределы которых нагло вторглись двое желторотых чичако. Ярость распалила старика до белого каления, и вот повелитель здешних мест оглушительно заревел во всю мощь

своих легких. Мои годовики и раньше, бывало, встречались с представителями племени гризли и знали, чего стоит одна увесистая затрещина старого ворчуна; поэтому они, не задумываясь о том, чтобы сохранить свое мужское достоинство, дунули прочь и очутились на дереве, прежде чем смолкли громовые раскаты его рева.

Вопреки распространенному убеждению, гризли вполне способен взобраться на дерево, но он не полез за ними, а только поворчал снизу на обидчиков.

Медведь-гризли сметет все на своем пути как ураган, но только в ответ на враждебные действия; мелкие же обиды скорее всего стерпит. Как и все медведи, чаще всего не агрессивен. Но в схватке показывает себя более свирепым бойцом, чем кодиак — или большой бурый медведь, живущий на Аляске и являющийся его ближайшим, но не таким крупным родственником. Весящий от трехсот до пятисот килограммов гризли способен легко тащить тушу вапити в четверть тонны весом. Но только самая тщательная охрана может спасти от вымирания это великолепное животное. В безлесной среде его обитания он представляет слишком удобную мишень для мощных, дальнобойных ружей с оптическим прицелом.

Мы с Ларчем спрятались и только из укрытия наблюдали, как гризли, изгнав Расти и Скреча, вернулся и снова закопал барана. Иначе он, чего доброго, мог решить, что и мы были причастны к ограблению его кладовой. Все еще ворча что-то себе под нос, испытанный старый боец бросил предостерегающий прощальный взгляд на дерево, где сидели наши годовики, и с суровым, недоверчивым, но, как ни странно, застенчивым выражением поплелся на выступ скалы. Усевшись на троне, выточенном из камня древним ледником, он мог обозревать все подступы к своим владениям по обе стороны горного хребта — не признавая союзников, он ни с кем не делил власти.

Домой мы вернулись после захода солнца, Дасти поджидала нашего возвращения, сидя на крыльце. Ее застенчивый поклонник не показывался на глаза. Она тотчас же двинулась в сторону леса, оглядываясь на ходу; затем вернулась и еще раз повторила тот же маневр, таким способом она давала нам понять, что проголодалась и зовет всех сопровождать ей в ночной кормежке. Мы проводили ее немного вдоль берега, но пройдя милю, повернули назад. Расти ушел с сестрицей, а Скреч пошел с Ларчем и со мною домой. По-видимому,

медведи решили использовать оставшиеся три-четыре осенних недели для жировки и будут уходить на всю ночь до рассвета. Скречу это не понравилось, но еще меньше его привлекала перспектива шататься по лесу днем в полном одиночестве. Через два дня он тоже присоединился к брату и сестре. Сперва я очень скучал по вечерам в пустой хижине, однако знал, что хочешь-не хочешь, а надо привыкать. Медведи с удовольствием высыпались днем на сухой подстилке из опавшей хвои, выбрав место на солнечной стороне двора, и, казалось, совершенно забыли, что в доме у них есть роскошное ложе.

В конце недели мой непоседливый друг Ларч нагрузил лодку и, попрощавшись в своем красноречивом стиле, отправился в путь по взбудораженному ветром озеру. Над головой трубили свою вековую песню тысячи канадских гусей, улетающих в дальний полет из северных стран к теплым лагунам далекой Мексики. Еще медлили с отлетом красногрудые дрозды. Прошедшее лето выдалось для них на редкость удачным — они смогли вырастить потомство с самыми незначительными потерями, виновниками которых были совы и болотные луны. Соседняя семья потеряла весь выводок, который сожрала ласка.

Благодаря тому, что этот год был урожайным на всяческих личинок, червей, муравьев и жуков, наши дрозды отъелись и были в хорошей спортивной форме для предстоящего дальнего перелета. Вместо трех потрепанных и чуть живых пичужек, переживших лесной пожар, у нас в этот год выросло пятнадцать удальцов, лихих чемпионов по ловле насекомых, которые улетят зимовать на южные склоны Сьерра Мадре дель Окциденте или на Сан-Педро-Мартин.

Однажды в полдень, когда после ночного промысла медведи вернулись домой, мне впервые удалось мельком взглянуть на жениха нашей Дасти; на этот раз он проводил ее до опушки возле нашей хижины. У него была блестящая шерсть оттенка корицы. Расти и Скреч, очевидно, приняли его в свою компанию, так как он каждый день присоединялся к ним по пути. Наверно, он дремал в лесу, поджидая их прихода. Я мысленно прозвал его Спуки (***) призрак), потому что его никак не удавалось разглядеть.

Медведи из своих странствий возвращались, когда им вздумается, поэтому Спуки, медведь-призрак, успевал исчезнуть в чаще кустарника раньше, чем мне удавалось расслышать шаги моих

косолапых приятелей — хоть я и просматривал, вооружившись биноклем, окружающий ландшафт дюйм за дюймом — все было напрасно. Надеюсь побольше разузнать о новичке, изо дня в день провожал медведей, когда они уходили в свои ночные странствия, полагая, что у них должно быть какое-то привычное место встречи, но влюбленный призрак ни разу не попался мне на глаза. Однако я был уверен, что новый знакомец сопровождает моих медведей каждый день.

Кончились теплые дни бабьего лета, октябрь принес похолодание, подули ветры, начались ночные заморозки, и тут на медведей что-то нашло — они стали ходить за мной по пятам; они вообще отличались тем, что время от времени на них нападала какая-нибудь неожиданная прихоть. Я в это время ловил на спиннинг лососей в ручьях, впадающих в Отет-Крик, потом коптил свой улов, а медведи ластились ко мне, выпрашивая рыбы головы и потроха, но больше всего им, кажется, просто хотелось привлечь к себе внимание. Они были в хорошей физической форме и гораздо лучше подготовлены к зимней спячке, чем в прошлом году. В солнечную погоду я любил посидеть на дворе, укрывшись от ветра за хижинкой, и всегда у меня на коленях покоились три лохматых головы, от их тяжести у меня даже затекали ноги. По ночам медведи по-прежнему жировали, но эти прогулки стали короче, и уже под утро они возвращались домой. До захода солнца медведи оставались поблизости от дома. Расти, вернувшись на рассвете, залезал в постель и нежился в тепле, пока солнце не растопит выпавший за ночь иней.

У меня дни проходили в сплошных хозяйственных хлопотах. Вода стала слишком холодная, чтобы целый день топтаться в реке у желоба, поэтому в дневное время я пилил сухостойные деревья, колот дрова и складывал их затем под навес. Будущая зима не обещала удачливой охоты, потому что все лоси и вапити откочевали в другие места еще до начала охотничьего сезона, и мне надо было запасти фунтов двести копченой форели и лосося. Несмотря на то что Ларч оставил мне свое ружье, я не собирался отстреливать дичь, разве только нечаянно попадется навстречу раненое животное. Ягод уродилось так мало, что нечего было и думать о том, чтобы набрать достаточное количество для сушки, но Ларч словно предвидел это заранее, и благодаря ему в моей кладовке лежал большой запас чернослива, инжира, сушеных

персиков и изюма. Ларч проявил гораздо больше благоразумия и предусмотрительности при закупке припасов, чем я, и гораздо правильное составил мой рацион, добавив даже кое-какие лакомства.

Согласно моему дневнику утром двадцать пятого октября я впервые увидел вблизи жениха нашей Дасти. Это был великолепный четырехлесток весом около двухсот килограммов, с шубой, так же как и у Дасти, коричневого оттенка. Его излишнюю толщину можно было отнести на счет жировых отложений, необходимых на время зимней спячки. Масть канадского черного медведя имеет различные оттенки: встречаются особи коричневого, золотистого, бежевого и темно-бурого цвета. Однако настоящего черного барибала я ещё не встречал. Разглядывая призрачного поклонника Дасти, который стоял рядом с ней на тропинке ярдах в пятидесяти от хижины, я был поражен его ушами — они были величиной с бейсбольную перчатку и находились они в непрерывном движении, как будто медведь все время прислушивался к тому, что делается вокруг. Минут пять оба медведя с серьезным видом трясли головами и, урча, о чем-то переговаривались, потом встали на дыбы и положили лапы друг другу на плечи; постояв в этой позе секунд десять, Дасти потрусила к хижине, а ее жених, которому я дал кличку Спуки, сошел с тропинки и скрылся в густом кустарнике.

Следующие два дня Дасти изо всех сил старалась вовлечь пугливого Спуки в нашу компанию. Однажды после ужина я сидел на кровати, где лежали Расти и Скреч. Открыв дверь, Дасти остановилась на пороге и ворчанием что-то втолковывала своему поклоннику. В открытую дверь тянуло пронзительным холодом. Наконец Дасти отчаялась и присоединилась к нашему обществу; у нее было такое выражение, словно бы она, махнув рукой, сказала: «А ну его, дурня!» Спуки осторожно взошел по ступенькам, остановился за порогом и просунул в дверь любопытный нос, принюхиваясь к воздуху, пропитанному человеческим духом. Дасти, Скреч и я молча ждали, что будет дальше, но Расти не был расположен делить свои богатства, ласку и теплый кров с чужаком, который притащился за Дасти. Он угрожающе заворчал, и робкий Спуки стремглав бросился прочь, чтобы скрыться в лесу.

На другой день ветер стих, и все три медведя вылезли вместе со мной погреться на солнышке с южной стороны хижины. Не прошло и

четверти часа, как из лесу вышел Спуки и раз шесть прошелся взад и вперед вдоль опушки в трех метрах от того места, где мы сидели. Расти и Скреч скулили и клацали зубами при виде великолепного зверя, который медленно прохаживался перед нами, а Дасти сидела, делая вид, будто ее это не касается, и притворялась, что ничего не видит и не слышит. На все попытки огромного медведя привлечь ее внимание она даже ухом не вела, и только ноздри ее едва заметно раздувались. Мои годовики умели понимать друг друга по самым незаметным знакам. Внезапно Дасти вскочила и, зарывчав, кинулась на Спуки, укусила и такхватила беднягу когтями, что тот поспешно ретировался в лесную чащу. Сама же, как ни в чем не бывало, снова улеглась у моих ног и захрапела. Наверное, она была просто не в настроении принимать поклонника. Молодые медведи очень обидчивы и ревнивы; но быстро прощают, не держа зла на своих сородичей.

Множество примет указывало на то, что зима предстоит поздняя, но суровая; по крайней мере, так следовало со слов местных старожилов, если верить их «надежным приметам». Ларч уверял меня, что индейцы из племени бобров обожают всяческие знамения, предвещающие грядущие события. Они с жадностью внимают легендам или рассказам о сверхъестественных явлениях, не веря в них ни одному слову. Однако трудно отмахнуться от древних поверий, особенно когда за приметами не надо далеко ходить, они встречаются тебя сразу за порогом дома. Разве не впечатляющее зрелище представляет собой миграция устремляющегося к югу оленьего стада, когда вереница из пятидесяти вапити проходит перед твоими глазами по берегу озера и все они как один на ходу пережевывают жвачку! Именно так ведут себя вапити в преддверии суровых зим, по крайней мере, если верить рассказам старожилов. Несмотря на то, что вокруг солнца и луны наблюдалось гало, а на небе появлялись перистокучевые облака, вслед за этим не пошли дожди, и в октябре не ударили «черные морозы», а это бесспорно предвещало суровую зиму. В самом конце октября показались цикады и сверчки и среди бела дня заводили свои песни (впрочем, тут-то незадачливые музыканты и попадались на зуб медведям); это явление, по мнению талтанских шаманов, тоже было неопровержимым предвестием грядущих катаклизмов. Дятлы откладывали на зиму необычайно обильные запасы, белки отгрызали с деревьев зеленые шишки и сооружали из них трехметровые кучи.

Сурки и золотые земляные белки в середине сентября уже залегли в спячку. Старожилы усматривали в этом вещее знамение. Ведь нынче рано улетели все водоплавающие, кроме качурки — не так ли? А почему, спрашивается, все лишайники, так называемая каменная плесень, так рано усохли? Отчего не трубили лоси во время осеннего гона? Как могло случиться, что в северных лесах в эту пору было тихо? Это предвещает великие бедствия, не иначе! Казалось бы, все эти наблюдения хотя бы отчасти должны были что-то значить. Но, как ни странно, записанные мною приметы (а я с увлечением собирал их и в течение ряда лет) ни разу не оправдались, ничего необычного за ними не следовало. Профессиональные метеорологи, с которыми я обсуждал народные приметы, подтверждают, растения и животные не могут предсказывать погоду — жара, холод, засуха, дожди, их длительность — по ним не узнаешь.

Первый снегопад длился целые сутки, но сразу же вслед за ним наступило потепление, и снег растаял, а сухая почва впитала воду. Затем последовал ряд теплых дней, и медведи с удовольствием резвились и катались по земле во время наших прогулок по чистому сухому пляжу и по притихшим альпийским лугам. Однажды, проделав около трех миль пути и взобравшись на ближнюю гору, я присел под скалой отдохнуть, по бокам от меня расположились Расти и Скреч. В конце октября медведи стали мало интересоваться пищей, они так разленились, что только изредка перехватывали какой-нибудь лакомый кусочек. Мы поглядывали сверху на Дасти, которая не спеша возвращалась назад, пересекая участок высокогорной тундры, поросший сфагновым мхом и черникой. Вдруг, откуда ни возьмись, появился Спуки; последовала короткая схватка. Когда мы решили пуститься в обратный путь, Дасти и ее кавалер были на четверть мили впереди нас и все время, пока мы шли, сохраняли эту дистанцию. Я никогда еще не встречал такого робкого медведя, как Спуки, он отличался не только робостью; он был добродушен, как хомяк. Меня он не подпускал к себе ближе пятнадцати метров, но, конечно, не знал, что я могу хорошенько разглядеть его в бинокль. Наблюдая, как он аккуратно ест, как нежно облизывает морду Дасти, как осторожно кладет ей на плечи свои лапы, как сам обеими лапами закрывается от ее грубоватых заигрываний, и, видя, как разительно он отличается

всеми своими повадками от бесшабашной Дасти, я порой испытывал к бедняге сильную жалость.

Однажды я во всей красе увидел плоды моего воспитания. Спуки притащил на полянку возле хижины тушу козленка, чтобы угостить свою ненаглядную избранницу. Едва годовики почуяли запах сырого, свежего мяса, как вскочили и стали подбираться к Спуки, стоявшему во весь рост и держа в зубах козленка. Трое разбойников, шествуя вразвалку, с самым безразличным видом приблизились к нему на расстояние двух метров и, точно по команде, дружно прыгнули, всем своим весом в триста килограммов ударяя его прямо в грудь. Хоть он и был старше, сильнее, но они его ошеломили; Спуки разинул пасть, добыча из нее выпала, а сам он упал и покатился по склону прямо в ледяную воду Отет-Крика, дружная же семейка тем временем разделила козленка на троих.

Когда медведи разделались с козлятиной до последней косточки, Дасти подхватила ошметочек белой шкурки и отнесла его несчастному Спуки, который, дрожа от холода, вылизывал на берегу свою мокрую шкуру. Когда она приблизилась и бросила перед ним белый лоскуток, он протянул свою огромную лапу, повозил подношение по земле, а потом обернулся к Дасти и лизнул ее в лоб.

В борьбе за жизнь моя троица опиралась как в наступательных, так и в оборонительных действиях на принцип взаимопомощи. Настала поздняя осень; черника, нежные побеги травы и сочные стебли исчезли, и тогда мои медведи, благодаря своей тактике, стали весьма успешно грабить других хищников, втроем они могли заткнуть за пояс кого угодно, кроме седого гризли, с которым были приучены не связываться. Озерный край, родина моих медведей, расположенная на севере центральной части Британской Колумбии, представляла собой дикую окраину, область чрезвычайно динамичную в биологическом отношении; на первый взгляд там царило безмятежное спокойствие, но временами оно под влиянием голода нарушалось внезапными взрывами кровавого разбоя. Вашим глазам открывается прекрасное зрелище лесной просеки, озаренной лучами заходящего солнца, а рядом, незримо рыщут хищные звери с острыми клыками и могучими мускулами. Золотоискатели и трапперы, работавшие на Компанию Гудзонова Залива в начале ее существования и побывали в этом краю, были единодушны в своем мнении, которое вкратце резюмируется

следующим образом: «Он не приспособлен для цивилизованной жизни!»

Однако Спуги всем своим поведением доказывал, что при всей жестокости, свойственной природе дикого Севера, здесь есть и нежность, и доброта.

Десятого ноября из Арктики надвинулись тучи с первыми зимними бурями. А спустя два дня температура упала до тридцати градусов ниже нуля, медведи забрались в конуру и впали в спячку. Сильных оттепелей в ту зиму не случилось, но и стужи такой, как в прошлом году, не было.

Снежный покров держался в среднем на два метра ниже нормы, но погода стояла ровная, и дело обошлось без стихийных бедствий. Кое-где только потрескалась кора на деревьях под действием ветра; он дул со скоростью сотни километров в час, вздымая на воздух тучи мельчайших острых льдинок; после нескольких часов такой метели с деревьев, росших на опушке леса, слезала кора и обнажался слой камбия.

За это время я перечитал все книжки, к которым в прошлом году даже не притрагивался, и каждый день занимался своим дневником, расшифровывая торопливые летние заметки и дополняя краткие деловые записи более пространными «размышлениями и выводами». Однажды в первых числах марта я выбрал солнечный день, чтобы навестить хижину Ларча и захватить оттуда десяток книг, которые не хотел брать осенью. Если погода позволяла, то делал пятимильные лыжные прогулки, чтобы не потерять форму. Медведи вели себя спокойно, продолжая спать, даже когда температура в жилище поднималась до двадцати градусов. До самого апреля они ни разу не попросились за порог.

Ларч выбрался к нам и привез новые припасы только пятнадцатого марта, он прилетел на самолете лесной авиации. Наутро гости уже улетели, так как Ларчу необходимо было срочно вернуться в Викторию. В Форт-Принс-Джордже образовалась мощная группировка, протестовавшая против создания заказника на том основании, что в связи с его созданием образуется большая площадь не подлежащих продаже государственных земель, вследствие чего уменьшится приток населения в этот и без того малозаселенный район Канадского доминиона. Ларч показался мне еще более молчаливым,

нервным и беспокойным, чем в октябре. Медведи при нем так робели, точно видели перед собой незнакомого человека; такое же чувство было и у меня.

Пятнадцатого июля я отправился в путь не столько для того, чтобы наметить новые золотоносные места для разработки, сколько желая посмотреть, как поведут себя медведи в дорожных условиях. Уложив в рюкзак десятидневный запас продовольствия, и усадив в каноэ Расти и Скреча (Дасти не пожелала расстаться со Спуки), мы переплыли озеро, а затем отправились пешком к восточному водоразделу Оминека, который проходит в верховьях протекающей через цепочку озер реки Нейшен. Наше путешествие подтвердило, что медведи действительно следуют за мной повсюду, куда бы я их ни повел, а не просто обходят привычную территорию; кроме того, подтвердилось предположение Ларча о том, что можно добывать золото в притоках Нейшен-Ривер, составляющих разветвленную сеть. Наш путь пролегал по бездорожью; особенно трудно было продвигаться на нижних склонах, где заваленный буреломом кустарник образовал непролазную чащу.

В лесу нам то и дело приходилось петлять, обходя густые заросли; зверье всевозможных видов провожало нас любопытными взглядами, не спеша убираться с дороги. Очевидно, человек, странствующий в обществе двух медведей, представлял для лесных обитателей не менее любопытное зрелище, чем древние предки эскимосов, которые некогда двигались на юг тем же путем.

Русла труднодоступных из-за пышной прибрежной растительности речек и ручьев пролегли по местам, богатым кварцем, там можно было найти такие самородки золота и платины, что все труды, которые я положил на разработку месторождений на берегах озера Такла, показались мне пустой тратой времени и сил. Но остановка была за одной неразрешимой задачей — как быть с доставкой необходимых припасов, их невозможно было перебросить ни по воде, ни по воздуху, ни на своем горбу, не говоря уже о том, как трудно было бы вывезти тяжелый груз добытого золота и платины.

Переправляясь на обратном пути через озеро, я издали разглядел спокойно сидящую на крыльце парочку — Дасти и Спуки, у обоих был вполне благополучный вид. Когда лодка достаточно приблизилась к берегу, я окликнул Дасти; медведица бросилась в воду и поплыла нам

навстречу, она так бурно проявляла свой восторг по поводу нашего возвращения, что все мы чуть не вывалились в воду. Спуги, по обыкновению всех призраков, скрылся.

На берегу, то порхая, то вскачь по песку, к нам устремились два дрозда. Я, как всегда в таких случаях, велел медведям сидеть смирно, пока не кончились взаимные приветствия с птичками. В этом году их вернулось всего двое — самец и самочка.

Отчаявшийся и разуверившийся в своих надеждах Ларч неожиданно приехал на моторной лодке, с тем, чтобы провести с нами весь август. Родители его оба умерли, сессия парламента закрылась, так и не поставив на голосование вопрос о резервате, сам Ларч остался без работы, поэтому был в полном унынии, производил впечатление издерганного человека и почти не разговаривал. Чтобы отвлечь его мысли от пережитых горестей, я не мог ничего придумать, кроме усиленного физического труда, и составил для нас соответствующую программу: каждый день мы до изнеможения работали на промывке золота, а в субботу и воскресенье совершали дальние походы в горы Оминька. По вечерам Ларч допоздна просиживал в окружении медведей у очага или в одиночестве бродил при свете звезд по берегу озера. Поступь его обутой в мокасины ног была так тиха, что я не слышал, как он возвращался в дом и, завернувшись в одеяло, укладывался спать перед прогоревшим очагом. Я никогда не приставал к нему с разговорами, если видел, что он хочет помолчать. Северные леса сами собой исцеляют привычного к ним человека.

Возвращаясь из лесных странствий, Расти, Дасти и Скреч всякими правдами и неправдами старались выманить у Ларча шоколадку или коробочку изюма или хотя бы добиться от него, чтобы он почесал им брюхо, для этого они начинали валяться по полу, задрав кверху все четыре лапы, или приносили ему поиграть свою любимую игрушку, или сбивали с ног и принимались вылизывать ему физиономию. Медведи к этому времени стали уже такими сильными, что человеку ничего не оставалось, как сдаться на их милость.

Таким образом, еще один месяц мы прожили вместе в любви и согласии. А в тот день, когда Ларч уехал с берегов Таклы, нам опять показалось, что кончился и навсегда канул в прошлое прекрасный отрезок нашей жизни.

Ружейные выстрелы

Если бы можно было закончить мою историю на этой ноте глубокого душевного удовлетворения или, предупреждая ход дальнейших событий, повернуть время вспять, с какой бы радостью я это сделал! Но это невозможно, поскольку повесть моя невыдуманная и мне придется, ничего не преуменьшая и не преувеличивая, изложить до конца все обстоятельства в той последовательности, в какой они совершались.

Незадолго перед своим отъездом Ларч сказал:

— Знаешь, Боб, я никогда не слышал о такой дружбе между человеком и зверем, какая сложилась у вас с Расти.

— Меня самого это в глубине души очень тревожит, Ларч, — ответил я ему. — Я не могу бросить Расти на произвол судьбы. А ведь ему уже три года, и он может прожить без посторонней помощи. Мне бы следовало уехать домой и вернуться в колледж. А я никак не могу с ними расстаться. По-настоящему медведь давно должен бы уйти в лес, куда глаза глядят, тем более в здешнем озерном краю, где столько всего интересного ждет его за горами. Так отчего же они не уйдут за горы? Отчего они не хотят мне помочь? Нашли бы себе подходящую медвежью компанию и жили бы, как положено зверю и как я задумал для них с самого начала!

— Вот и поразмысли над этим вопросом, — сказал Ларч. — Хорошенько поразмысли! К первому ноября я вернусь и привезу тебе припасы, вот тогда ты мне сам на него и ответишь.

А между тем Расти все реже и неохотнее соглашался уходить от того места, где я работал. Первого сентября я отпустил Дасти и Скреча в лес за пропитанием одних. Конечно, я сильно беспокоился, зная, что более смирные медведи остались без вожака. А начиная с десятого сентября Расти окончательно отказался ходить без меня в лес. Утром четырнадцатого, не успели Дасти, Скреч и Спуки скрыться, как Дасти вдруг снова появилась на берегу ручья, где я в то время работал. Она вела себя как безумная — скулила, тыкалась в меня носом, потом встала на дыбы и повалила меня в воду. Тут прискакал Расти, и они стали драться и колошматили друг друга посреди ручья, пока не

подоспел Спуки и не загнал разбушевавшегося Расти на дерево. Дасти кинулась к дому, уселась на крыльцо и принялась стонать. Мокрый до нитки, я приплелся за ней следом и стал гладить по голове.

Все произошло так быстро, что я совсем забыл про Скреча. А между тем он не вернулся с остальными. Я стал звать Скреча, и тогда Расти слез с дерева и вместе со Спуки направился к озеру. Дасти кинулась следом за ними. Отойдя немного, они покружили на месте, потом все трое уселись на землю мордой ко мне, как бы призывая меня присоединиться. Утро было пасмурное, собирался дождь, но я все-таки решил, что раз зовут, надо идти. Хотя я шагал широко, как индеец, но еле поспевал за медведями, которые направились к югу, в ту сторону, куда обыкновенно ходили кормиться. Я все-таки отстал от них на полмили; тогда они обернулись и стали нетерпеливо рывкать на меня. Расти даже подбежал ко мне, чтобы узнать, отчего я замешкался. Они явно спешили поскорее вернуться на место какого-то происшествия.

Пройдя четыре мили вдоль берега, медведи круто свернули в заросли карликовой сосны, где громоздились завалы из поросших сфагнумом стволов. Помню, как на меня пахнуло оттуда прелым листом и грибами. Выбиваясь из сил, я заплетающимися ногами вступил на звериную тропу, ведущую в гору; здесь деревья росли свободнее.

И вот я увидел Скреча, он сидел и стонал, а в его правую лапу, под самой пяткой, крепко впились острые зубья капкана, поставленного каким-нибудь траппером. От железной скобы капкана тянулась цепь, прибитая к колоде, которая была закреплена между четырьмя деревьями. Такие капканы представляют собой изобретение еще более жестокое, чем обыкновенные створчатые, которые захлопываются на жертве, словно стальные челюсти. Эти острые кривые шипы устанавливаются на звериной тропе; когда пружина срабатывает, серповидные шипы с зазубренными краями так глубоко вонзаются в тело жертвы, что зверь не может выгрызть их зубами. Две пары стальных шипов защелкиваются, срабатывая наподобие ножниц; некоторые трапперы, покидая в апреле лес, оставляют капкан до осени, не удосужившись их разрядить; сколько трагедий происходит в лесу, когда животное, нечаянно задевшее взведенный капкан, погибает мучительной голодной смертью, терзаемое страхом и болью. Я сам не

раз слышал от трапперов, что эти капканы с шипами — самое жестокое орудие убийства, когда-либо изобретенное человеком.

Я не знал, подпустит ли меня Скреч и смогу ли я его вызволить из капкана. Я даже не был уверен, сумею ли разрядить механизм, представлявший собой храповик с собачкой, который удерживал зазубренные шипы в лапе медведя. Капкан был ржавый, а устройство его слишком сложно, чтобы разобраться в нем, имея дело с большим и сильным зверем. Мне даже пришло в голову сходить домой за веревкой, чтобы сначала связать медведя. Но это значило проделать восьмимильный путь. Я решил, что попытаюсь обойтись без веревки. Я присел возле медведя и обхватил его морду, в ответ на этот привычный жест, заменявший у нас рукопожатие, Скреч тихонько застонал и облизал мне лицо и руки. Я почесал ему живот, и он перевернулся на спину; теперь можно было рассмотреть устройство капкана. Ступня была цела, но я не мог знать, как обстоит дело с ахиллесовым сухожилием и целы ли кости и нервы в лодыжке.

Мне вспомнились слова, которые я в прошлом году слышал от Ларча: «У страха двое детей — панический ужас и мужество». Кротость Скреча помогла мне совладать с припадком панического страха. Мужество мое родилось по воле случая. Я срезал хорошую крепкую ветку, чтобы просунуть ее между кривыми шипами и разрядить механизм. Ласково уговаривая урчащего Скреча, который терпеливо лежал на спине, как пациент на операционном столе, я осторожно придавил обеими ногами плоский конец капкана, с другой стороны его держала колода. Таким образом получился длинный рычаг. Остальные медведи обступили нас и следили за моими действиями, затаив дыхание и замерев как статуи. Достаточно было надавить палкой, как пружина сжалась, и шипы с неожиданной легкостью разомкнулись, причинив Скречу резкую, но непродолжительную боль в тот момент, когда они выскочили наружу из его тела. Скреч взвыл и отпрянул в сторону; он был уже свободен. Остальные медведи злобно зарычали, но не двинулись с места.

Обливаясь кровью, Скреч заковылял домой, поджав лапу, по пути он часто останавливался и заглядывал мне в глаза, чтобы хоть взглядом поведать о своих мучениях.

Три дня и две ночи он пролежал на нашей гигантской кровати, а я подавал ему в постель воду и копченую рыбу, которую он нехотя ел.

Промыв его раны в теплой соленой воде, я больше к ним не притрагивался, положившись на целительные силы природы. Защить обе раны Скреча без наркоза нечего было и пытаться. Он почти непрерывно спал, но меньше ворочался во сне, когда чувствовал рядом мое присутствие, а когда его касался теплый бок братца Расти, он начинал тихонько мурлыкать во сне, как разомлевшая на солнышке рысь. На третью ночь Скреч встал и, пошатываясь, поплелся вместе с Дасти и Спуки по берегу озера, стараясь не отстать от этой парочки, которая явно хотела от него отвязаться.

Во время болезни Скреча мы с Расти часто уходили вдвоем на прогулку, пока он и Дасти спали. Расти ни за что не хотел идти в лес один и возвращался со мной, не успев как следует наесться: чтобы насытиться, ему понадобилось бы обойти очень большую территорию, а такие походы мне были просто не под силу. Я часто забирался на белые известняковые утесы, которые высились на северном берегу Отет-Крика, в надежде, что медведь хорошенько попадется на широком лугу, раскинувшемся у их подножия на сто акров; но Расти тоже любил посидеть на вершине скалы, где гулял ветер, внимая сентябрьским песням елей и хемлоков, доносившимся снизу, словно приглушенная музыка органа; при этом он вглядывался вдаль с таким видом, словно бы сам решил побывать когда-нибудь в тех местах.

Из всех наших путешествий этому медведю, по-видимому, больше всего полюбилось (не говоря, конечно, о главном его занятии — кормежке) катание на каноэ. В начале октября я чуть ли не каждый день отправлялся с ним под вечер, когда стихал ветер, в плавание по северо-западному рукаву озера; видно было, что Расти получает от этих прогулок громадное удовольствие. Медведь обладал замечательным чувством баланса; мы часами плавали в каноэ, иногда я рыбачил, потом снова брался за весло, а он, сидя впереди меня и положив передние лапы на борта лодки, чутко следил за ее равновесием. За эти вечера мы с ним так сблизились, что для взаимопонимания нам уже почти не требовалось никаких внешних знаков. Мне хочется верить, что мы с ним сделали по крайней мере первый шаг навстречу друг другу через ту непроходимую бездну, которая за множество веков пролегла между зверями и человеком.

Под влиянием дальнейших событий все остальные дни вплоть до ноября слились в моем представлении, и я не могу уже в точности

восстановить последовательное течение времени. Дневник был заброшен, и я не отмечал дней по календарю. Помню, что после одной холодной и дождливой ночи последовала целая неделя солнечных дней с ночными заморозками. В эту теплую неделю медведи вдруг начали уходить на жировку днем и возвращаться домой к вечеру, чтобы провести холодную ночь в домашнем тепле. Поскольку со времени отъезда Ларча я ни разу не слышал на озере моторных лодок и гидропланов, то решил, что у нас установился статус заказчика или провинциального парка, иначе с началом охотничьего сезона я стал бы сопровождать медведей в их лесных странствиях. Поэтому я был неприятно поражен, когда в один прекрасный день с озера неожиданно послышался приглушенный расстоянием рокот лодочного мотора. В северных лесах все звуки, бесконечно преломляемые эхом, разносятся далеко вокруг, причем они порой так изменяются на своем пути, что воспринимаются совершенно искаженно и нет никакой возможности судить о том, где находится их источник. В то утро я готов был поклясться, что слышал не только тарахтение мотора, но и хлопанье ружейных выстрелов, однако эти звуки показались мне такими далекими и смутными, что я приписал это впечатление хрусту сухих веток которые часто обламывались и падали в это время года.

«И все-таки мне будет спокойнее, когда эти бродяги вернутся домой», — подумал я про себя.

На закате медведи не вернулись. Лес погрузился в непроницаемую тьму безлунной ночи, которая казалась еще мрачней от зова одинокой потерявшейся куропатки. От страха она так раскричалась, что обнаружила себя и была схвачена лисой; слышно было, как вопит пойманная птица. Я сидел на крыльце, вслушиваясь в ночь, поджидая медведей, и при каждом шорохе вздрагивал. Наконец мороз стал пощипывать меня за нос и за уши, и, уйдя в дом, я разжег огонь в печи, решив, что медведи придут совершенно продрогшие.

«Скорее всего, — подумалось мне, — они откопали какую-нибудь тушу, припрятанную про запас медведем-гризли, и им пришлось обороняться от хозяина».

Я живо представил себе, как они карабкаются на кровать и зевают, разомлев от тепла, как повертевшись, устраиваются на ночлег, сторонясь при этом длинного пухового спального мешка, лежащего посередине, потому что... «это имущество Боба, а он не уступит

своего места». На каждый шорох ветра, треск сухой ветки я бросался к двери и, напрягая слух, вглядывался в пустой мрак. Я так нервничал и беспокоился, что не мог усидеть от нетерпения, хотя достаточно хорошо знал, что медведи подходят к дому не таясь; они с топотом взбегали на крыльцо, рыча и награждая друг друга тумакami, каждый старался оттеснить другого, чтобы первому отпереть щеколду; ворвавшись, они гурьбой кидались ко мне здороваться, потом начиналась толкотня из-за места на кровати или в конуре, смотря по тому, где им вздумается в этот раз лечь. Я просидел до утра, подбрасывая в очаг поленья, но так и не дождался медведей.

Когда окончательно рассвело, я разложил несколько костров, надеясь, что дым привлечет людей: на озере мне снова слышался шум мотора, и я хотел предупредить охотников, что в лесу бродят ручные медведи. Я довольно далеко прошелся по берегу озера, но никто не отозвался, и я побрел домой, слушая, как замирает тарахтенье моторки, удаляясь, кажется, в сторону Мидл-Ривер. Неподалеку от хижины Ларча на озеро опустился гидроплан, второй, судя по звуку, сел где-то возле впадения Дрифтвуд-Ривер в северо-восточный рукав Таклы. Не прошло нескольких минут, как среди мирных гор вдруг совершенно отчетливо прогремели раскаты ружейных выстрелов.

Парламент так и не принял временных охранных мер до окончательного решения вопроса.

Я столкнул на воду каноэ и поплыл вдоль самого берега, стараясь обнаружить следы присутствия медведей, но смог одолеть лишь километр — поднялся ветер, вздымая полутораметровые волны. Резкие порывы легко разворачивали нос ненагруженного челнока, и он крутился на воде, как березовый листок. Мое каноэ стало быстро оседать, так как с каждой волной в него заплескивалось по несколько галлонов ледяной воды; делать было нечего, пришлось пристать к берегу. Вылив воду я вернулся домой, так и не найдя никаких следов исчезнувших медведей.

Два дня спустя лес вокруг хижины закишел белками-летягами. Маленькие планеристы скользили в пространстве между деревьями, и, едва коснувшись земли, стремглав карабкались на дерево, повторяя всё сначала. Казалось, что зверьки заняты странной игрой. Пока тут жили медведи, я и не подозревал о существовании летяг.

Пошел третий день с тех пор, как пропали медведи. Разглядывая в бинокль лесные просторы, я вдруг увидел на звериной тропе могучую фигуру Расти. Расти был ранен. Я позвал его и сам побежал навстречу, но когда я приблизился на расстояние пяти метров, он встал на дыбы, зарычал и приготовился к нападению. Увидев, как он раскинул передние лапы и выставил когти, я понял, что он невменяем и не узнает меня.

— Расти! — окликал я его снова и снова, отступая перед грозно рычавшим медведем. Расти не замечал меня, он даже ни разу не взглянул мне в лицо, а точно высматривал что-то, устремив взгляд поверх моей головы. Вся шерсть у него на груди, на плечах, на животе и на лапах слиплась от засохшей крови. Рану невозможно было разглядеть. Он свирепо рычал, и шерсть у него на загривке так вздыбилась, что он стал похож на гризли. Медведи рычат по всякому поводу, но продолжительный утробный рык означает у них готовность к бою. Скоро Расти рухнул. Кое-как поднявшись после нескольких неудачных попыток, он шатаясь побрел к хижине. Я медленно шел следом, готовый к тому, что медведь может в любую минуту обернуться и броситься на меня. С жалобными стонами он вскарабкался на крыльцо, на заплетающихся ногах вошел в дом, заполз в конуру, в которой перезимовал две зимы, и, точно обмякнув, свалился там и заснул. Слава богу, мне не пришлось встречаться с ним взглядом; он шипел и рычал на меня, но его стекленеющий взгляд был устремлен куда-то вдаль.

Сняв деревянную заслонку, я просунул в конуру миску с водой, но медведь одним взмахом правой лапы отшвырнул ее, и она полетела через всю комнату в дальний угол. Не помню уж, что я делал; знаю только, что ласково уговаривал его и старался придумать, какую вещь ему дать, которую он скорее всего вспомнит. Когда я принес старое жеваное одеяло, служившее ему когда-то игрушкой, он только ощерился, но не сбросил все-таки остальных, которыми я его укрыл. Немигающие глаза Расти с расширенными зрачками точно остекленели, из пасти, покрытой по краям засохшей кровавой пеной, вырывалось тяжелое дыхание, сморщенный язык свисал на пол. Я попытался разглядеть, куда он ранен, но ничего не мог увидеть из-за густой шерсти, а о более тщательном осмотре не могло быть речи, так обезумел Расти от мучений. Мною овладело чувство полной

беспомощности, я сидел над ним и ждал, чтобы медведь потерял сознание, тогда можно будет узнать, насколько опасна его рана, и приняться за какое-нибудь лечение.

Если Расти пострадал в схватке с гризли, лосем или стаей лесных волков, то еще можно надеяться на поправку, но если в его могучем теле засела ружейная пуля, все может обернуться иначе. При поверхностном осмотре я удостоверился, что голова и спина невредимы, там не было ни одной царапины, не обнаружил я также и следов выдранной шерсти; стоило в этом убедиться, как у меня упало сердце. В серьезной звериной схватке никогда не обходится без царапин — шерсть летит клочьями. Тут Расти со стоном перевалился на другой бок, и я успел мельком взглянуть на его грудь. В спекшейся от крови шерсти не было видно отверстия, и у меня забрезжила надежда, что раз уж он, слава богу, дома, все как-нибудь обойдется.

Началось долгое бдение. Я придвинул свой стул поближе к моему больному другу. Медленно текли часы, медведь перестал метаться, стоны затихли. Наконец он закрыл глаза, и сон принес ему облегчение. Я старался не шелохнуться, чтобы шум не разбудил его.

В эти часы я с небывалой ясностью понял всю силу привязанности, которая связывала меня с этими медведями. Из головы у меня не шла мысль: «Где-то сейчас Дасти и Скреч... и Спуки? Отчего они не вернулись? Неужели они закончили свои дни так же, как их мать — в лодке какого-нибудь охотника?» Они были бы легкой добычей для любого стрелка; сами радостно кинулись бы ему навстречу; конечно, в рассказах охотника эта встреча превратится в опасное приключение, хотя на самом деле он заслужил за свой подвиг не больше славы, чем храбрец, убивший соседскую собаку. Мне вспоминался день, когда Дэн Йегер угостил медведей конфетками.

Я не ощущал времени; когда на востоке занимался свет, я знал, что наступило утро, а когда становилось темно, понимал, что уже ночь. Пока Расти спал, я на цыпочках подошел к очагу и наварил большую кастрюлю овсянки, не для себя, а чтобы покормить медведя, если он захочет, когда проснется. Сам же только выпил несколько чашек крепкого кофе да иногда закуривал трубку, а все остальное время сидел на страже возле медвежьей конуры.

Так прошло, по-видимому, два или три дня, пока Расти не проснулся. Он очень ослабел, но все понимал и снова стал почти что

прежним ласковым, умным существом, глядя на меня светлокарими глазами с растерянным и страдальческим выражением. Я погладил его по голове, и он, как всегда, благодарно и нежно лизнул мне руку. В мгновение ока я оказался рядом с ним в конуре и прижимал к своей груди его бедную мохнатую голову. Скоро он опять заснул, положив голову ко мне на колени, дыхание его стало ровнее, он больше не стонал и не подергивался.

Пока он спал, я вспоминал, как три жалких маленьких детеныша, шлепая по воде, перебрались через Наггет-Крик на берег озера Бабин в день нашей первой встречи; как они упрямо цеплялись за ветви старой пихты и не хотели слезать, пока голод не заставил их принять предложенную помощь; как они постепенно все прочнее входили в мою жизнь, пока наконец я сам не научился жить их жизнью и видеть мир их глазами; я вспоминал счастливые времена из их безмятежного детства, когда мы вчетвером, бывало, целые вечера напролет просиживали у костра возле хижины Ред-Ферна. Я точно сейчас видел, как маленький Скреч тормозит разомлевших на солнышке Расти и Дасти. Скреч не мог спокойно смотреть, как другие спят, когда ему самому хотелось поиграть. А получив от брата и от сестры заслуженную взбучку, он спасался под мою защиту. Шум лодочного мотора означал для них радость, потому что возвещал о приезде Ларча А-Тас-Ка-Нея; слышав индейскую моторку, приближающуюся со стороны Топли-Лендинга, мы гурьбой высыпали на берег в надежде, что к нам приехал друг.

Какая злая насмешка судьбы! Те звуки, которые нас всегда так радовали, на этот раз оказались предвестием страшного несчастья. Я гладил мягкую мохнатую голову спящего Расти и думал об отзывчивости так называемых бессмысленных тварей. Как чутко понимают зверята любое приказание старшего! Это касается не только сигналов опасности, но и любого другого действия. Тот, кому довелось наблюдать за подрастающим животным, не устает удивляться, видя, как буквально на глазах развивается его восприимчивость. Возможно, что степень чуткости, с которой животное отзывается на явления окружающего мира и поведение других живых существ (которая у домашних животных ослаблена вследствие вековой привычки к уходу и заботам человека, но, тем не менее, отчетливо присутствует и у них),

послужит в дальнейшем тем мерилom, по которому мы будем судить об их умственных способностях.

За час до восхода солнца дыхание Расти стало вырываться сбивчивыми протяжными вздохами. Он не открывал глаз. Положив его голову на сложенное в несколько раз одеяло, я отошел зажечь свечу и подкинуть в печку дров. Через пять минут вернулся, сел на свое место и хотел, поглаживая густую шерсть, поговорить с моим другом. Но Расти был уже мертв.

Долго сидел я, оцепенев от горя, не в силах пошевелить даже рукой, и все старался понять, в чем же была моя вина перед этими тремя чудесными, доверчивыми зверями. Расти погиб от одной единственной пули, пробившей в его груди маленькую круглую дырочку. Сначала я думал, что Дасти и Скреча постигла та же участь. Около полудня я пошел на ручей к промывочному желобу, взял брошенную там кирку с лопатой и выкопал могилу. Обвязав веревкой тяжелое медвежье тело, вытащил его на двор, где мы все вместе провели столько часов, греясь на солнышке.

Еще тяжелей было оттого, что ещё не улетевшие два дрозда, усевшись на своей полочке, молчаливо следили за похоронами.

Может быть, наша особенная близость с Расти объясняется тем, что я с давних пор привык во всем полагаться на него как на вожака медвежьей троицы. Он был самым сообразительным из них и по отношению к двум другим исполнял роль няньки и наставника. На третьем году жизни он стал прекрасным товарищем — живым, веселым, надежным и преданным. Подобно тому как собака, однажды выбрав хозяина, дарит ему любовью и понимание, вкладывая в служение всю верность и преданность, на какую способна, так и Расти в те месяцы, что я имел счастье общаться с ним, одарил меня своей любовью. Таская тяжелые круглые булыжники из Отет-Крика на его могилу, я старался не затоптать медвежьи следы, тянувшиеся от берега ручья к хижине.

В каком-то душевном оцепенении глядел я вечером на безмятежный закат, сидя на ступеньках крыльца. Плавающие в вышине перистые облака еще догорали розовым заревом в лучах скрывшегося за горами Оминька солнца, их отражение розовело в зеркальной глади озера Такла, создавая иллюзию двойного заката. Но это величественное и прекрасное зрелище ни на минуту не заставило

меня забыть о медведях. Не раз они вместе со мной в таинственный сумеречный час любовались с этого крыльца блеском широко раскинувшегося озера, вглядываясь в очертания дремучих лесов на том берегу и в сиявшие белизной зубцы Скалистых гор.

Хотя с тех пор миновали долгие годы, они не изгладили из моей памяти воспоминания о бывшей дружбе и не смягчили горечь утраты.

На следующий день, собираясь в безнадежные поиски Скреча и Дасти, я увидел, как стайка дроздов, покружив над хижинкой, взвилась над лесом, устремляясь в дальний полет к югу.

Рассказ индейца

В ночь, когда умер Расти, мною в какую-то минуту овладела неотвязная мысль, что Дасти и Скреч должны быть живы. Припоминая, сколько я слышал выстрелов, насчитал их шесть или восемь; словом, целая обойма. На песке должна была остаться кровь; может быть, охотники прямо на месте освеживали тушу. Среди индейцев секани только самые отпетые употребляют медвежатину в пищу из-за того, что медведи питаются падалью. Может быть, хотя бы один из медведей избежал гибели, и, может быть, оставшийся в живых лежит сейчас, раненый и беспомощный, где-нибудь в пещере, неспособный защититься от волков и койотов.

На рассвете я надел на плечи рюкзак и отправился вдоль озера в ту сторону, откуда слышались выстрелы. Проходя знакомым путем и вглядываясь в каждую скалу, каждую выброшенную волнами палку, каждый ведущий к воде след, я чувствовал, как за мною следит множество внимательных глаз. Морозные ночи и студёные дни заставили оленей, вапити и снежных баранов переселяться в долину реки Фрейзер, где они обычно зимуют. Волки и пумы неслышными тенями сопровождали стада, а следом за ними рыскали койоты в надежде поживиться объедками после крупных хищников.

Тщательно обыскав на протяжении восьми километров прибрежные заросли полыхающих осенним костром осин, тополей, кленов и так и не найдя стреляных гильз, я в отчаянии пустился в обратный путь, продираясь сквозь кусты дерена и чертова когтя. И здесь, и на прибрежном песке напрасно было искать что-либо, всё давно затоптали мигрирующие стада копытных; я так и не увидел никаких признаков медведей: ни следов, ни помета — ничего не нашлось ни в болотах, ни на лугах, ни в других местах, куда они обыкновенно ходили кормиться. Отыскать их по следу оказалось невозможно.

Вечером, размышляя у очага, пришел к выводу, что можно допустить два варианта событий — либо охотники убили медведей и увезли с собой туши, либо спугнули их выстрелами, а возможно даже и ранили, и тогда звери покинули привычные места кормежки. Исходя

из предположения, что хотя бы один медведь остался в живых, я решил завтра же отправиться за двенадцать миль вверх по течению Отет-Крика к озеру Нэтоуайт. По обе стороны ручья имелись «живые» звериные тропы, и как раз оттуда пришел Расти. Дойдя до самого озера, я ни разу не наткнулся на медвежий след.

Расчистив и починив завалившийся от старости и поросший мхом бревенчатый навес, разбил свой лагерь у впадения Точча-Лейк-Крик в озеро Нэтоуайт. Над головой клубились и погромыхивали черные тучи; я накрыл навес брезентом, потому что ночь предстояла дождливая.

Не успел я, поужинав, спрятать мой трехдневный припас на лиственницу на случай, если ко мне забредет медведь, как вдруг, откуда ни возмись, действительно появился старый самец; охваченный беспокойством перед зимней спячкой, он с ревом ворвался в лагерь и, стараясь выгнать меня из-под навеса, стал запугивать: рыл лапами сырую землю, шипел, скалил желтые зубы, сточенные от старости и вследствие привычки щелкать ими, на страх врагам, точно кастаньетами. Когда медведь при встрече начинает шуметь, скандалить и ругаться, такое задиристое поведение служит верным признаком его безобидности. Медведь еще немного похулиганил, поревел, пошвырял сухим листом и сообразил, в конце концов, что меня на мякине не проведешь. Тогда он стал ползком подбираться к моему навесу. Жалея его достоинство, я не стал дожидаться, когда он приползет на брюхе кланчить подачку. Решив, что его, наверно, привлекает запах соленого пота, я зачерпнул ложку соли и насыпал горку вожделенного лакомства на лежавший поблизости гладкий камень. Слизав соль до последней крупинки, медведь долго еще вертелся вокруг камня и вычистил его до блеска. Будучи убежден, что попрошайничество так же губительно для животного — будь то дикого или домашнего, — как и для человека, я прибегнул к подлой уловке, поступил, можно сказать, жестоко. Сознавая, что совершаю предательство по отношению к доверчивому существу, я пошел против своей совести — а такие вещи никогда не забываются — и насыпал на камень перцу. Старый медведь расчихался, расфыркался, кинулся сломя голову в ледяной ручей и стал нырять с головой под воду, чтобы охладить свой раздраженный нос. Больше он ко мне не совался и на всю жизнь запомнил человеческое коварство. Этого-то я и добивался своим неприглядным

поступком, памятуя об убийстве друга, которого совсем недавно похоронил.

Промокнув до костей под дождем, лившем не переставая целую неделю, и не найдя никаких следов, я вернулся домой, чтобы хорошенько подумать, как быть дальше. Когда небо прояснилось и южный ветер чинук принес в первых числах ноября тепло индейского лета, я стал ежедневно, захватив с собой завтрак, взбираться на известковые минареты, высившиеся по обе стороны Отет-Крика, на которых мы прежде часто сживали с Расти, озирая горы Оминика. С этого наблюдательного поста я снова и снова разглядывал в бинокль каждое дерево на каждом из окрестных склонов; не пропуская ни одного озерца на уступах, внимательно изучал прибрежные заросли; пристально вглядывался в каждый луг, каждое болотце, во все черничники, где еще оставались кое-где последние ягоды; обследовал каждый каньон, каждый гребень горы и каждую впадину. Горные козы и бараны Далля уже спустились в зону лесов; вапити, олени и снежные бараны откочевали с пастбищ в другие места. Над зоной кустарника грелись на солнышке медведи-гризли, охраняя выбранные для зимней спячки пещеры, куда они лягут при первом дыхании северной бури. Черные медведи бродили по краю лесного пояса, отыскивая семена и орехи, припрятанные земляными белками и бурундуками в укромных местах под камнями. Если бы Дасти и Скреч были живы и бродили в этих местах, я бы их обязательно заметил. С каждым разом я все больше терял надежду и, возвращаясь вечерами домой, все чаще подумывал о том, чтобы сесть в каноэ и уплыть в Форт-Сент-Джеймс.

Если же я собирался провести зиму на озере Такла, пора было не мешкая к ней готовиться, запастись дровами, наловить и накопить рыбы, проконопатить щели дома свежим мхом и поправить просевшую крышу, а я никак не мог заставить себя приняться за эти неотложные дела. По ночам температура опускалась до двадцати трех — двадцати шести градусов ниже нуля. В лесу стоял туман, и то и дело оттуда доносился треск — это лопалась кора на деревьях. Наловив немного нерки и напилев на несколько дней дров, я снова пускался по привычному маршруту моих медведей, надеясь напасть на какой-нибудь след, подсказавший бы мне, что кто-то из них — Дасти, Скреч или Спуки — остался в живых.

Однажды в довольно ветреный день, когда я сидел, заморозило, наблюдая колеблющуюся листву тополей на темном фоне хемлоков, воздух вдруг наполнился тревожными голосами перелетных птиц. Образуя косяки, и дружно поднявшись с озера, все сразу полетели на юг. Целую неделю прибрежная полоса озера шириной в два километра была занята готовящимися к отлету водоплавающими птицами, так бывало каждый год, но никогда еще я не видел, чтобы птицы снимались так дружно и покидали Таклу с такой поспешностью. Длинным неровным строем, оглашая воздух трубными кликами и свистом, два часа кружили над озером лебеди, а потом устремились к рисовым болотам Миннесоты. Три дня и три ночи без умолку гоготали гуси и крякали утки, сбиваясь в стаи, и, построив свои маршевые порядки, отлетали на юг.

Но вот улетели перелетные птицы, и в холодеющие северные леса вернулась тишина и покой. Оляпки и другие зимующие птицы, тихонько посвистывая, летали над ручьем, садясь иногда на выступающие из воды камни.

Маленький дрозд-отшельник, все лето распевавший у меня на крыше свои прекрасные песни, какие только можно услышать в Канаде, вдруг камнем упал на землю. За пять минут до смерти спев мне свою последнюю, может быть, самую лучшую песню.

Становилось все холоднее, а к вечеру прихватывал такой мороз, что я перестал сидеть на крыльце, любясь, как озерная форель, охотясь за ручейниками, высоко выскакивает из воды и, громко плеснув, снова исчезает в глубине. Смолкали крики шумливых соек, затихали синички-гаечки, когда в лесу начинали свой ночной концерт великие певцы — волки.

Однажды я засиделся до темноты, вытаскивая застрявшие в руках и ногах колючки кошачьего когтя и прислушиваясь к звукам ночных животных, которые с тех пор, как утихомирились медведи, куницы и пеканы, мирно кормились бок о бок, не мешая друг другу. Гудзонские бурундуковые белки уже улеглись в спячку, зато летяги резвились вовсю, вознаграждая себя за вынужденный отдых; последний килограмм овсянки, оставшийся от моих запасов, я скормил этим зверькам, которые стали прыгать ко мне прямо на шляпу, спину или плечи, и делали это так плавно, что я бы и не заметил, если бы они не

теребили меня за воротник, выпрашивая новую подачку, которую они тут же прятали за щеки.

Вытащив последнюю колючку, я уже собрался было уйти в дом, чтобы зажарить на ужин лосося, как вдруг с другой стороны озера, поросшей густым ельником и кедром, послышалось слабое тарахтение моторки. Я боялся встречи с Ларчем или с кем-нибудь еще из знакомых индейцев, зная, как они относятся к медведям. Я решил, что попрошусь в лодку и уеду отсюда. Но почему-то мне показалось, что лодка незнакомая и это не Ларч, а кроме Ларча никто обо мне не знал. Всех Бобров, которые были сторонниками создания провинциального парка, давно выжили из Британской Колумбии их противники; поэтому я подумал, что это, наверное, какой-нибудь случайный охотник, ищущий на ночь пристанища, так как хижина Ларча была заперта на замок. Железный, хотя и неписанный, закон Севера гласил, что если на двери висит замок, никто, кроме хозяина, ни при каких обстоятельствах не может войти в дом, какими бы правами он ни пользовался на этой территории. Множество заброшенных хижин разваливалось и ветшало без хозяйской руки, но никто не смел к ним притронуться, поскольку неизвестно было, кому они принадлежат; обычай соблюдался неукоснительно. Когда лодка доплыла до середины озера, я разглядел в бинокль, что в ней сидит один индеец; он низко наклонил голову, спасая лицо от холодного юго-западного ветра. Я бросился в дом, развел жаркий огонь в печи и стал стряпать ужин для незнакомого гостя. Я знал, что это не Ларч, потому что лодка была до отказа нагружена ящиками, да Ларч никогда и не ездил на моторке типа «Гудзонов залив».

По открытой улыбке я узнал в молодом индейце жителя озерного края; он бросил мне причальный канат, потом заглушил мотор и привязал лодку к причалу, сколоченному из плавника. Ветер усиливался, и мы решили на всякий случай вытащить лодку на берег, чтобы она не разбилась ночью о бревна причала.

— Меня зовут Марк, — сказал индеец, пожимая мне руку. Индейцы в этих краях почти никогда не называют своей фамилии.

По дороге к хижине Марк сказал, что он родом из талтанов и живет на озере Палисейд, которое находится северней озера Бэр-Лейк и приблизительно в ста милях от верхней оконечности озера Такла. Марк ездил в Форт-Сент-Джеймс, чтобы купить на зиму кое-какие

припасы, которых нельзя достать в Такла-Лендинге. Сейчас он занимается золотоискательством, а раньше был траппером, и у них с Ларчем был общий участок протяженностью в сто двадцать километров, между озерами Такла и Цайта.

— Мы покончили с трапперством, — сказал Марк. — Зимой мы зарабатываем примерно столько же изготовлением снегоступов. Хижина у нас что надо — в ней и минус пятьдесят не страшны. Хорошенькая, пухленькая скво из племени секани стряпает на нас. Летом добываем золото.

На пороге он остановился и обернулся ко мне с вопросом:

— А как поживают медведи?

Я пригласил его войти в дом и там поведал свою историю.

— Ей-ей, это были они! Я повстречал их на середине озера, они плыли в сторону хижины Ларча — двое трехлеток и один матерый медведь.

Для Дасти и Скреча хижина Ларча, конечно же, была связана с воспоминаниями о счастливом времени и с чувством безопасности; поэтому после того, что случилось с бедным Расти, они вполне могли туда отправиться, хотя бы им пришлось для этого проделать вплавь целых пять миль.

— А что говорят в Форт-Сент-Джеймсе?

Какой-то янки рассказывал, что стрелял по трем медведям, которые чуть было не бросились вплавь за его лодкой. Там был большой черный самец и два других — помоложе. Он говорил, что подстрелил одного, с белым пятнышком на груди. Раненый медведь стоял и крутил головой, как будто хотел ему что-то сказать. Говорил, что ранил еще и второго, тот упал ничком, но потом поднялся и поковылял прочь. Он разрядил им вслед целую обойму, пока они не скрылись в кустах. Как по-твоему — похоже это на твоих медведей?

Я был так поражен, что не сразу ответил.

— Никакого сомнения! — сказал я наконец. — Для этих медведей вид лодки означал веселую прогулку по озеру с купанием и рыбной ловлей.

Теперь я по крайней мере знал, что случилось с медведями:

— Завтра же отправлюсь на тот берег, если только ветер утихнет.

После ужина мы долго сидели у очага, курили трубки и, кажется, были злы на весь свет.

— Ларч теперь работает инспектором Охотничьей комиссии, его контора находится в Форт-Сент-Джеймсе. Он просил меня заглянуть по дороге к тебе и рассказать, что билль об устройстве охранной зоны для диких животных не прошел в парламенте. Но ты, как видно, и без меня узнал об этом на собственном печальном опыте. Компания Гудзонова Залива и Департамент национальных парков и рекреаций потерпели полное поражение, верх одержали лесопромышленники, владельцы рудников, трапперы и торговцы спортивным инвентарем.

— Среди индейцев на озере Бабин, — продолжал он, — идут волнения, все недовольны. Лесопилка уже два раза горела. Некоторые так прямо и говорят, что ее спалили за то, что Северо-Западная лесопромышленная компания больше всех противилась принятию билля о провинциальном парке и, уволив индейцев племен бабин и бобров, наняла со стороны китаматов.

Перед тем как уехать, Марк оставил мне пятнадцать килограммов вяленой лосятины и пять килограммов колбасы и пеммикана.

— Это прислал тебе Ларч, — сказал Марк. — Он сам приедет к тебе с припасами, как только сумеет получить три-четыре дня отпуска. Послушай, переезжай-ка ты ко мне на озеро Палисейд, перезимуешь у меня. А в верховьях Таклы найдется хорошая скво.

— Спасибо, Марк! Я бы с удовольствием, но сперва надо съездить на тот берег, а там будет видно. Может быть, я даже уеду в Южную Калифорнию, буду отогревать свои промерзшие кости среди апельсинов, инжира и финиковых пальм.

— Я однажды попробовал апельсина. Необыкновенно вкусно.

Прежде чем я рискнул отправиться через озеро на каноэ, пришлось пережидать три дня, так как не переставая дул сырой ветер, с неба то и дело капало, словом, как говорят лесорубы, началась мокреть. Чтобы как-то унять свое нетерпение, я на всякий случай конопатил щели в стенах, поправил крышу, наколот дров — вдруг все-таки придется зимовать.

Наступило безветрие, и я без всяких приключений переплыл через озеро. Вокруг хижины Ларча было много медвежьих следов, один побольше — в четырнадцать дюймов, два других — по десять. Я звал медведей — свистел и кричал, покуда не охрип, обегал весь берег, прошел две мили вверх по пологому бурому склону каньона в сторону Скалистых гор — но ни разу не встретил свежих следов. Тогда я

вернулся домой и стал готовить ужин. Я надеялся, что медведи придут на острый запах елового дыма, бобов, лука и кофе. С наступлением ночи в лесных просторах воцарилась нерушимая тишина; казалось, что осенняя тьма заглушила все звуки канадского севера.

Обыкновенно я вставал рано, даже во время суровых пятидесятиградусных морозов не изменяя этой привычке. Однако на этот раз, уж не знаю почему, наверно, от физической усталости и пережитых в последнее время треволнений, я проспал допоздна; был уже день, когда меня разбудило осторожное царапанье и тихое повизгивание, раздавшееся под дверью. Одним прыжком я выскочил из спального мешка и стал дергать задвижку; задвижка у Ларча ходила туго из-за того, что дверь снаружи была утеплена лосиной шкурой.

На крыльце, махая лапами, точно голодный пудель, и повизгивая, как вернувшаяся из самовольной отлучки овчарка-колли, сидел не кто иной, как милый мой приятель Скреч. Обняв медведя, я вопил, стонал, рыдал и хохотал от восторга и, только продрогнув, опомнился. Кое-как я заманил его в тепло и сварил ему большой горшок такой же овсянки, как в тот день, когда приемная мамаша оставила его на мое попечение на озере Бабин: я набухал туда двести граммов маргарина, чашку коричневого сахара и три банки сгущенного молока, позаимствовав все это из неприкосновенного запаса Ларча. А потом с нетерпением ждал, когда Скреч кончит завтракать, чтобы поскорее отправиться с ним в лес.

Делая ставку на то, что, следуя природному инстинкту, Скреч скорее всего приведет меня к Дасти и Спуки, я побросал, что попало под руку, в рюкзак и пустил Скреча вперед, надеясь, что его нос выведет нас, куда следует. Скреч даже не стал принюхиваться, а сразу взял след и, не раздумывая, двинулся вверх по каньону в сторону Скалистых гор. Скреч еще прихрамывал на ту ногу, которая побывала в капкане, но это было, судя по всему, единственное его увечье. В воздухе чувствовалась морозная свежесть. Дыхание вырывалось с паром, и в бороде у меня скоро образовались маленькие сосульки, а у Скреча вся грудь и плечи покрылись белым инеем; мы мчались по пустынной тропе, мимо темнеющих мерзлых деревьев, и без остановки проделали несколько миль. Сделав в полдень привал, мы уже через пятнадцать минут продолжили наш путь, еще засветло одолели склон и очутились на вершине.

Перевалив через нее, мы начали спускаться, как вдруг Скреч остановился и с разбегу сел на землю. Я присел рядом, обнял его за шею, а он лизнул меня в ухо. Внизу лежала долина озера Первис, а на пути к ней, примерно на высоте двух километров над впадиной, в которой покоится озеро, находилось болото. Оттуда, из зарослей ивняка, вышли два медведя и стали рыть землю, откапывая клубни квомаша.

Учуяв издалека наш запах, Спуки встал во весь рост и повернул к нам голову. Дасти насторожилась и быстро скрылась в густых зарослях ивняка. Оба медведя хромали, и видно было, что они стараются полегче ступать на передние лапы.

Я стал звать Дасти, послал за ней Скреча, но она убежала вслед за Спуки со всей поспешностью, какую ей позволяла больная лапа: скоро они скрылись в густом ельнике, которым были покрыты горы, окружавшие озеро с юга. Я ждал, сидя на поваленном дереве на краю тропы, которая снизу огибала болотце, и через некоторое время ко мне вернулся Скреч.

Он пошел со мной назад к хижине Ларча, но, как мне показалось, довольно неохотно.

Обоюдоострый топор

Вернувшись в хижину Ларча, мы со Скречем допоздна засиделись в тот вечер возле очага. Я гладил Скреча по голове, чесал ему за ушами и под подбородком, а сам думал о том, как сложится отныне судьба Дасти. Благодаря тому, что она успела нагулять достаточно жиру, она сможет — с помощью Спуки — прожить независимо от человека. Ее могучий рост, стремительность и сила должны внушать почтение всем животным, кроме медведя-гризли, а полученное ранение тем более заставит всех держаться от нее на почтительном расстоянии. Из всех животных самое опасное — раненый медведь. Хотя меня и беспокоила ее рана, но делать было нечего, пришлось вернуться в хижину и предоставить Дасти и Спуки (а если Скреч захочет к ним присоединиться, то и Скреча) самим себе, полагаясь на то, что они научены горьким опытом опасаться человеческого коварства.

На следующее утро, когда я стал снаряжать свое каноэ в обратный путь, Скреч кинулся бежать в сторону каньона, словно бы он решил вернуться к своим сородичам. Я уже примирился было с этим его решением, убедив себя, что оно соответствует природе вещей и для Скреча это будет наилучшим исходом: ведь не могу же я до бесконечности нянчить даже одного медведя! Но тут он медленно вышел из леса. Вместе с ним на опушке показалась Дасти. Услышав мой голос, оба замерли, как вкопанные. Скреч лизнул сестру в нос, галопом прискакал ко мне и вскочил в каноэ. Дасти нерешительно повернула в чащу, но вдруг остановилась в полусотне метров от Спуки, который поджидал ее на тропе, повернула к нему морду, поглядела, потом оборотилась к нам и потянула ноздрями воздух; мы со Скречем уже оттолкнулись от берега.

Следующая неделя пошла в бешеной гонке, надо было покончить со всеми хозяйственными хлопотами, прежде чем нас застигнет врасплох холодное дыхание Арктики, которое вот-вот должно было обрушиться на озеро. У меня еще ничего не было готово. Я лихорадочно пилил, колол дрова, складывал поленницу, ставил переметы в устье Отет-Крика, наловил сотни две лососей и форелей, прокоптил весь улов и надежно спрятал его в тайнике. Все это время

Скреч не отходил от меня ни на шаг. Когда не было клева, я уходил в лес за дровами. Скреч довольствовался короткими вечерними прогулками, так как нажировался за предыдущие месяцы. Я уже мог с удовольствием думать о предстоящей зимовке, заранее радуясь приезду Ларча, который обещал привезти припасы.

В эти последние осенние дни Скреч, как, бывало, Расти, выказывал живой интерес ко всему вокруг; однако даже в самые захватывающие моменты — увидев скользящую по воздуху белку-летягу, наблюдая за дятлом, за бросающейся на добычу скопой или показавшимся из леса лосем, — он неизменно усаживался по-человечьи на землю и скреб у себя за ухом, как бы размышляя над увиденным. С каждым днем я все больше поражался тому, что раньше совершенно не обращал внимания на этого медведя, которого затмевала яркая индивидуальность энергичного Расти. Скреч, в отличие от Расти, не мог похвастаться независимым характером или волевыми качествами; зато природа сделала его необыкновенно нежным, уступчивым и, можно сказать, кротким. За Расти я ходил следом, а Скреч ходил следом за мной. В этом заключалось главное различие. Скреч был привязчив и игрив, точно маленький медвежонок, и эта привязанность пересилила в нем даже естественную, свойственную всем медведям тягу к бродяжничеству и независимости. Он любил, задрав все четыре лапы, поваляться перед очагом, грыз какую-нибудь палку или нарочно выделял всякие выкрутасы, чтобы привлечь мое внимание, когда я начинал клевать носом. Стоило мне задремать, как он принимался покусывать меня за ухо; если я не выражал восхищения его выходками, он повторял их до тех пор, пока не добивался желаемого эффекта. Скреч выучился понимать многие человеческие жесты и слова, он усвоил куда больший их запас, чем Расти и Дасти. В общении со Скречем требовалось больше слов. С самых первых месяцев он водил меня, куда ему было надо, умел показать носом предмет, на который хотел обратить мое внимание, и всегда добивался своего, в то время как его брат и сестра не тратили лишних усилий, если я не понимал их с первого раза или если дело, на их взгляд, того не стоило.

На шестой день после нашего возвращения домой мы со Скречем вышли погулять по берегу озера и направились к болоту; вдруг Скреч остановился как вкопанный, повел носом и быстро защелкал зубами,

потом вдруг одним прыжком скрылся в зарослях осины и ивняка, которые окаймляли берег. Спустя несколько секунд после шумного исчезновения Скреча из-за болота показались Дасти и Спуки, сопровождаемые Скречем. Двое раненых медведей во второй раз переплыли восемь километров ледяной воды! Я, честно говоря, был в отчаянии от их возвращения. Район озера Первис на восточном склоне Скалистых гор был так недоступен, что туда не сунулся бы и самый заядлый охотник; лучшего места обитания нельзя было и пожелать для медведей. Сперва я думал, что они вернулись лишь потому, что видели, как я увозил Скреча, и Дасти, стосковавшись по Скречу, ради свидания с ним не побоялась пуститься вплавь через озеро. И снова я испугался, как бы своим вмешательством (пускай даже с самыми добрыми намерениями) не сбить медведей с толку и не нарушить естественного хода вещей. Однако выстрелы, прозвучавшие на той стороне озера, где стояла хижина Ларча, подсказали мне более реальную причину, из-за которой медведи дважды переплывали озеро.

Сколько я ни звал, все ласковые слова остались напрасны; боль, которую испытывала Дасти при каждом шаге, все время напоминала ей о человеческом предательстве; тщетны были наши со Скречем старания: человек с ружьем оставил по себе неизгладимую память. Если бы можно было объяснить медведям, в чем дело, я бы уговорил их и отвез зимовать на озеро Первис, а пока они будут в спячке, потихоньку уехал, предоставив их самим себе. Однако если бы мне даже и удалось осуществить их переселение, нельзя было с уверенностью сказать, как они поступят дальше; инстинкт мог снова привести их на берега Отет-Крика, в места, с которыми у них были связаны приятные воспоминания о первых месяцах жизни.

Я невольно вспоминал слова моей матери: «Всякая охота, если она не вызвана жизненной необходимостью, это жалкая забава великовозрастных недорослей, и сколько бы нас ни заверяли, что убийство одного из творений божьих можно назвать благородным спортом, это — неправда; на самом деле это занятие, точно так же, как коррида, собачьи и петушинные бои и травля медведей, не заслуживает ничего, кроме презрения».

Я так и не узнал, приходила ли Дасти к хижине, хотя порой мне чудилось, что она где-то поблизости. С тех пор как ее ранили, она стала бояться одного моего вида. Очевидно, Спуки внушил ей свои

давние опасения насчет человека. Я понял, что эти двое никогда не забудут того, что видели и что чувствовали, когда в них вонзились пули; однако мне горько было смотреть, как Дасти убегает, едва завидев меня, словно это я был тем охотником.

Скреча спасла, как видно, его природная робость; он всегда пускался наутек при малейшей опасности, поэтому и пуля его не настигла; но эта черта его характера была связана с некоторыми другими особенностями. По моему наблюдению, у всех пугливых медведей бывают немного раскосые глаза, напоминающие глаза опоссума. Такой же разрез глаз был у Скреча. По словам индейцев, такие животные самой природой созданы для ночной жизни, при дневном свете они теряются. Достигнув трех лет, Скреч начал становиться все более неуклюжим, он разучился лазать по деревьям, ходить по поваленным стволам. В одиночку он уже не решался, как раньше втроем, совершать отчаянные набеги, чтобы разграбить, например, тайник соседа-гризли или спугнуть пуму и отнять у нее ее добычу. Однажды во время одной из наших прогулок его даже отдули своими мощными хвостами бобры, когда мы переходили по бревну через запруду на краю бобровой колонии. Скреч стал так боязлив, что никому не решался в случае надобности дать сдачи и уж тем более не нападал первым; меня очень беспокоило, что он не сумеет добывать себе пищу в том количестве, которое нужно перед зимней спячкой. В лесу, где идет жестокая борьба за существование, слабый не может выжить. И я опять стал подумывать о зоопарке.

Вечером пятнадцатого ноября я услышал шум двух лодочных моторов; одна лодка приближалась с севера, другая — с юга. Где-то возле хижины Ларча они развернулись и вместе направились к Отет-Крику. Марк и Ларч прибыли одновременно, с севера Марк, а с юга Ларч, и одновременно пристали к берегу.

— Надо же! И ты тоже приехал сегодня! — сказал Марк, пожимая руку Ларчу.

— Я весь день о тебе думал, Марк, — ответил Ларч. — Я так и знал, что мы здесь встретимся.

Хотя оба индейца уверяли меня, что эта встреча — результат «совпадения независимых одновременных действий» (что представляет собой индейский эквивалент европейского понятия о передаче мыслей на расстоянии), я больше склонялся к тому мнению,

что они просто заранее условились встретиться пятнадцатого числа у моей хижины.

Выгрузив и уложив по местам привезенные для меня съестные припасы и снаряжение, мы приготовили еду, чтобы, пообедав пораньше, успеть еще сходить на ручей; в последнее время мне повезло и я намыл довольно много золота. Скреч, по-видимому, был одинаково рад и Марку, и Ларчу, как бы подтверждая поговорку, что «иные индейцы зимуют в одной берлоге с медведями».

— Я готов поверить в это, если вы сумеете приманить Дасти, — сказал я моим друзьям.

— Нет уж, не буду я ее приманивать, — возразил Ларч. — Конечно, ей не сладко живется, но все-таки она сейчас там, где ей полагается быть.

— И я не буду, — согласился с ним Марк. — Но я готов забрать Скреча, когда ты поймешь, что тебе невозможно больше жить без апельсинов. Я отвезу его на озеро Палисейд. Там не будет ни охотников, ни трапперов, и там Скреч найдет себе свойскую компанию и вдоволь корму.

— Подожди полгодика, Марк. Я хочу подумать.

— Я заберу его в мае. А пока пойдем дышать осенним воздухом. По-моему, одни только листья владеют тайной красивой смерти.

В следующие два дня во время наших бесед у очага Марк рассказывал о чудесных краях вокруг озера Палисейд. Развязав кожаный мешочек, он высыпал на стол целый килограмм крупных золотых и платиновых самородков. Он рассказал удивительные вещи о реках, полных радужной форели и нерки, про непуганую дичь и богатые ягодники, про огород, в котором его жена-индианка выращивает морковь и брюкву. Он развлекал нас талтанскими легендами о том, как можно сделать москитов некусачими, как в толще ледника люди находят червей и живые грибницы, про сушеную воду в таблетках, которой удобно пользоваться в дальних странствиях или во время засухи, на все лады варьируя то, что у индейцев называется «как быть, чтобы не окоченеть на солнцепеке».

Ларч, напротив, еще больше посуровел с тех пор, как хлопоты о создании провинциального парка закончились полной неудачей; закалившись в борьбе, он стал более философски смотреть на вещи. В новой должности инспектора окружного охотничьего хозяйства он

получил возможность, принося пользу людям, в то же время оберегать диких животных, которых он так любил. Однако накануне отъезда в Форт-Сент-Джеймс он поведал мне о новой беде, нависшей над медведями; это был, можно сказать, обоюдоострый топор, занесенный над их головами: правила охоты изменились в самую невыгодную для медведей сторону, их дела обстояли гораздо хуже, чем можно было ожидать.

— Знаешь, Боб, — сказал мне Ларч, когда мы шли по тропинке, ведущей к хижине, — мне жаль тебя расстраивать, но приходится рассказать. На медвежью охоту отменены сезонные ограничения. Это положение касается всей провинции, так что охотники могут появиться когда угодно и стрелять, сколько им вздумается.

Это известие поразило меня, точно гром с ясного неба. И я сразу же объявил Марку, чтобы он приезжал за Скречем пятнадцатого мая.

Спустя четыре дня после отъезда Марка и Ларча необыкновенно затянувшееся в этом году индейское лето внезапно кончилось. Марк привез мне пару легких снегоступов густого плетения с загнутыми вверх концами, которые он сам изготавливал на продажу. На них гораздо легче было передвигаться по рыхлому снегу, чем на фабричных лыжах, похожих на теннисные ракетки.

Начался снегопад, продолжавшийся непрерывно десять дней и погрузивший весь мир в безмолвие. Выходя на крыльцо, я уже в пяти метрах от дома ничего не мог различить за пеленой падающего снега. День и ночь неразличимо слились; лишь утром, когда я разгребал сугробы перед окнами и отворял ставни, сквозь покрытые морозными узорами стекла слабо просачивался бледный дневной свет. Несмотря на жаркий огонь в печи, окна с обеих сторон затягивались льдом, который мне приходилось соскребать каждый день.

Талтаны и секани давно сделали наблюдение, что под снежным покровом вокруг деревьев температура иногда бывает на пять градусов выше, чем в верхней части ствола; поэтому они оставляли вокруг своего жилища высокие сугробы; дом оказывался как бы погруженным в глубокий снежный колодец, и возле стен температура редко опускалась ниже двадцати градусов, в то время как снаружи «колодца» градусник показывал минус сорок пять. Даже после самых сильных снегопадов на расчистку «колодца» и укладку снежных стен у меня уходило в день не больше часа, зато получалась заметная экономия

дров и свечей. Стараясь бережливо расходовать свечи, я пользовался ярким рефлектором, однако за зиму изводил не меньше трехсот тридцатисантиметровых свечей. Скреч не захотел спать в старой конуре, где умер Расти, потому что, сколько я ни оттирал ее, там все же остался запах крови и мочи. Тогда я набил доски вокруг ножек стола, с одной стороны сделал навесную дверцу и утеплил это помещение армейскими одеялами. Хорошо, что Ларч перевез ко мне все свои постельные принадлежности. Медведь урчал от удовольствия, устраиваясь в новой конуре.

На Новый год он впервые оттуда показался, его разбудил вой шести волков, которые затеяли концерт под самой нашей дверью. Скреч царапал дверь и просился, чтобы я его пустил в их компанию, но я знал, что за волками водится такая привычка — откапывать мирно спящих в своей берлоге жирных трехлеток, чтобы полакомиться медвежатиной; я уговорил Скреча не вылезать из дома и в утешение угостил его лососиной. В промежуток между пятнадцатым января и пятнадцатым марта он регулярно раз в две недели просыпался, выпивал банку сгущенного молока, съедал половинку копченого лосося и часика два просиживал со мной у печки, положив голову мне на колени.

С декабря до марта медведь только два раза выходил на прогулку, один раз это случилось в солнечный январский день, и мы с ним ходили на берег озера послушать, как в последний раз перед ледоставом грохочет лед, и полюбоваться на радугу, играющую в облаках мельчайшего ледяного крошева. В феврале Скреч вышел со мною посмотреть, как сломалась старая засохшая ель, которая росла на пригорке с южной стороны хижины, она с громким треском лопнула сверху донизу; на живом дереве никогда не скопилось бы столько льда и снега. В полом нутре ели мы нашли пятнадцать килограммов золотистого меда, который пополнил хранившиеся в нашей кладовой припасы. Стоял сорокаградусный мороз, и через пять минут пчелы замерзли и перестали двигаться, а мед затвердел, потеряв свою вязкость, я вырубил его из дупла топориком. Впервые в жизни Скреч отказался от меда, но слопал не меньше двух тысяч пчел.

Зиму мы прожили спокойно и размеренно, я целые часы проводил за чтением, одолевая кипу книг и журналов, привезенных Марком и Ларчем, а в хорошую погоду надевал лыжи и катался по озеру.

Очутившись на открытом пространстве приблизительно в километре от берега, можно было любоваться розовым сиянием покрытых снегом горных вершин — зрелищем, недоступным для пешехода в другое время года. У меня по-прежнему сжималось сердце при мысли о том, что снят сезонный запрет на медвежью охоту. Где-то там спит в логове, заваленном буреломом, или в дупле тополя бедная раненая Дасти; как обидно ей при каждом пробуждении убеждаться в том, что она не в хижине и рядом нет ее братьев.

Привожу запись из моего дневника, сделанного первого января:

«С прокладкой дорог и появлением дешевых лодочных моторов, в условиях, когда безумное правительство само поддерживает творящееся безобразие, человек уничтожает жизнь, нашедшую приют в этом диком краю, сам не зная, зачем он это делает. Не страшно, когда сокол ловит дрозда или медведь разоряет гнездо куропатки. Природа живет по своим законам, которых мы не знаем. Когда сокол улетел, наши дрозды продолжали жить, не ведая страха, а куропатка снесла новую кладку яиц. Дикая природа жила по этим законам с начальных времен, и хищники не истребляли всех своих жертв поголовно. Но при вмешательстве человека — неважно, берется ли он воспитывать трех медвежат или отправляется на охоту, чтобы удовлетворить древний инстинкт неандертальца, мечтающего о добыче, — живая природа, наделившая одно из своих созданий безответственным разумом, содрогается от ужаса».

Пять часов между восходом и заходом солнца, которое проходило свой круг низко над горизонтом, я проводил на воздухе, стараясь размяться за физической работой: ходил на лыжах, свалил и распилил расколовшееся дерево, в котором мы нашли мед, пробивал лунки во льду и ловил рыбу. Чтобы не дать лункам замерзнуть и не потерять их под снегом, я устанавливал над ними нечто вроде индейских типи из трех четырёхметровых еловых жердин, прикрытых сверху лапником. Чтобы лески не замерзали, я оставлял их в воде. Выйдя на рыбную ловлю, я все время перебегал от лунки к лунке; стужа была такая, что больше пяти минут нельзя было устоять на месте, несмотря на толстую пуховую парку, высокие, до колен, лосевые мокасины, заправленные в толстые кожаные маклаки, и шерстяные перчатки, поверх которых были надеты двойные лосевые рукавицы.

Однажды в феврале, наловив десять килограммов форели, я возвращался с уловом в хижину, как вдруг меня окликнули, и я увидел, что ко мне приближаются два пожилых индейца с собачьей упряжкой.

— Мы из Такла-Лендинг. Шестьдесят километров, — сказал один из них, назвавшийся Рупертом, когда упряжка остановилась у крыльца. — Марк — мой друг. Ты — друг Марка, значит — мой друг. Он говорил: «Отвези лосиная ляжка в феврале». А жалкий рыба брось собакам!

— Заходите в дом, сейчас мы зададим пир и выкурим трубку мира, — ответил я, кидая добытую с таким трудом форель рычащим тощим псам, которых индейцы освободили от упряжки. Собаки не подпустили меня к себе, несмотря на угощение.

— Где поместим собак?

— Собак никто не пускает в дом, — ответил индеец, которого Руперт называл Вороний Глаз. — Собаки роют норы в сугробе. А как твои медведи — спят?

— У меня остался только один медведь. Он спит.

Заглянув под стол в конуру, оба индейца покачали головами, выражая не то удивление, не то неодобрение. Скреч спросонья приподнял голову, но не вылез. Перед тем как приняться за еду, я слазал в погреб, взял десять килограммов копченой незамороженной форели, нарезал ее кусками и вынес собакам. Индейцы расценили мой поступок как неслыханное мотовство, но я действовал под впечатлением разительного контраста между жарким из лосятины, домашним теплом и уютной постелью, с одной стороны, и «норами в сугробе» с другой.

Несмотря на то, что оба мои гостя довольно часто имели возможность общаться с цивилизованным миром благодаря радиосвязи и санному пути, по которому в Такла-Лендинг на собачьих упряжках и гусеничным транспортом доставлялись товары, они не смогли рассказать мне ничего нового, кроме местных толков насчет сумасшедшего, который живет на северо-западном рукаве озера среди медведей.

Руперт и Вороний Глаз пробыли у меня два дня, и я поневоле сравнивал их с такими людьми, как Ларч, Ред-Ферн и Марк. Я был страшно благодарен гостям не только за сто килограммов лосятины, но и за дружелюбное и терпимое отношение, они были доброжелательны

и очень душевны, однако Марка и Ларча, не говоря уже обо мне, они не понимали и судили о нашей жизни как люди темные, полные суеверных предрассудков. Главную мысль, сквозившую во всех их рассуждениях, осторожно и завуалировано высказал Руперт:

— Всякое бывает — был траппером, стал золотоискателем, а все равно зимует в одной берлоге с медведями.

Смысл его высказывания заключался в том, что содружество человека с «низшими» животными является знаком если не слабости, то уж во всяком случае утраты его господства. Как ни стараются миссионеры насаждать среди индейцев веру в святую троицу, однако же сей католический комитет, состоящий из трех божков — «какого-то чудака, его сына и непонятого духа...» — то и дело терпит поражение в мелких стычках с бородавчатой бесовской нежитью.

— Человек всегда попадает меж двух огней; другие дерутся, а человеку тумачи достаются, — говорил Вороний Глаз. — У миссионерского бога всегда денег мало, и люди его должны выручать. Что же это за бог, если ему требуется помощь от человека? Нет, обычаи белых людей не годятся для индейцев надене.

Оба моих гостя были совершенно неграмотны, однако у каждого в памяти хранился неистощимый запас древних преданий, переходящих из уст в уста, от стариков к молодежи, которая долгими темными вечерами любила слушать у горящего очага старинные байки. Индейцы полистали мои журналы, похохатывая над фотографиями, рекламировавшими новейшие изобретения, без которых нельзя обойтись цивилизованному человеку.

Вороний Глаз прокомментировал:

— Мой отец говорит, что книжки крадут у тебя собственные мысли и вкладывают вместо них чужие, из головы какого-то неизвестного человека, которого ты и в глаза не видел.

Руперт поведал мне занятную историю об индейцах племени бабин из поселка Топли-Лендинг, которых уволили с лесопилки. По крайней мере часть золота, добытого в Отет-Крике командой Питера А-Тас-Ка-Нея, ушла на то, чтобы «присолить» застолбленные участки, расположенные над Топли-Лендингом. В поднявшемся ажиотаже многие выписанные издали квакиутли и китаматы побросали работу и сбежали с лесопилки; они за бешеные деньги раскупили участки у коварных бабинов, а потом, спасаясь от голодной смерти, вынуждены

были голосовать на дорогах, чтобы добраться до дому. Руперт прозрачно намекнул также, что некий констебль из Королевской конной полиции не только отказался арестовать находчивых бабинов, но, возможно, сам же и затеял всю эту проделку.

Перед отъездом мои гости натерли полозья саней и легкую упряжь из лосевой кожи свежим воском, который я недавно добыл из рухнувшего дерева. В день их отъезда подул северный ветер с моря Бофорта, отдельные порывы достигали скорости пятьдесят миль в час, но собачья упряжка выехала на лед и побежала навстречу выюге и черным тучам, которые стеной встали на ее пути. Я уговаривал индейцев переждать буран, но они только посмеялись над моими словами, дескать, никто, кроме белого человека, не станет менять своих планов из-за неподходящей погоды. Эка невидаль! Они считали, что через десять часов будут уже в поселке.

Индейцы уехали, а я каждый день вспоминал слова Чарли Твейта: «Человек не может жить по-медвежьи, а медведь — по-человечьи».

Дальнейшее — молчание

Наступил март, дни стали длиннее, а я старался удержать быстро текущее время. Скреч проснулся, после спячки он стал еще ласковее, и, кажется, еще больше привязался ко мне. Много раз на дню я с сожалением вспоминал о своем обещании расстаться с ним пятнадцатого мая. Чтобы продлить оставшиеся дни, я поднимался на рассвете, а спать ложился после полуночи. Подули юго-западные ветра, начались первые оттепели, за какие-нибудь две недели на южных склонах растаял снег, и чудо весеннего пробуждения совершалось среди такого немыслимого благоухания, какое редко можно наблюдать в сырых и мрачных северных лесах. Наскоро полюбовавшись на подснежники-сапрофиты в чаще леса, где еще лежал снег, я проводил все дневные часы на солнечных склонах и в лугах, где зацвели триллиумы и кассиопеи. По вечерам мы сидели на крыльце и слушали, как ревет Отет-Крик, вздувавшийся до четырех метров высоты и на поверхности которого крутилась, как в кипящем котле, грязь и слюда; таяние снега происходило с такой быстротой, что все каньоны бассейна реки Нэтоуайт были до краев полны водой. Шестерка крупных волков, зная, что мы сидим на крыльце, все еще стерегла тропинку, которая вела от хижины к пристани на песчаной косе. Доносившиеся до нас первобытные весенние песни волчьей стаи чем-то напоминали репетицию любительского хора. Слушая то нарастающий, то затихающий вой, Скреч тыкался в меня носом, прижимал уши, но сойти с крыльца не порывался. Два вида лесных зверей спокойно соблюдали вооруженное перемирие.

На первой неделе апреля меня разбудили дубоносы и дрозды-отшельники, которые, невзирая на весенние бури, прилетели в свой положенный срок. Славки, ласточки и козодои прочерчивали воздух стремительным полетом, хватая на лету насекомых. Кряквы, нырки, чирки, свиязи и гоголи целую ночь гоготали и крякали, обсуждая счастливое возвращение к северным гнездовьям, вторили им гагары, а выпь бухала в литавры. Лебеди, черные казарки и голубые гуси пронзительными голосами оспаривали друг у друга право на богатое угощение из мальков и личинок, которых сносили в озеро бурные воды

Отет-Крика. Поверхность озера на протяжении пятисот ярдов от устья ручья кишела крупными телами кижучей, отдельные косяки которых ожидали того момента, когда ручей очистится от грязи, чтобы двинуться вверх по его течению. А вверху со свистом безостановочно мелькали в воздухе качурки.

Едва появились первые побеги симплокарпуса, указывающие, где можно отыскать сочное подземное корневище, Скреч стал водить меня к прибрежному болотцу. Он ловко доставал из-под земли упитанных леммингов, не уступающих размерами бурундуку, и полевков, которые сновали по бесконечным ходам, вдоль и поперек пронизывающим рыхлую почву болотистых лугов. Эти плодовые грызуны к середине лета дочиста объедали всю луговую зелень. Для меня так и осталось загадкой, куда они потом деваются, обглодав свое пастбище до корней, однако каждую весну они опять были тут как тут с огромными новыми выводками. Всевозможные хищники, дневные и ночные, как птицы, так и млекопитающие, начиная от крошечной землеройки (которая в пять раз меньше лемминга) и кончая пумой, переселялись на луга, как только там появлялись полевки и лемминги. Мы никогда не встречали их в верхнем поясе, расположенном выше границы лесов.

На пасху вокруг озера Такла жизнь уже была ключом, и нежные юные олени втягивали чуткими ноздрями аромат орхидей калипсо и додекатеонов, и каждый год я вновь удивлялся тому, сколько свирепого насилия сопряжено с этим поэтическим временем года. Когда земной шар достигает точки весеннего равноденствия, воздушные потоки, проходящие в верхних слоях атмосферы, снижаются в районе полюсов, вызывая привычные мартовские ветры и апрельские дожди. В северных лесах, так же как на равнинах Альберты и Саскачевана, можно было по достоинству оценить яростную силу этих ветров, наблюдая, например, за попавшей в восходящий воздушный поток скопой, когда прямо на ваших глазах ветер рвал и ломал ее перья, так что она замертво падала в озеро или разбивалась о скалы.

В начале апреля вокруг горных пиков скапливались мелкие облачка, за несколько минут превращавшиеся в сизую тучу, которая, разбухнув, закрывала полнеба и несла в себе заряд электричества, способный уничтожить ледник, изменить очертания горы, разрушить скалу из песчаника или разнести в щепки пятисотлетний хемлок. Порою грохот лавин, низвергающихся с высоты трех километров,

невозможно было отличить от тяжелой артиллерии громовых раскатов, которые рокотали над головой в начале такой грозы. По мере того как стихал ветер и падал барометр, становилось, как правило, теплее, и воздух напитывался приятным, немного больничным запахом озона. Когда между землей и тучей восстанавливалось электрическое равновесие и все статические заряды уходили в землю, обыкновенно разражался такой страшный ливень, который можно сравнить разве что со знаменитыми ливнями на юго-западе США. Во время апрельских гроз я всегда испытывал какое-то головокружение, я словно бы хмелел от животворного озона.

Поразительно, что сама природа вложила в большинство своих творений — даже в белок и медведей — знание того, что во время грозы нельзя оставаться под покровом леса! У меня же выработалась привычка опрометью бежать к дереву, в которое только что ударила молния, чтобы спасти птенцов, которые от сотрясения могли вывалиться из гнезда. Но те, которых мне случалось подобрать с земли, неизменно оказывались уже мертвыми.

Однажды в конце апреля, проведя целые сутки в четырех стенах по милости бури, мы со Скречем отправились по берегу озера, как вдруг он неожиданно уселся передо мной, припечатав мои ступни, так что я не мог сделать ни шагу дальше. Скреч поступал таким образом, когда хотел меня остановить. Я вспомнил, как всю ночь напролет поблизости кричала одинокая сова. Талтаны считают, что зов одинокой совы предвещает беду. Со стороны небольшой поляны, расположенной над двухметровым береговым обрывом, раздался вой, такой жалобный, какого мне никогда еще не приходилось слышать. Подумалось, что это, наверно, волк оплакивает попавшую в капкан или умирающую подругу. Стараясь не потревожить его уединения, я осторожно забрался повыше и заглянул за край обрыва. К своему ужасу, я увидел там Спуки, это он плакал, задрал кверху лицо. А перед ним на мокрой блестящей траве лежала Дасти. Она была мертва.

Учуяв нас, Спуки, подвывая, заковылял прочь; с тех пор я больше никогда его не видел. Подбежав к искалеченному и окровавленному телу бедной Дасти, я увидел, что глотка у нее разодрана и сломаны шейные позвонки; на поляне валялись клочья шерсти и мяса. Здесь произошла какая-то чудовищная схватка. На раскисшей после дождя земле отчетливо были видны следы медведицы-гризли. Значит, и

Дасти, подобно своему брату Расти, погибла от пули охотника. Как только я увидел, что она охромела, я стал за нее бояться, зная, что при встрече с воинственной самкой гризли она не сможет ни спастись бегством, ни защититься, ни залезть на дерево.

Мне жалко было оставить Дасти на растерзание волкам и койотам и я отправился в хижину за лопатой. Скреч, как и Спуки, все время подвывал, пока я не завалил могилу камнями. Вдвоем со Скречем мы просидели на холмике все утро. Я снова задумался — как, впрочем, не раз задумывался этой зимой — над тем, не лучше ли было бы для медведей, если бы я не вмешивался в их судьбу.

К первому мая у меня накопилось достаточно золота, чтобы осуществить свою мечту, по крайней мере, отчасти. Но после паводка в ручьях, впадавших в озеро, стали попадаться самородки. В солнечные дни я устанавливал желоб и занимался промывкой, а Скреч нежился на солнышке, наблюдая с берега за моей непонятной возней. Когда ему приходило в голову отправиться на кормежку куда-нибудь подальше, я шел за ним, не считаясь с расстоянием; бывало, мы удалялись от Отет-Крика километров на двенадцать; однако я заметил, что стоило мне повернуть обратно, как он следовал за мною, точно привязанный.

На четвертом году жизни Скреч сделался очень внушительным медведем. К первому мая он весил не меньше ста восьмидесяти килограммов, а его рост составлял сто семьдесят сантиметров. Я имел возможность установить это, когда он в приступах нежности клал передние лапы мне на плечи, чтобы облизать мою физиономию. Он стал так силен, что я не мог уже сам высвободиться из его могучих объятий, и мне приходилось прибегать к запретительному «Нельзя!», однако этим средством я пользовался лишь в самом крайнем случае. Этот медведь любил открыто изъяслять свои чувства, и если я смеялся над его неуклюжими выходками или просто не выказывал достаточного энтузиазма, он, развернувшись, валил меня с ног и подминал под себя.

С первых дней нашего знакомства у медвежат вошло в привычку легонько покусывать меня за нос, за уши или за пальцы, когда они хотели привлечь мое внимание. Позднее это покусывание служило у них знаком дружеского расположения и надежным средством, которым они пользовались, когда хотели перевести неприятный разговор на

другую тему. Медвежата подрастали у меня на глазах и незаметно превратились в совсем взрослых медведей, но я так привык к ним, что присутствие крупных зверей в помещении мне не мешало. Поэтому, когда я, зачитавшись книгой или увлекшись другим занятием, вдруг чувствовал на своей щеке прикосновение шершавого языка, когда жесткие губы касались моих пальцев или носа, это было настолько привычным, что я не обращал на такие вещи особенного внимания.

Убаюкав свою совесть тем, что, вырастив медвежат, я отпущу их на волю, когда они сами смогут прокормиться и жить в естественных условиях, я не принял в расчет привязанности, на которую способны животные. Отвергая, подобно истому британцу, всяческие сантименты, я пожалел очаровательных малышей, накормил и пригрел сироток, а потом решил, что буду их воспитывать и учить, пока они не смогут сами за себя постоять. Тогда на основе благороднейшего чувства благодарности, уважения, доверия и привязанности между нами возникла и постепенно окрепла такая дружба, о которой я и не помышлял при первом знакомстве с медвежатами.

И вот теперь, когда близился день нашего расставания со Скречем, я оказался не в силах приступить к своему первоначальному плану, который заключался в том, чтобы систематически и постепенно отучить от себя медведя. Мы бродили с ним по лесу, вдыхая запах бальзамических деревьев, поднимались на горные луга, где нас овеивал ветер, и с каждым днем меня все больше страшила мысль о разлуке, но я понимал, что и так уж слишком надолго задержался в северных лесах.

Вместе со Скречем мы пошли на пристань встречать Марка. Медведь очень полюбил своего индейского друга, и они весело боролись, барахтаясь на земле; не в пример Марку, я уже давно не отваживался на такие игры. Пообедав в последний раз в хижине, я сказал Марку:

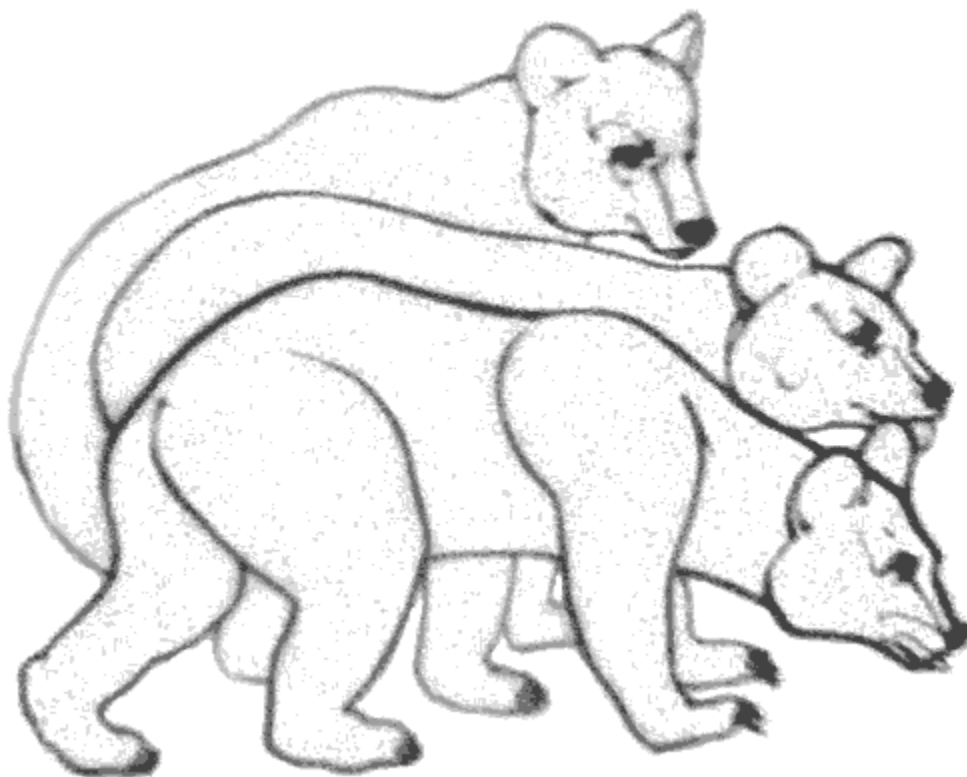
— Я заберу с собой только самые необходимые вещи. Дорога предстоит неблизкая. Так что уж вы с Ларчем поделите по-братски между собой все, что останется.

— Мы с Ларчем будем время от времени навещать в эту хижину. Ты будешь нам писать? Может быть, ты еще приедешь сюда.

С рассветом я нагрузил свое каноэ и приготовился к дальнему путешествию. Сначала мне надо было добраться до Форт-Сент-

Джеймса, а оттуда в Форт-Принс-Джордж; предстоял нелегкий путь по диким местам длиной в триста с лишним километров. Марк, собиравшийся плыть к озеру Палисейд, нагрузил свою лодку, а на носу оставил место для Скреча. Запустив мотор, он усадил медведя и хотел отчаливать. Проходя мимо моего каноэ, он, не глядя, протянул мне толстый ивовый прут. Медведь внимательно следил за мной. Когда я взялся за весло, развернув челнок носом на юг, он взревел, перемахнул через борт и поплыл ко мне.

Обливаясь слезами, я вынужден был поступить так, чтобы навсегда остаться в памяти третьего медведя предателем. Взмахивая прут, я вновь и вновь хлопал медведя по носу — по бедному носу, который столько раз ласково толкался в мою ладонь. В конце концов, ошеломленный зверь повернул назад и медленно поплыл к Марку, который помог ему вскарабкаться в лодку. Мой друг снова запустил мотор, лодка затарахтела и двинулась на север. А я, изо всех сил налегая на весло, поплыл к югу. Если бы я хоть раз оглянулся назад, то ни за что не покинул бы северные леса.

Notes

1

rusty — ржавый, цвета ржавчины

2

scratch — чесать

3

dusty — пыльный

